

Записки сестры милосердия Анны Ждановой

К столетию начала Первой мировой войны

*Книга издана
Благотворительным Фондом
«Имени сестры милосердия
Екатерины Бакуниной»
совместно с Тверским государственным
объединённым музеем
при грантовой поддержке
правительства Тверской области*

**Тверь
2014**

**Записки
сестры милосердия
Анны Ждановой**

**Тверь
2014**

УДК 821.161.1
ББК 63.3(2Р-4Тв)
3-32

Составители:

Глафинова В.В., Селунская Е.А., Манилов Р.А.

3-32 Записки сестры милосердия Анны Ждановой. – Тверь: ООО «Издательство «Триада». 2014. – 240 с., ил.
ISBN 978-5-94789-655-8

Начало мировой войны в августе 1914 года сопровождалось в России общим ликованием, митингами, шествиями, фейерверками, но очень скоро в российские города стали поступать с фронтов солдаты и офицеры, искалеченные, обожженные, контуженные, больные. Только в Твери к 1915 году было развернуто более двадцати госпиталей и лазаретов, под них были приспособлены общественные, частные здания и домовладения.

В одном из таких лазаретов работала сестра милосердия Анна Жданова. Она вела дневник, охватывающий период 1914–1915 годов, в котором записывала впечатления от событий на фронтах, о буднях лазарета, свои мечты и фантазии, вклеивала в дневник фотографии и письма, сопровождая свои записи собственными рисунками.

Полностью дневник публикуется впервые.

В книгу помещен и так называемый «юношеский» дневник, который Анна вела в 1910 году, ярко и с большим юмором описывая и иллюстрируя своими рисунками будни тверской провинции в период, когда её семья проживала в городе Корчева Тверской губернии.

Издание будет интересно как любителям российской истории, так и ценителям мемуарной литературы.

ББК 63.3(2Р-4Тв)

ФОТО

Обложка: Анна Жданова; Знак сестры милосердия. Медаль сестры милосердия (из фондов ТГОМ).

Форзац: Страницы рукописи; Рисунок Анны Ждановой «Прощание», почтовый конверт; «Корчева». Акварель из юношеского дневника Анны Ждановой.

© Благотворительный Фонд «Имени сестры милосердия Екатерины Бакуниной», 2014

© ТГОМ, 2014

© ТЦДНИ, 2014

© Оформление ООО «Издательство «Триада», 2014

ISBN 978-5-94789-655-8

Вступительное слово

В год столетия начала Первой мировой войны Фонд Екатерины Бакуниной совместно с Тверским объединённым государственным музеем издаёт новую книгу в серии биографий российских сестёр милосердия.

Предыдущее издание фонда – книга тверского писателя В.И. Сысоева «Сестра милосердия Екатерина Бакунина» вызвала большой интерес не только в медицинском сообществе и среди историков, но и привлекла внимание всех интересующихся темой милосердия, патриотизма и героизма, темой служения людям и Отечеству. Презентации книги о Екатерине Бакуниной с большим успехом прошли во многих городах: Санкт-Петербурге, Твери, Торжке, Севастополе, Волгограде, Ереване, Гюмри (Армения). Продолжающиеся презентации книги говорят о

том, что тема милосердия и жертвенного служения ближнему не оставляет равнодушными не только разные социальные и образовательно-профессиональные сообщества, но и различные возрастные группы нашего общества.

Первая мировая, именовавшаяся «Второй Отечественной» и «Великой Отечественной», в советское время была названа «империалистической»; и в этой войне уже не могло быть места подвигу, героизму, жертвенному служению ближнему и Отечеству. Но сейчас настало время восполнить этот столетний пробел и в нашей памяти, и в нашей совести.

Одним из таких деяний, направленных на восстановление исторической правды, является издание книги записок Анны Ждановой. Книга эта – дань нашего уважения и признательности нелегкому, но благородному труду – служению раненым воинам, защитникам России в годы Первой мировой войны.

Тысячи девушек и женщин того времени заканчивали курсы сестёр милосердия и по велению сердца шли ухаживать за ранеными в госпитали и лазареты.

Таким добровольцем оказалась и Анна Жданова – родная сестра известного революционера и деятеля Коммунистической партии Андрея Жданова.

Анна была девушкой талантливой и весьма неординарной. Уже тот факт, что она на протяжении многих лет, с ранней юности, кропотливо вела личный дневник, записывая события того времени, свои чувства и переживания, мысли и рассуждения, говорит о незаурядности её личности.

Записки Ждановой интересны прежде всего тем, что являются отображением настроений значительной части российской интеллигенции того времени, затронутой социалистическими идеями переустройства общества. Но для издателей главной ценностью рукописи Анны Ждановой является мятущаяся душа самого автора и ее искренний, сердечный позыв послужить в эти трудные для России годы раненым воинам той страшной войны.

Трудно сравнивать образец высокого служения ближнему и подвижничества сестёр милосердия Екатерины Бакуниной, Юлии Вревской, Риммы Ивановой со службой Анны Ждановой в тверском лазарете, но тот факт, что и в её душе, несмотря на определённое воспитание, мировоззрение и политические пристрастия, теплилась лампада сострадания ближнему и желание не остаться в стороне от страданий и бедствий военного времени, не может не вызывать уважения, сочувствия и понимания.

Знаменитый русский певец Александр Вертинский в своих воспоминаниях о службе в санитарном поезде во время Первой мировой войны с юмором и самоиронией описывает эпизод о своем предстательстве пред Господом то ли во сне, то ли после смерти. Увидев Вертинского, один из ангелов с сарказмом сказал: «Вот, актёришка какой-то явился», но когда другой ангел упомянул, что этот «актёришка» Пьеро сделал тридцать пять тысяч перевязок раненым, то на Небесах весьма удивились и восхитились этим подвигом служения ближнему.

Конечно же, фамилия «Жданова» накладывает определённый негативный отпечаток на всех родственников этой семьи, но не наше дело сейчас судить Анну так, как мы могли бы судить Андрея Жданова.

Трудно проникнуть в сокровенные глубины души человеческой, безошибочно и безапелляционно дать оценку всей жизни Анны, её поступкам, чувствам и чаяниям. Но уже одно её стремление помогать раненым участникам той жестокой войны заслуживает того, чтобы вспомнить о ней и отдать посильную дань нашей памяти и благодарности.

И, быть может, сотни перевязанных ею кровоточащих ран покроют своим ходатайством пред Богом многие недостатки, заблуждения, ошибки и грехи этого человека.

Дай Бог, чтобы кто-нибудь по прочтении этих записок помолился о душе их автора, тверской сестры милосердия Анны Александровны Ждановой, прожившей сложную, противоречивую жизнь в очень тяжёлый период истории нашего Отечества. И будем помнить, что однозначные люди, герои и персонажи бывают только в мультфильмах.

Священник Роман Манилов,
директор Фонда
Екатерины Бакуниной

Предисловие

В канун 100-летия начала Первой мировой войны особенный интерес вызывают документальные материалы – дневники, воспоминания, оставленные современниками тех далёких событий. Именно они позволяют нам сегодня перенестись в прошлое и почувствовать, ощутить ушедшую эпоху, узнать очень непредвзятые оценки, чувства, мнения о происходивших событиях как военной, так и повседневной жизни России в период Первой мировой войны¹.

¹ Первая мировая война (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.) – один из самых широкомасштабных вооружённых конфликтов в истории человечества.

Это название утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны в 1939 году. В межвоенный период употреблялось название «Великая война», в Российской империи её также называли «Великой войной», «Большой войной», «Второй Отечественной», «Великой Отечественной», а также неформально (и до революции, и после) – «германской»; затем в СССР – «империалистической». Поводом к войне послужило Сараевское убийство 28 июня 1914 года австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда девятнадцатилетним сербским террористом, студентом из Боснии Гаврилой Принципом, который являлся одним из членов террористической организации «Млада Босна», борющейся за объединение всех южнославянских народов в одно государство.

В результате войны прекратили своё существование четыре империи: Российская, Австро-Венгерская, Османская и Германская (хотя возникшая вместо кайзеровской Германии Веймарская республика формально продолжала именоваться Германской империей), а также произошли Февральская и Октябрьская революции в России и Ноябрьская революция в Германии.

Страны-участницы потеряли более 10 млн человек убитыми военными, около 12 млн убитыми мирными жителями, около 55 млн были ранены; материальные потери были неисчислимы.

Участники войны: с одной стороны, Четверной союз: Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария, с другой – Антанта: Россия, Франция, Великобритания. Поддержали Антанту в войне США, Япония, Сербия, Италия (участвовала в войне на стороне Антанты с 1915 года, несмотря на то, что была членом Тройственного союза), Черногория, Бельгия, Египет, Португалия, Румыния, Греция, Бразилия, Китай, Куба, Никарагуа, Сиам, Гаити, Либерия, Панама, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Боливия, Доминиканская республика, Перу, Уругвай, Эквадор.

28 июня 1919 года Германия была вынуждена подписать Версальский договор, составленный государствами-победителями на Парижской мирной конференции, официально завершивший Первую мировую войну.

Здесь и далее примечания редактора и составителей.

В Тверском государственном объединённом музее (ТГОМ) среди разнообразных документов личного происхождения сохранился дневник сестры милосердия Анны Ждановой с записями за 1914–1915 годы. Это необычайно ценный и значимый в культурно-историческом отношении документальный памятник с богатым содержательным контекстом. В нём, помимо очень личных переживаний автора, содержатся разнообразные сведения о военных событиях Первой мировой войны, жизни тыловой Твери, и что особенно интересно для нас, сведения о работе тверских лазаретов и госпиталей, где проходили лечение раненые солдаты.

Очень небольшой по объёму дневник необычайно интересен по содержанию. Дневниковые записи охватывают период с 11 декабря 1914 года по 20 июля 1915 года, хотя автор включает в записи и события осени 1914 года (сентябрь), описывая неудачи на фронте. Записи ведутся с разными интервалами – с перерывами от одного до одиннадцати дней. Весь дневник уместён в небольшую общую тетрадь, исписанную убористым почерком. Общий страничный объём дневниковых записей – девяносто три страницы. В свой дневник Анна вклеивает фотографии раненых солдат из лазарета. Некоторые из них были сделаны в Твери, другие вместе с письмами присылали с фронта сестре милосердия Анне Ждановой бывшие раненые. В дневнике сохранилось четыре письма с фронта от солдата действующей армии, лечившегося в госпитале в Твери, Михаила Зенова. Он явно влюблён в Анну и, по-видимому, рассчитывает на её взаимность. Его письма трогательно наивны, малограмотны и подкупают своей искренностью. Среди её дневниковых записей сюжетные рисунки, портретные зарисовки раненых солдат. Чаще всего Анна изображает одного из раненых – Андрея Масликова (видимо, этот солдат вызывал у неё большую симпатию).

Время не пощадило этот документальный памятник – дневник на сегодняшний день изрядно потрёпан, разброшюрован, нет титульного листа, утрачены обложка, отдельные страницы записей, часть отклеившихся фотографий и вложенные артефакты (засушенные цветки). В результате длительного использования документа и последующей произвольной сшивки листов во многих местах нарушена хронологическая последовательность записей.

Уже не один ряд исследователей, музейных сотрудников обращались к дневнику – для цитирования, для экспонирования на выставках и в экспозициях музея, написания статей, но публикуется он впервые.

До сих пор остаётся неизвестным путь его поступления в Тверской музей. Сегодняшние попытки разъяснить это вопрос по-прежнему не прояснили ситуацию. Памятник периода Первой мировой войны, дневник выделен в отдельную единицу хранения¹ и занесён в 1970-е годы при обработке документов научного архива музея в фонд ТУАК (Тверская учёная архивная комиссия), кроме того, тогда же он был ошибочно датирован 1914–1917 годами из-за прикреплённой к нему справки из суда за 1917 год. Не случайно, что дневниковые записи Анны были приписаны к фонду ТУАК. Дневники, воспоминания, документы периода Первой мировой войны действительно соби-

¹ ТГОМ. Научный архив. Оп. 1 Д. 106.

рались членами ТУАК и затем попали в собрание Тверского музея, в фонды Государственного архива Тверской области, тем более во главе ТУАК стоял Иван Александрович Иванов, участвовавший в работе многих тверских благотворительных организаций по оказанию помощи раненым воинам, их семьям. Но на наш взгляд, дневник малоизвестной тогда девицы Ждановой, очень личный, с негативными и резкими оценками всех официальных лиц, церковных деятелей, попечителей госпиталей, персонала госпиталя, вряд ли мог попасть в Тверской музей в те годы. Имя Ждановых в советскую эпоху звучит совершенно в другом контексте: брат Анны Андрей Жданов – тверской большевик, который с 1919 года по 1922 год работал в Твери на различных должностях, в дальнейшем – сталинский идеолог, известный государственный и партийный деятель. В 1922 году он уезжает из Твери по партийной разнарядке на новое место работы вместе с семьей.

Анна и её сестра Елена после конфликта с персоналом уходят из госпиталя и осенью 1915 года едут в Москву на курсы. Вероятнее всего, поступление в музей дневника Анны, семейных фотографий, а главное, мемориальных вещей государственного и партийного деятеля Андрея Жданова произошло в уже более позднее, советское, время и никак не было связано с деятельностью ТУАК, ликвидированной в 1923 году. Однако документальных подтверждений о поступлении дневника в фондах музея нами не обнаружено. Во многом это объясняется плохой сохранностью и неразобранностью документов научного архива музея.

Всё содержание дневника Анны можно разбить на важные составляющие: её личные переживания, повседневные записи событий её жизни, военные события на театрах военных действий, события и обстановка в Твери и работа в лазарете сестрой милосердия. Лейтмотив дневниковых записей – война как эпохальное, экстраординарное событие в жизни страны и в жизни Анны и в связи с этим попытки молодой девушки со свойственными ей темпераментом и романтическим экстазом юности самоопределиться и найти своё место в ситуации военного времени. Отсюда – тема жертвенности, служения народу, героизма и гибели в бою. Отдельно звучит тема – участие в борьбе против режима, за интересы обездоленного страдающего народа. Анна мучительно пытается определить для себя, где ей быть и где от неё будет больше пользы: «на позициях» или рядом с «товариществом», в гуще подпольной пропагандистской работы или в дальнейшем продолжении учёбы на курсах в Москве. Автор на страницах дневника трансформирует свои чувства, мечты, устремления в поэтические и абстрактные образы. «Разговор с собой» Анна сопровождает стихами, в её дневнике – изобилие описаний различных, очень тонко подмеченных состояний природы. Весь дневник несёт отпечаток очень яркой личности, в нём туго закрученная интрига и, прочитав его до конца, хочется обязательно узнать: что же дальше случилось в её жизни?

Биографические сведения о семье Ждановых мы находим в московских и тверских архивах, в воспоминаниях Татьяны Ждановой, Юрия Жданова (сына Андрея Жданова), отчасти в публикациях советского периода и в современных публикациях об Андрее Жданове, свободных от идеологической шелухи и лакировки.

А.А. Жданов. Слева направо: Татьяна, Андрей, Елена, Анна

Анна Жданова родилась 28 сентября 1892 года в Сергиевом Посаде Московской губернии¹. Атеистка и социалистка по своим убеждениям, Анна происходила из духовного сословия. Её дед по отцовской линии Алексей Никандрович Жданов был сельским священником. Дед по материнской линии Павел Иванович Горский-Платонов был магистром богословия и профессором Московской духовной академии. Её отец, Александр Алексеевич Жданов (1860–1909) также был магистром богословия и доцентом Московской духовной академии, однако, несмотря на искренний интерес к истории христианства, сочувствовал социалистам-народникам и, будучи в стенах академии, похоже, окончательно стал атеистом. Неблагонадёжного доцента изгнали из учебного заведения, и он нашёл

себе применение в провинции, служа инспектором народных училищ Мариупольского уезда Екатеринославской губернии и став почётным гражданином Мариуполя. Мать Анны Екатерина Павловна Жданова (1868–1944) (урождённая Горская) окончила Московскую консерваторию, была великолепной пианисткой, но после замужества полностью посвятила себя мужу и детям. В семье Ждановых было четверо детей: Татьяна (1891–?), Анна (1892–1974), Елена (1893–1927), Андрей (1896–1948).

По сведениям биографов, Александр Алексеевич Жданов имел независимый характер, был принципиальным и весьма активным человеком, отличался вольнодумием. Не случайно из-за конфликта с начальством Одесского учебного округа Александр Алексеевич был переведён на работу в Тверскую губернию, в город Корчева в качестве инспектора народных училищ Корчевского, Кашинского и Калязинского уездов. В этом уездном городе семья Ждановых прожила с 1902-го по 1910 год, и период «корчевской» жизни ярко запечатлён Анной в более раннем дневнике за 1910 год, хранящемся в Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ).

Родители сумели дать детям прекрасное, разностороннее домашнее образование: они обучали детей истории, географии, русскому, немецкому, французскому языкам, дали основы знаний философии, психологии и логики. От матери дети переняли любовь к музыке, от отца – способности к рисованию (в частности, Анна), любовь к родной природе. После смерти отца в

¹ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3034. Л. 7.

Реалист Андрей Жданов с сёстрами

1909 году семья столкнулась с финансовыми трудностями, и заботу о дальнейшем благополучии и воспитании детей взяла на себя мать Екатерина Павловна Жданова.

Сохранилось её прошение¹ от 25 марта (7 апреля) 1909 года директору народных училищ Тверской губернии об увеличении суммы пособия по случаю смерти супруга, так как «покойный муж оставил меня без всяких денежных средств».

Тверской период жизни семьи Ждановых начинается в 1910 году, когда дети Ждановых поступили в учебные заведения Твери. Анна и Елена готовились к вступительным экзаменам в Тверскую Мариинскую женскую гимназию, Андрей – в третий класс Тверского реального училища.

Старшая сестра Татьяна уехала к родному дяде (брату отца, преподавателю русского языка в духовном училище) в Переславль-Залесский Владимирской губернии продолжать учёбу в гимназии.

В Твери семья Ждановых снимала квартиру в доме Н. Андреева на улице Рыбацкой.

Полученное ранее образование позволяло Анне держать вступительные экзамены сразу в шестой класс, Елене – в пятый класс Мариинской гимназии. За обучение дочерей в гимназии Екатерина Павловна вносила плату в размере шестидесяти рублей в год, Андрей же был освобождён от оплаты (звание почётного гражданина от отца перешло к его сыну и давало опреде-

¹ От 20 марта (2 апреля) 1909 года, находится в РГАСПИ.

лённые льготы членам семьи и его вдове). Девочки учились хорошо. После окончания гимназии Анна смогла применить на практике свои художественные способности, став рисовальщицей мастерских художественных изделий. Елена, окончившая полный курс обучения в 1913 году с золотой медалью, продолжила обучение в восьмом педагогическом классе Мариинской гимназии, получив по окончании звание домашней наставницы математики и истории¹.

Сведения об учёбе Анны в Мариинской гимназии мы находим за шестой и седьмой классы. Известно, что при переводе из шестого в седьмой класс Анна была удостоена награды II степени. К сожалению, в тверских архивах не сохранились её гимназические аттестат и свидетельство. Андрей блестяще учился в реальном училище: по всем предметам пятёрки, за исключением рисования, там четвёрка. В 1915 году он заканчивает дополнительный седьмой класс реального училища с правом поступления в высшие учебные заведения. Ещё будучи реалистом, он вместе с сёстрами входил и был одним из организаторов кружка учащейся молодёжи. В нём, помимо реалистов, состояли учащиеся коммерческого училища и женской гимназии. По сведениям, приводимым в автобиографии 1921 года, «в 1912 году, будучи в пятом классе, вместе с сёстрами и несколькими учениками Тверского реального училища организовал кружок для марксистской работы среди учащейся молодёжи. В разных составах участвовал в кружках 1913, 1914 и 1915 годов, придерживаясь социал-демократического большевистского направления». Биография, написанная им в 1921 году во времена партийной чистки, широко цитировалась исследователями советской эпохи. Большинство современных авторов сомневаются, что шестнадцатилетний юноша, учащийся пятого класса реального училища, в 1912 году мог сразу и чётко определить свою политическую позицию и связать себя с РСДРП(б), и придерживаются мнения, что направленность деятельности кружковцев, Жданова и его сестёр была больше народнической, нежели социал-демократической, а тем более большевистской. В кружке занимались изучением марксистской литературы, интересовались и обсуждали вопросы, связанные с положением рабочего класса, протестными акциями против самодержавия, занимались пропагандистской работой. Это подтверждают донесения по наружному наблюдению за Андреем Ждановым Тверского жандармского управления.

Старшая сестра, Татьяна Жданова, окончив в 1911 году восьмой класс Переславльской гимназии, стала учительницей в Корчевском уезде, вышла замуж и затем проживала в Могилёвской губернии, где также учительствовала, преподавала русский язык и историю, работала в библиотеке, потом переехала в Переславль-Залесский, где заведовала попечительством по призрению семейств мобилизованных, занималась репетиторством. После революции продолжала заниматься просветительской и педагогической деятельностью, в 1919 г. вступила в ряды РКП(б). Один из её сыновей, Антон Жданов, участвовал в советско-финской войне 1939–1940 гг., посмертно был награждён орденом Ленина. Другой сын, Евгений, также ушёл добровольцем в армию,

¹ Свидетельство Е.А. Ждановой об окончании от 1 июня 1914 года. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1404. Л. 11-11 об.

Здание Мариинской женской гимназии

Здание Тверского реального училища

третий – Дмитрий, участник Великой Отечественной войны, был награждён орденами Отечественной войны и Красной Звезды.

Период ученичества заканчивается для Анны и Елены в 1914 году, для Андрея – в 1915-м. Спасаясь от призыва в действующую армию, Андрей в 1915 году поступил в Московский сельскохозяйственный институт, где наряду с учёбой продолжил участие в подпольной работе: входил в Тверское землячество, где преобладали народники, поддерживал связи с тверским под-

Татьяна Жданова

полем. В июле 1916 года он был призван на военную службу в студенческий учебный батальон в Царицыне, затем окончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков и был распределён в город Шадринск. Молодой офицер Жданов публикуется в местной буржуазной газете. Там же, в Шадринске, он венчался с девицей, бывшей гимназисткой, в дальнейшем студенткой Петроградских высших курсов Зинаидой Кондратьевой.

В 1919 году из Зауралья в Тверь возвращается действительно зрелый большевик Андрей Жданов. Здесь в его семье родился единственный сын Юрий.

В своём дневнике Анна упоминает о подпольной работе брата, о его окружении – «товариществе», подчёркивая, что участие в революционной работе соединялись у него с

обычными для его возраста сомнениями, учёбой и юношескими увлечениями. Запись от 24 июня 1915 года: «Андрея заела рефлексия и самоанализ, не может самоопределиться, нервничает.... Их товарищество поставило перед собой так много вопросов, для разрешения которых требуется головоломная работа...»¹.

Сёстры Ждановы, окончив Мариинскую гимназию, планируют продолжать обучение на курсах в столице, отправив туда документы. Война кардинально вмешалась в жизнь молодых девушек. Анна и Елена, повинаясь патриотическому порыву, оканчивают курсы медсестёр и идут работать в госпиталь.

Свои записи в тверском дневнике Анна начинает в тот момент, когда вместе с Еленой они работают сёстрами милосердия в солдатском лазарете при училище для слепых.

С началом войны патриотический подъём охватил широкие круги русского общества. На нужды войны откликнулись дворянство, купечество, молодёжь и другие слои населения Тверской губернии. Повсюду учреждались инициированные властью общественные организации: комитеты, отделения, занимавшиеся разнообразной благотворительной деятельностью по оказанию помощи раненым воинам и их семьям, также семьям лиц, призванных на войну, сбором пожертвований на содержание лазаретов, шитьём белья для армии и раненых воинов. Активными членами этих благотворительных организаций были тверской губернатор Н.Г. фон Бюнтинг и его супруга, архиепископ Тверской и Кашинский Серафим, управляющий Тверской казённой палатой и председатель ТУАК И.А. Иванов, тверской губернский предводитель дворянства П. Менделеев, его супруга И. Менделеева, председатель Тверской губернской земской управы В.Ф. Гаслер, многие городские деятели. Уже в первые месяцы войны по инициативе Тверского земства и властей раз-

¹ Подробная биография А.А. Жданова после 1919 года изложена в настоящем издании в приложении.

ворачиваются госпитали и лазареты для приёма с фронта раненых солдат и офицеров. Принять большое количество раненых не смогли бы имевшиеся в Твери больницы: Губернская земская больница и Аваевская, обслуживавшая только городских жителей.

Под здания госпиталей использовались общественные учреждения и здания учебных заведений. Тверским губернским и уездным земством в Твери были открыты госпитали при Губернской земской больнице (сто двадцать коек), для легкораненых – на двести коек в новом здании отделения Госбанка и смежном с ним доме епархии на Судебной площади, в новом здании Почтово-телеграфной конторы (сто коек), в Дворянском собрании – госпиталь для нижних чинов (сто двадцать коек), лазарет при училище для слепых (сто коек).

По инициативе Тверской епархии были открыты лазареты в здании Тверской духовной семинарии и Трёхсвятском архиерейском доме, где работу низшего персонала бесплатно выполняли монахини. По данным адрес-календаря Тверской губернии за 1915 год, в Твери работало двадцать лазаретов и госпиталей. Также небольшие лазареты были устроены в доме Светогорова, народном и реальном училищах, при Рождественской и Морозовской мануфактурах, мельнице братьев Коняевых. На средства Всероссийского союза обществ взаимного страхования был открыт лазарет (сто коек) в Романовском училище по Пивоварскому переулку (при содействии Тверского городского комитета по оказанию помощи семьям призванных на военную службу).

Анна в дневнике часто упоминает эти госпитали, называя коротко: почта, банк и Дворянский дом. Персонал госпиталей состоял собственно из медицинских сестёр: «настоящих» и «земских». Земские сёстры – это добровольцы, окончившие шестинедельные курсы при Губернской земской больнице,

Здание Губернской земской больницы

Здание Аваевской больницы на 1-й Никольской улице

организованные Тверским земством. Их было принято называть сёстрами милосердия военного времени. По окончании курсов они были приняты в тыловые госпитали и при этом значительная их часть несла свои обязанности бесплатно. Именно к такому разряду сестёр и относились сёстры Ждановы. Всей внутренней жизнью лазарета заправлял заведующий, к каждому лазарету был прикреплен конкретный врач, в основном – врач общей медицинской практики. Комиссия, состоявшая из врача лечебного учреждения, военного врача и воинского начальника, определяла годность к дальнейшему прохождению службы вылечившихся солдат. Этих солдат отправляли в запасные воинские полки Твери, организованные с началом войны.

Лазарет, где работала Анна, был организован на средства Тверского губернского комитета Всероссийского земского союза. Размещался он в уединённом, тихом Затьмачье на 1-й Никольской улице. Буквально напротив него, на этой же улице, размещалась Аваевская больница и лазарет при ней. Неподалёку располагался Христорождественский женский монастырь, церковь Белая Троица, дальше по реке – две мануфактуры: Рождественская и Морозовская. Эта часть города была связана с центром и вокзалом трамвайной линией. Под госпиталь были отведены главное здание училища с церковью внутри, глазная лечебница и большой сад, принадлежавшие училищу для слепых (ныне это здания городской больницы № 1). Госпиталь мог принять одновременно восемьдесят пять – сто раненых. Врачом училищного госпиталя был необыкновенно популярный в те годы городской врач Евгений Алексеевич Панов, всей же внутренней повседневной жизнью лазарета руководил Алексей Иванович (фамилия не установлена). Анна в дневнике описывает подробнейшим образом свои дежурства, перевязки раненых, приём и доставку раненых в госпиталь, «бешеные комиссии», поимённо раненых солдат по

палатам, всю повседневную жизнь лазарета. Иронично, а иногда очень жёстко и негативно, оценивает медицинский персонал, с которым воюют сёстры Ждановы. И очень подробно – свои взаимоотношения с ранеными солдатами из лазарета, с которыми сёстры Ждановы не только дружили, а довольно часто увлекались ими более или менее серьёзно. Их дружба продолжалась и в переписке. Уход за ранеными во время дежурств переплетался с беседами о войне, общечеловеческих ценностях и неожиданными выдумками и совместными озорными выходками. Непосредственный интерес к людям, прибывшим с фронта из зоны боевых действий, а также её активная жизненная позиция стимулирует и подстегивает стремление (вместе с сестрой Еленой) попасть солдатами-добровольцами в действующую армию: на «позиции». Они выстраивают всевозможные планы того, как осуществить эту цель.

На страницах её дневника перед нами развёртываются разнообразные картинки жизни Твери военной поры: большое количество военнопленных, в основном австрийцев, беженцев из западных российских губерний, благотворительные концерты, крестные ходы и молебствования, празднование Рождества, Пасхи, дороговизна продовольствия, запреты и ограничения военного времени, отправка плохо подготовленных новобранцев на фронт, мобилизация лошадей, слухи и недовольство населения действиями властей. По её мнению, невозможно продолжать жить так же, как в мирное время, – ходить на гуляния в Городской сад, наряжаться, бездельничать. «Как чужда мне эта толпа...», «...мёртво здесь, в пучине грязи и пошлости ... у каждого из нас должно быть сознание страшного горя, которое легло на душу после наших поражений на войне». «На сердце тяжёлая тоскливая дума об одном мешает жить. Наши гибнут, наш народ страдает. Не могу я видеть эти спокойные лица, эту радость и веселье, каким-то кощунством кажется оно мне...».

Активная жизненная позиция Анны заставляет её постоянно обращаться к самым злободневным событиям военных действий: российским победам и неудачам на фронте, черпая информацию из газет, из разговоров с солдатами. Стремление попасть на фронт отодвигает на второй план учёбу, участие в подпольной работе. «Из-за нашей цели порвали с п. (подпольной. – **Ред.**) работой... Если сейчас я чувствую себя как в тюрьме, что же будет, если перед мной встанут каменные стены острога, решётки одиночной камеры? И за что? Ведь не могу я сейчас быть полезной тем, кто зовёт меня в свои ряды... Не хочу, хочу на позиции... Не могу я здесь жить, не могу жить, не увидав войны...».

Непокорный нрав сестёр, эпатажное, в глазах персонала, поведение, дружба с солдатами вне лазарета, непримиримость к любым проявлениям несправедливости, частые конфликты с медперсоналом лазарета неизбежно приводят к финалу. После публичного выговора, который доктор сделал, осудив их за «вызывающее и предосудительное» поведение, Анна и Елена 26 мая 1915 года покинули лазарет. «Та работа, которая так удовлетворяла месяца два тому назад, не кажется нужной и полезной. Окружающие привыкли относиться к делу спустя рукава; перед нами была сплошная стена равнодушия и даже враждебности к больным». «Многие зовут наш план безумием, экзальтированностью, но чем виноваты мы... что не родились мужчинами ... И оставаться здесь, ничего не делая? Увеличивать собой процент оставшихся без-

*Анна Александровна
Жданова. Фото 1954 г.*

дельничающих женщин...? Нет, нет и нет ... Если жизнь, так жизнь яркая, полная борьбы; пусть она будет короче, но зато она будет такой, как я хочу, без налёта серой скуки и однообразия».

Сёстры предпринимают всевозможные попытки попасть на позиции добровольцами, солдатами или медсёстрами в составе подвижных госпиталей, но у их «безумного», по мнению окружающих, плана так много реальных препятствий.

Дневниковые записи Анны обрываются 20 июля 1915 года словами: «А мы, кажется, едем (на фронт. – **Ред.**) и уже окончательно. Так трудно верить в осуществившуюся мечту».

Как сложилась дальнейшая жизнь Анны, сумела ли она реализовать своё стремление попасть на «позиции»? Вся информация о её жизни после тверского периода остаётся за пределами дневника, об этом пишут в публикациях уже другие исследователи, выявившие биографические

сведения из архивов и воспоминаний её близких¹. Осенью 1915 года Анна поступила и обучалась на математическом факультете Высших женских курсов в Москве. Однако она настойчиво пробивала свою идею отправиться вместе с сестрой на фронт. Как добровольцы действующей армии сёстры Ждановы стали шофёрами на грузовиках. В 1916–1918 годах Анна служила шофёром на Юго-Западном фронте в первой санитарно-автомобильной колонне. Сёстры продолжают службу шофёрами и в годы Гражданской войны на стороне красных. Во время боёв Анна и Елена чуть не погибли – были засыпаны землёй в воронке от разорвавшегося снаряда, спаслись чудом, так как случайно были замечены санитарями. Контузия и последующие болезни привели к ранней смерти Елены в 1927 году, Анна сумела выздороветь и вернуться к активной жизни. С 1918-го по 1941 годы она работала в разных должностях в транспортном отделе ЦИК СССР – шофёром, механиком, инженером. Окончила Автодорожный институт, в 1929 году вступила в коммунистическую партию. В дальнейшем, вплоть до выхода на пенсию в 1957 году, её работа была связана с редакционной деятельностью. Она работала в издательстве «Правда» заведующей отделом литературной консультации, в редакции журнала «Октябрь». Обе сестры не создали семей, длительное время занимались очень несвойственным женщинам трудом – водили грузовики, воевали на фронтах.

В целом необычная жизнь Анны была логическим продолжением той программы, жизненного сценария, который она выстроила для себя ещё в юности. Кроме того, в её линии жизни было присутствие и влияние очень известного, высокопоставленного брата, который, вероятнее всего, пытался ей помочь и всячески содействовал.

¹ Е.А. Селунская. Дневник Анны Александровны Ждановой как исторический источник // Архивы и история Российской государственности. Выпуск 4. СПб. 2013.

В 1965 году у музейных сотрудников (заведующая фондами Калининско-го областного музея Т.А. Гусева) состоялась личная встреча с Анной Ждановой в Москве, где она проживала на улице Серафимовича. Именно тогда из рук Анны музей получил мемориальные вещи её знаменитого брата, а также некоторые семейные фотографии, похвальные листы учащегося Тверского реального училища Андрея, его генеральский китель и бриджи, бытовые предметы. В 1967 году Калининский музей делится материалами об Андрее Жданове с краеведческим музеем города Жданова Донецкой области (ныне – Мариуполь), создававшим мемориальный раздел о его жизни и деятельности. Возможно, именно тогда в Калининский областной музей и поступил описываемый дневник сестры милосердия Анны Ждановой.

Глафилова В.В.,
старший научный сотрудник ТГОМ
Селунская Е.А.,
ведущий архивист ТЦДНИ,
кандидат исторических наук

Записки сестры милосердия¹

1914 год

*Кто узнает, чего я хочу?
Я свободы хочу,
Я свободы добьюсь
И железную цепь разобью!..*

...Результаты комиссий: всех в строй, а Ренчека в Бурашево² для исследования.

11 декабря

Сейчас катались на лыжах по Волге. Лёд ещё не занесён снегом. Слабый свет луны освещает город, далеко-далеко горят звёзды и признак скорой метели – ветер – оттуда, с неба. Скоро, может быть, мы будем сидеть в такие ночи в окопах, грея носы огоньком папиросы. Я и Елена³ решили ехать на позицию в солдатских одеждах. Зануда вчера спросил меня:

- А вы, сестрица, я слышал, собираетесь на позицию?
- Да.
- А вы не сестрой поезжайте, а добровольцем. Поедьте тогда вместе, будем служить в разведочной команде, я научу вас стрелять.
- Смотрите, Зануда...

Дорогая Нюра.

Я читаю твоё письмо и не верю тому, что ты пишешь.

Нюра, ты играешь мною, ты не любишь меня, тебе только было интересно завлечь меня, но когда я смело предложил тебе быть моей, ты

¹ Публикацию подготовила старший научный сотрудник ТГОМ В.В. Глафинова. Текст приведён в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации.

² Село в 16 км от Твери, где с 1884 г. существовала психиатрическая колония Тверского губернского земства. С началом войны там было открыто отделение на 100 коек для душевнобольных воинов.

³ Родная сестра Анны.

мне отказываешь. Нюра, милая, если ты не хочешь быть моей теперь, то, значит, и не будешь моей и через пять лет. Неужели ты такая жестокая: завладела всецело моим сердцем, а теперь втоптываешь его в грязь, не мучай меня, дай согласие мне теперь.

Я такого недоверия не заслуживаю, я не такой легкомысленный, как ты думаешь, то, что я раз полюбил, того я не забываю век, и так же как и ты не потерплю измены, за неё я отплатю так же смертью только своею и твоею; если не моя, так и ничья, и поверь мне, я никогда слова свои не бросаю на ветер, что я сказал, то поставлю на своём.

Ты пишешь, чтобы я подумал, что я делаю, это я уже давно, в долгие ночи, передумал и взвесил, и решил, что я в состоянии вынести всё это на своих плечах. Это бремя беру на себя с радостью и думаю, что рядом с милой подругой и помощницей я легко и весело буду жить.

Нюра, милая, не будь жестокой, не разбивай моего счастья и жизни, которую я хотел устроить с помощью тебя.

Нюра, я знаю, т. е. я так думаю, ты хочешь только испытать меня. Счастье моё, вся цель жизни моей, о, как я буду рад, когда получу твоё согласие.

Нюра, милая, пиши мне как можно скорей ответ, каков бы он ни был. Не мучь меня, пиши скорей, я не могу спать, когда долго не получаю твоё письмо.

Нюра, о если бы могло исполниться это счастье, о котором я мечтаю, как мы бы жили с тобою, как бы обожал мою ненаглядную, маленькую жёнушку. Жили бы в Петрограде или же где ты хочешь, веселились, пока молодые, да что мечтать, может, всё это напрасно.

Нюрок, пиши скорей ответ, как можно скорей, как только получишь. Посылаю тебе свою физиономию, только как увидишь, не разлюблю.

Твой навек Михаил¹.

Как он смел вечером, подойдя ко мне, сказать:

– Вы вчера гуляли? Сколько времени? Я видел вас. Вы гуляли втроём. Да? Вы ведь знаете, я тогда и себя, и его.

Какое право имел он говорить так <...>²? Мы шли с С.Аф., и М.³ Видели вас и передали ему, но что ему за дело, что это за требование отчёта, что за угрозы? Нынче или завтра комиссия. Как хорошо, что его отъезд как начальника эшелона – решение. Я госпитальные рожи теперь видеть не могу спокойно, завтра с ужасом войду в госпиталь. О, если бы меня не было уже там. Все окружающие меня там мне отвратительны. Ну ладно, бросим пока об этом.

¹ Михаил Зенов, солдат, бывший на излечении, поклонник Анны. Письмо датировано 9 декабря 1914 года.

² <...> Здесь и далее в авторском тексте пропущено, зачёркнуто, вырезано.

³ личности не установлены.

Долгожданный приезд Николая II¹ не состоится, хотя истрачено много денег на украшение города. Заготовлено три тысячи электрических лампочек для иллюминации, арка, железные фигуры и вензеля. Говорят, Николай II сильно расстроен видом нашей армии и беспорядками. Николай Николаевич² хочет отдавать Варшаву, а войска просили Николая II принять командование и идти в бой за Варшаву³.

Никто не хочет отступать, тогда как гибель от морозов и голода никому не улыбается, решено лучше погибнуть в бою. Вчера по госпиталю пронёсся слух, что Варшава отдана, но этому трудно верить. Вот такие дела.

12 декабря

Опять катались на лыжах. Несмотря на сильный мороз, жарко, сухой холодный ветер кажется тёплым. Пробежали почти весь путь от моста до епархиального училища⁴ бегом, утомились, вернулись в самом хорошем настроении духа.

Нынче было жизнерадостное утро, розовый солнечный свет проникал в палаты, кружилась пыль в косых неярких лучах. В перевязочной⁵ во время работы оживило нас одно происшествие: Кацовская⁶, подающая материал, обжигала корнцанг⁷, он не успел ещё обгореть, как она сунула его в

¹ Николай II (1868–1918), российский император (1894–1917), 23 августа 1915 г. встал во главе армии и флота.

² В 1914-м – августе 1915 гг. – Верховный главнокомандующий Русской армией (1856–1929), великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С августа 1915 г. по март 1917 г. – главнокомандующий войсками Кавказского фронта и наместник Кавказа; в марте 1919 г. эмигрировал.

³ Упоминаются военные действия в Царстве Польском. 15 (28) сентября 1914 г. наступлением германцев началась Варшавско-Ивангородская операция. Наступление шло в северо-восточном направлении, имея целью Варшаву и крепость Ивангород. 30 сентября (12 октября) немцы дошли до Варшавы и вышли на рубеж реки Висла. Начались ожесточённые бои, в которых постепенно определилось преимущество Русской армии. 7 (20) октября русские начали переходить Вислу, а 14 (27) октября германская армия начала общее отступление. К 26 октября (8 ноября) германские войска, не добившись результатов, отошли на первоначальные позиции. 29 октября (11 ноября) немцы предприняли повторное наступление в северо-восточном направлении (Лодзинская операция). В сражении немцы первоначально окружили Лодзь, затем сами были окружены превосходящими силами русских и отступили. Русским удалось отстоять Лодзь, Варшаву, но в то же время Германии удалось захватить северо-западную часть Царства Польского – фронт, стабилизировавшийся к 26 октября (8 ноября), шёл от Лодзи к Варшаве.

⁴ Здание епархиального женского училища на набережной р. Волга, выстроенное в 1898 г. Полузакрытое учебное заведение с сокращённой программой женских гимназий для дочерей православного духовенства. Готовило преподавательниц начальных школ. Закрыто в 1918 г. Здание сохранилось.

⁵ Имеется в виду лазарет (госпиталь) при училище для слепых на 1-й Никольской улице. Госпиталь на 100 коек организован на средства Тверского губернского комитета Всероссийского земского союза. Размещался в предоставленном для него здании училища для слепых и глазной лечебницы Тверским отделением попечительства императрицы Марии Александровны о слепых в Твери. Здание построено в 1903 г. по проекту архитектора В.И. Назарина. С 1920 г. в нём располагалась больница.

⁶ Медицинский персонал лазарета при училище для слепых.

⁷ Кровоостанавливающий зажим.

*Здание училища для слепых по ул. С. Перовской и Беляковскому пер.
Снимок 1950-х гг.*

бензин с шариками. Шарик запылал, бензин тоже. Кацовская, брызгая пылающим бензином на стол, зажгла всю марлю и вату. Мы все зашумели, засуетились. По столу прыгали угрожающие огоньки, банка с бензином пылала, Эсфирь Еремеевна сбросила на пол полотенце с материалом, Настасья Григорьевна стала топтать горящую вату ногами, Фомичев кинулся за халатом, чтобы накинуть его на огонь. Раненые хладнокровно сидели с развязанными ранами и смотрели на суматоху. Бензин накрыли крышкой, а вату тазом. Запахло гарью, но огонь потух.

Все после смеялись над шумом и гамом, вдруг наполнившими перевязочную после вялой тишины. Доктор назвал Кацовскую «поджигательницей», в шутку. Она испугалась больше всех, а мы с Еленой больше всех кричали.

Перед перевязками мы решили переговорить с Занудой о том, как можно попасть в армию. Он был в третьей палате, мы вызвали его в коридор и стали тайно разговаривать. Сразу же около засуетились Маша¹, Матвей², мешая разговору и подслушивая. Зануда нам объяснил всё. Надо садиться вместе с воинским поездом, а потом явиться в штаб с заявлением, что желаем служить, например, в разведочной команде. Нас как добровольцев примут сразу. Днём мы можем сидеть во время боя в окопах и перевязывать раненых, а ночью отправляться на разведки.

¹ Медицинский персонал лазарета при училище для слепых.

² Швейцар лазарета.

В госпитале для раненых на площади Судебной. Тверь

Госпиталь в Твери. Фото 1917 г.

Если наткнёмся на вражеский разъезд, то стрелять не надо, а лучше попытаться бежать или брать в плен. Мы с Еленой сошьём себе шинели, купим шапки и сапоги. Я в бешеном восторге от предполагаемого плана.

Пришёл в госпиталь почтальон, нам с Еленой были письма, мне от М. Зенова. Он прислал свою карточку, не верит в мой отказ и упрекает меня в том, что я его мучаю. Как бы мне от него окончательно отделаться? На карточках он мне страшно нравится, но продолжать в прежнем духе было бы глупо. Ну, я подумаю об этом хорошенько. На Лейташа я не смотрела всё время, он – тоже, сидел у окна и что-то делал. Потом пришлось вызвать его на осмотр к доктору. Он жалуется на боль в ушах и на простуду. Доктор относится к этому, кажется, скептически и все болезни

относит к приближающейся комиссии. Вышли новые правила относительно осмотра больных раненых солдат. Очень много выздоравливающих задерживается надолго в госпиталях, занимая понапрасну койки, для борьбы с этим осмотр будет производиться на месте, в самом госпитале, в присутствии воинского начальника, одного военного врача и одного городского.

В банке уже был обход¹. В одной палате из тридцати шести человек остались только двенадцать. Доктор

думает, что от третьей палаты останется только четверо: Добкин, Либерман, Масликов и Тимошилов². Когда уходили, Либерман стоял около выходной двери, Елена заговорила с ним. Я в это время надевала калоши, ко мне подошёл Лейташ, спрашивая, что сказал доктор. Я ему отдала свою карточку, которую он попросил у меня десятого числа. Я подписала сзади: на добрую память моему другу, раненому З.Ф. Лейташу от сестры Ж.

...За нашим разговором следили Ольга Ивановна³ и Матвей, но следить было не за чем. Теперь особенно грустно звучат слова, которые тихо сказал когда-то Лейташ:

– Странное дело! Почему мы должны скрываться, почему мы не можем говорить друг с другом на открытую, разве мы не люди?

Я помню, какой гордой злобой блеснули его глаза. И я при всех передала ему свою карточку. Пусть не думает, что я боюсь проявлять свои симпатии при других к нему, ведь для них он, конечно, только солдат, для меня человек, который по своим убеждениям стоит выше этой дряни. А впрочем, может быть, я ошибаюсь, может быть. Ну да теперь это так, конечно... Зачем он борется против судьбы, к чему эти жалобы на нездоровье? Это глупо, всем понятно и недостойно стойкого человека.

Андрей⁴ сказал нам, что за ним стали следить по какой-то причине. Он подозревает, что З.З. просто-напросто «гороховое пальто»⁵. Хотя это сомнительно, но теперь надо всего остерегаться.

*Судебная площадь.
Здание Тверского отделения
Госбанка*

¹ Речь идет о лазарете, организованном в новом здании банка на Судебной площади.

² Раненые солдаты, находившиеся на излечении в лазарете.

³ Фельдшерица лазарета при училище для слепых.

⁴ Андрей Александрович Жданов – родной брат Анны Ждановой. На тот момент (осень 1914 г.), был учащимся Тверского реального училища, входил в кружок учащейся молодежи по изучению марксизма.

⁵ Сотрудник охраны, следивший за политически неблагонадежными лицами. Разговорное название «гороховое пальто» пошло от месторасположения первого охранного отделения департамента полиции МВД в Санкт-Петербурге по адресу: ул. Гороховая, д. 2.

Михаил Зенов. 3-й лейб-гвардии стрелковый полк

Хочу ужинать, ужинать и ужинать. Лунная ночь, морозно. Скоро будет Рождество. Надо кутнуть непременно и безусловно. Развернуться вовсю.

Где ты, моя зорька, где ты, мой бедный, мой хороший? Опять прощание и навеки, и с тобой... Неужели завтра ты не придёшь, неужели поезд уносит тебя к смерти? Кто там защитит тебя от пуль, кто станет заботиться о тебе, когда ты будешь замерзать в окопах, голодать целыми днями? Где тот проклятый, который живет сейчас для того чтобы щелкнуть курком ружья и выпустить пулю в того, кто мне дорог? Вы все будьте прокляты, кто поднимет руку на мою зорьку. Как я буду мстить за него, как узнаю, что его нет на свете уже? Где ты? На тёмных нарах запасного батальона я не видала тебя, я знала, что ты идёшь в строй без денег, я хотела дать тебе их, но тебя не было нигде ... Где я найду тебя теперь, что будет завтра, как я проживу эту ночь и тот день, если ты не придёшь кататься? О, как мы прощались с тобой! Я никогда не забуду твоих глаз, ноги не держали меня, я не могла оторвать от тебя взгляда. А на катке? Мы долго говорили с тобой, ты закрыл глаза ладонью... Ой, зорька, не надо... Последний раз мы поцеловались с тобой два раза и эти поцелуи были безобидны, как сама смерть, были тихи и робки. Ты побежал по льду впереди всех, вернулся назад, чтобы проститься с товарищами, ты позабыл о них. Кому пожелаю я так прощаться? Бедный мой, родимый...

16 декабря

Весёлое солнечное утро. Мороз. Дали в розовых лучах. Гудит морозная земля под ногами проходящих войск. А вот что за народ? Каскетки надвинуты на глаза, у поясов болтаются синие чайники, изящные сапоги, куртки шведского покроя.

— Откуда? — кричим мы весело на приветствия.

— Из-под Варшавы, — отвечают они нам, снимая каскетки.

На лицах у них румянец, чёрные брови шнурками тянутся над большими весёлыми глазами. Все красивы, как на подбор. Они смеются нам в ответ, сыплют комплименты, останавливаются. Вот около нас уже они, говорят с нами. Они новобранцы.

— Ну как Варшава? Где немцы? — спрашиваем мы.

— Немцы за восемнадцать вёрст.

— Варшаву не отдадим?

– Никогда не отдадим.

И они идут дальше, весёлые, красивые, родные нам, хотя они и пришли за тысячу верст. И мы клянёмся идти на войну. А в госпитале нас встречает Либерман, показывает нам гадальные карты. Мы идём гадать в свободную шестую палату, тут и Добкин, тут и Масликов, окрепший немного, все наши друзья. Гадаем, смеёмся. Масликов, похожий на подстреленную ласточку, хмурит изломанные чёрные брови, и сам не может удержаться от смеха, и звонко хохочет, несмотря на раненую грудь. За это время он стал «нашим» и очень нам нравится. Говорит по-малороссийски, лукав и добродушен и на всё с улыбкой отвечает «ничего-о».

Подпись на фото: Я

Опаздываем на перевязки, нас находит Степан, мы идём, переглядываясь и подмигивая друг другу. У нас освободился весь нижний коридор после комиссии 12-го числа. Пришли вечером 12-го городской и военный врач, потребовали в канцелярию больных на осмотр и определили в строй девятнадцать человек и двоих на шесть месяцев в отпуск. Ушли из госпиталя в запасной батальон¹: Лейташ, Фриккер, Красиков, Михайлов, Алексеенко, Фориторчик, Жаворонков, Сердюков, Богомолов, Марачковский, <нрзб> (неразборчиво. – **Ред.**), Кудрявцев, Хобта, Рунин, Прокшин, Ушаков, Дроздов, Вульф, Геречак и на родину – Подмазка и Милов. У нас осталось от девяноста пяти только сорок три человека. Пятая, шестая и четвёртая палаты освободились, так как остатки мы перевели наверх. В третьей палате только шесть человек. Опустел наш госпиталь, осталось только два <нрзб>. В Тверь везут ещё три тысячи раненых, к Рождеству ждём. Вчера мы с Максимовым² вечером гуляли. Он сказал мне, что снялся. Была лунная морозная ночь, не располагающая к чувствительным гуляньям. Медведица особенно ярко горела над городом, снег скрипел под сапогами М., он вытирал усы белым платком. У него поговорка: «вот такое событие» и «так сказать»... Мы стояли в тёмном подъезде и долго разговаривали. Я ему сказала, что мы видимся в последний раз. Как бы мне этого хотелось! Но Иван Николаевич сказал, что еще придёт в собрание, передаст мне карточки.

Вчера пришло письмо от Зенова, он назначен комиссией в строй. Я ему написала такого рода письмо, которое должно прекратить всякие отношения мирным путем:

¹ Запасные воинские части полки, в дальнейшем – батальоны, организованные в Твери с началом Первой мировой войны (57-й и 196-й запасные полки).

² Максимов Иван Николаевич. Приятель Анны.

Дорогой Миша! Молиться, плакать? Разве могу я теперь плакать и молиться? Кому молиться, кого просить за тебя? Ад в душе, нет там Бога, нет веры ни во что. Дать бы мне хоть каплю всемогущества Божия, разве были бы эти страдания, эти искалеченные люди, которых я вижу ежедневно, эти тысячи смертей?

Разве допустила бы я в человеческое сердце такую боль, такую тяжесть? Э... Что об этом говорить? Траур в душе, темно там, и теперь уже навсегда. Я хочу смерти, но кончать жизнь самоубийством позорно, когда можно с пользой отдать свою жизнь за родину, пострадать вместе с народом и тобой. Перед Рождеством из Москвы уезжает на Кавказ частный санитарный отряд¹.

Я приписалась к нему как сестра милосердия, но у меня иные планы, и я привожу их в исполнение. Я шью себе солдатскую шинель, купила сапоги и шапку и вступлю на позиции в ряды солдат. Это уже решено. Итак, прощай, прощай, прощай, мой милый, моя жизнь. Судьба против того, чтобы мы встретились, но теперь она стала одинаковой для нас. Все те страдания, которые, может быть, мне придётся перенести, я буду переносить легко, так как буду знать, что мой любимый так же, так же страдал. Гляжу на твой портрет, и прощаюсь с тобой. Какая тоска!

Дело сделано, умолкаю, так как весело мне, весело. Нынче в пять часов идём на лыжах с фельдшерницами.

*Я читаю о скрытом страдании на усталом лице молодом,
Вспоминаю я чёрную ласточку с перешибленным бурей крылом.
Чудесно жить на свете!*

17 декабря

Спится. Метель на дворе. Резкий ветер гонит колючий снег. Светло на небе от луны. Вчера был очень весёлый вечер. Мы катались на лыжах с фельдшерницами и с братом одной из них, Анатолием Еремеевичем.

Конечно, мы были впереди. Две точки где-то мелькали на горизонте в лунных лучах, иногда скрываясь и принимая к земле. Несмотря на восемь градусов мороза, всем было жарко. Решили идти пить чай в госпиталь. Съели всё варенье, принесённое Ольгой Ивановной. Теперь она имеет право смотреть на нас с ненавистью. Боролись с Анатолием Еремеевичем, и он положил Елену и меня на обе лопатки. Схватки ещё считаются неоконченными. Продолжение борьбы последует на днях. Шли по дороге с пением. У Глезерман² оставили лыжи, хотели выехать нынче, но холодный ветер помешал. Глезерман поднесла нам наливки. Нынче в час утра

¹ Кавказский театр военных действий России и Турции в 1914 г. В 1914 г. младотурецкое правительство в Стамбуле вступило в войну. Турецкие войска перешли в наступление на Кавказском направлении; Саракамышская операция 9 декабря 1914 г. – 5 января 1915 г.

² Фельдшерница лазарета.

был в госпитале губернатор¹. Какие хлопоты начались перед его приездом! Весь персонал был поднят на ноги, рычание Алексея Ивановича² раздавалось и вверху, и внизу. Стены дрожали. Мы хотели уйти после перевязок, но нас не пустили. Доктора не было, хотя он знал о приезде. Кажется, он присутствовал с комиссией в Красном Кресте³. Матвей был одет в ливрею, фельдшерицы надели косынки и кресты. В палатах шла энергичная приборка под рёв Алексея Ивановича. Всем солдатам выдали чистое белье. Вот подъехала пара лошадей. Бюнтинг вышел из коляски, распахнулись двери госпиталя. Мы были в третьей палате. Губернатор кисло вошёл, едва кланяясь. Мы тоже небрежно кивнули головами.

Губернатор Н.Г. фон Бюнтинг

— Здравствуйте, ребята! — гассируя, сказал губернатор.

— Здравия желаем! — ответили солдаты.

— Это сёстры? — обращая на нас взоры, спросил губернатор. — Земские⁴? А есть у вас настоящие⁵?

— Да, из Красного Креста есть одна, ваше превосходительство, — почтительно доложил Алексей Иванович.

— А кто фельдшерицы? — проходя в перевязочную с лицом человека перед припадком эпилепсии, процедил Бюнтинг.

— Одна кончила... — начал Алексей Иванович, — нет, их фамилии... Горбовская⁶ и Глезерман.

Бюнтинг пошёл наверх. Мы, по ритуалу, остались на местах. Минут через десять он уехал с кислым лицом и оловянными глазами и раздался рёв Алексея Ивановича. Он накинута на Степана за то, что тот не во-

¹ Тверской губернатор Николай Георгиевич фон Бюнтинг (1861–1917). Возглавлял Тверское губернское управление Красного Креста. Потомственный дворянин, православный, помещик Псковской губернии, в 1883 г. окончил с золотой медалью Императорское училище правоведения. Курский вице-губернатор (1897–1903), архангельский губернатор (1904–1905), эстляндский губернатор (1905–1906), тверской губернатор (1906–1917), гофмейстер императорского двора.

² Заведующий лазаретом.

³ Речь идет о госпитале при Тверском губернском управлении Российского общества Красного Креста.

⁴ Сёстры милосердия военного времени, окончившие шестинедельные краткосрочные курсы медсестёр при Губернской земской больнице. Окончившие курсы были приняты в местные тыловые госпитали, причём значительная их часть несла свои обязанности бесплатно.

⁵ Профессиональные медицинские сёстры.

⁶ Фельдшерицы лазарета при училище для слепых.

Агитационный плакат

раненые, взятые комиссией, в их числе и Лейташ. Они сидели до семи часов вечера в госпитале. Стали гадать в коридоре на рыбку из желатина. У меня вышла любовь, у некоторых, в том числе и у Фриккера³.

Много врёт эта рыбка, – воскликнул Фриккер.

После Л(ейташ) говорил мне, что Фриккер <...> и, хотел <...> объявить <...> почему-то язык не повернулся. Вот был момент! Ну что же? Сама запуталась, сама и распутаясь. Надо действовать с большей хитростью, а это интересно <...>. Я вижу это по особенному их отношению <...>. Обдумую план действий, <...> всё равно в строй.

19 декабря

А время летит... И не может оно изгладить с души моей один образ. Как живое встает передо мной серьёзное лицо с грустными тёмными глазами, серая шинель с красными нашивками хомутом облегает шею, широкие рукава скрывают руки и папиросу. Из неё вьётся голубой горький дымок, красная искра близко касается узкой ладони <...> Сапоги, нечищенные, широкие, стоптанные каблуки. И когда я вижу всё это близко от себя, когда слышу запах казармы, запах грубой кожи и табака, я чувствую, что могу идти туда, куда пойдёт он, в особый мир единения, последней любви и муки.

Уже темнеет. Голубой зимний вечер в окнах пустой палаты переходит в лунную ночь. Мы сидим на одной из коек. Напротив нас Д.Б., студент, недавно приехавший из Москвы. Он зашёл в госпиталь поговорить с нами.

¹ Из медперсонала лазарета.

² Казармы 8-го гренадерского полка. Размещались в городской части Твери на углу Владимирского переулка (Студенческий) и улицы Новоторжской (здания не сохранились).

³ Раненый солдат, находившийся на излечении в лазарете.

И мы спорим о пользе и необходимости интеллигенции. Зажигаем одну лампочку. Тускло. Красные одеяла на койках пестрят. Лицо Д.Б. в тени, как-то грустно выделяются задумчивые твёрдые глаза. Он разбивает нас в споре своей логикой и заставляет нас признавать то, что нам кажется ложью. А сердце моё не участвует в споре. «Придёт или нет!», – стучит где-то далеко неотвязная мысль. Я прислушиваюсь к шагам за дверью, к голосам, вижу, что в коридоре уже горит электричество, уже бьёт четыре. И я выхожу из палаты, иду по коридору и вижу в дежурной <...>. Пришёл! Я вхожу и слышу <...> голос, когда я говорю:

– А <...> здравствуйте <...> порывисто оглядывается, подаёт мне руку, все смолкают, смотрят.

Мне не до спора с Д.Б., я часто выхожу в коридор, и Д.Б. наконец поднимается, надевает шинель и уходит. Надо ставить градусники. Как хватает силы улыбаться, медленно подходить к койке, смотреть температуру, спокойно отмечать её. Хочется бросить всё, думаю, что, может быть, он ушёл и через две ступени бегу вверх по лестнице, останавливаюсь и смотрю через перила. Нет. Уходят ещё наши бывшие больные, но среди них не мелькает красного околыша <...>. Я иду в нижний коридор, захожу в тесную палату, рассматриваю на свет пластинки для волшебного фонаря¹ и думаю, что он должен быть в коридоре. Выхожу. Да, он сел на скамейку с фельдшерницей и говорил об устройстве госпиталя. Я подошла к нему: Нынче будет волшебный фонарь <...>...

Он смотрит на меня долгим взглядом и быстро выходит, почти бежит. Хлопает выходная дверь, я с свирепым лицом выхожу из палаты, запираю её. Елена играет в карты с Либберманом, Масликовым и Добкиным. Масликов говорит по-хохлацки. Либберман злится и всё время спорит. Приглашаю Зануду на партию в шашки. Зануде снится, что нашей с ним судьбе помешает солдат с красным околышем. Мы в коридоре до двенадцати часов играем в шашки и в карты, гадаем. Звонок, наверное Алексей Иванович. Страшный переполох. Добкин через спины шагает по лавкам, Масликов, не обращая внимания на рану, перескакивает через спинку лавки, вся лавина мчит в уборную, Зануда спокоен, собирает карты, но Е(лена) накидывает на него халат, он пугается, тоже мчится в уборную. А Матвей, давший ложный звонок, стоит вдали в полутьме и хохочет, как Вельзевул. Мы тоже начинаем хохотать...

21 декабря

Воскресенье. Вчера делали сбор для раненых нашего госпиталя. Набрали только три рубля и потеряли всякую охоту к сбору, при том же за-

¹ Волшебный фонарь – оптическое устройство для проектирования изображения на экран. Предшественник диапроектора, фотоувеличителя. Распространён с XIX в. в повседневном обиходе. Изображения проецировались на светлой стене или обыкновенной простыне. Репертуар волшебных фонарей был разнообразен: общеобразовательные серии, предметные уроки, исторические картины.

хватили инфлюэнцу. Мы решили собирать только по знакомым неофициальным образом. Хотим устроить вечер 25-го числа на собранные деньги. У нас остаётся только сорок три человека, даже меньше. Недавно ушли ещё шесть человек. Попов, Жуков и ещё кто-то. Жуков совсем больной, но его почему-то записали в строй. Он сляжет через два дня пути. И так наш госпиталь к Рождеству совсем опустел, работы мало.

*Я жду тебя, но ты меня не любишь,
Ты не придёшь ко мне в вечерний час.
Звонят в церквах торжественно и глухо.
Прощай, мой друг. Ведь счастье не для нас.*

*К чему обман! Не знали мы друг друга,
И не смогли друг друга покорить,
Как два врага теперь мы разойдёмся,
Но наших встреч нам в век не позабыть.*

*Ты ждёшь меня, дрожишь при каждом шаге.
Я не приду к тебе в вечерний час. Я не раба.
Прощайся же со мною и не тоскуй.
Ведь счастье не для нас. Летят часы.*

*В один из них, быть может,
Тебя коварно смерть подстережёт,
Так почему же ты меня боишься?
Вдруг смерть одна и никого не ждёт.*

*Я жду тебя. Ну, милый, одевайся,
Иди скорей в крыльцо, стучи скорей.
Идёшь? Как знать? Раскинуть, что ли, карты?
Эх, дорогой! Иди же, не робей!*

24 декабря

Сочельник. За стеной звуки рояля. Мама играет какую-то увертюру. Вчера привезли рояль из починки. Хорошо теперь будет с музыкой. Вчера – морозная звёздная ночь, звёзды – рождественские, яркие, манящие к себе... На тротуарах – народ, носятся извозчики, витрины сверкают. Кто-то останавливает меня по имени, оглядываюсь. Серая шапка, лицо горит от морозного ветра, на усах белеет иней.

– А ведь мы нынче в семь вечера уезжаем.

– Счастливого пути.

<...>. Не будет ли сниться мне снежное поле у австрийской границы, звёздное небо и ты, одиноко лежащий на взрытом снегу? Застынет так же иней на усах и ресницах, застынет побледневшее серьёзное

лицо. Не будет ли сниться мне братская могила с маленьким крестом на вершине, мёрзлая земля, с глухим шумом падающая на ряды мёртвых ...

Не будет ли мне сниться последний вечер 22-го числа, когда я даже не вышла проводить его до дверей и он ушёл один, робко попрощавшись. И улица едва освещённая. И как мы шли по ней, звякали шпоры.

Чужим он казался мне. Не знаю... Холодно мне.

Прощай, прощай. Погасла зорька. Что за ней? День или ночь?

Захарий Лейташ

Воспоминание о последнем вечере 22 декабря 1914 года

В ночь на 23-е нам привезли новых раненых. Теперь у нас полный комплект. С приехавшими ознакомиться ещё не успели. Нет ни одного больного. Очень тяжёлых поранений тоже нет. Все из-под Варшавы, недавних боёв с германцами¹. Один рассказывал о том, как германцы праздновали рождество. Играла музыка, все пили, потом без оружия, с громким пением, ринулись на наших целым полчищем. Наши стреляли до того, что дула у ружей покраснели, патроны все вышли, а германцы прут и прут. Наши стали молиться Богу. Сейчас напрут и раздавят. К счастью, примчалось три автомобиля с пулемётами. Что тут началось. Германцы ложились друг на друга под пулями, скоро выросли кучи трупов, а остатки пьяных обезумевших солдат бросились кто куда.

Из нынешнего присыла много сибиряков. Отмечу Баранова Ефима из шестой палаты. Вчера была комиссия. Взято тринадцать человек, одиннадцать человек отправляются на родину в отпуск. Комиссия праздничная и создала праздничное в госпитале. Только, к сожалению, уезжающим придётся задержаться на два дня в госпитале. Воинский начальник не успел всем выправить бумаги и не желает работать 25-го числа. Из третьей палаты уедут Мурашко и Масликов. Как я рада за них, хотя будет немного грустно расставаться с этой раненой ласточкой. Вчера вечером, когда мы приехали в госпиталь с покупками для раненых, я разговаривала с ним. Как сияли его страдающие чёрные глаза, грустная ласковая улыбка не сходила с губ. На родину. Наконец-то он будет сниматься, захотел дать свою карточку. Да и так не забыть близких прекрасных очертаний его

¹ По всей видимости, речь идет о событиях Варшавско-Ивангородской операции 15 сентября – 26 октября 1914 г. На подступах к Варшаве разгорелись ожесточённые бои русских войск с австро-германскими частями. Фронт стабилизировался к ноябрю 1914 г.

*Воспоминание о последнем вечере
22 декабря 1914 г.*

мертвенно бледного лица с горящими чёрными глазами под страдальческим изломом бровей, не забыть слегка согнутой вперёд фигуры в жёлтом халате. Отчего она так слабо наклонена вперёд, когда грудь так широка? Лёгкое насквозь пробито пулей, при кашле густая кровь показывается на бескровных губах. А он смеётся и говорит: «Ничего»... Бедная ласточка. Ведь ясно же,

что ты ранена насмерть. Эх, если б нам с тобой поменяться. Всё бы отдала, только живи.

Первая палата: Гриценко, Зануда, Тамбаев, Фёдоров, Собин, Хайрулин, Зарьков, Фомичёв, Гагарин, Егоров, Жталин, Парфёнов, Шагин, Михайлов, Девятков, Пещенко, Гиринско, Михалёв, Субботник, Ахматгалиев, Кулаков.

Вторая палата: Сорокин, Рубакидзе, Самсонов, Суров, Стрильченко, Хиллов, Филатов, Кичигин, Барановский, Устинов, Костенко, Володин.

Третья палата: Емещенко, Димитриев, Масликов, Мурашко, Василя, Добкин, Поробов, Кутявин, Тимошилов, Либерман, Антонов, Громов.

Четвёртая палата. Котенков...

Пятая палата: Микельсон, Йефинов, Резник, Смирнов.

Шестая палата: Егоров, Баранов, Сбрицкий, Поляков, Фотин, Яровой, Тутов, Чуркин.

Хочу вспоминать вечер 22-го числа. Пусть все подробности, которые могут изгладиться из памяти, встанут передо мной сейчас. Лестница. Из большого окна льётся дневной свет в нижний коридор. Стою, не ожидая никого, разговариваю с ранеными, Ахматгалиев скачет через перила, говорит, что долго не упражнялся, а сначала мог перепрыгнуть через загородку в свой рост. Хлопает большая входная дверь и, стуча сапогами по плиточному каменному полу, входит Лейташ. Я шумно здороваюсь с ним, он спрашивает, какие новости у нас, как-то смущён и путается в словах. Правильно, правильно...

Масликов вышел в коридор.

– А как же карточка? – спросила его Елена.

– Да уж не знаю, как это устроить, – нерешительно ответил Масликов.

Этого было достаточно, чтобы мы устроили дело. Когда Степан повёл уезжающих к воинскому начальнику, мы пошли с ними и зашли с Масликовым в электрофотографию. У нас будет квитанция. Снялся еще Йефинов, новоприбывший, который по недавней комиссии уже отправляется на ро-

дину. Йефинов в восторге от нашего госпиталя. Он говорит, что был в восьми госпиталях, но эти госпитали не могут быть сравниваемы с нашим.

– Такого хорошего не было и не будет, я буду всем говорить так о нём, – особенно подкупает раненых обращение. С нами здесь обращаются как с людьми.

Не понимаю, как можно обращаться иначе.

Пусть эта страница напомнит мне о том, чего уже нет. В просвете рамы тонкий сердитый профиль, чёрная голова, задумчиво приподнятая вверх туда, где огненным вопросом налилась проволока лампочки. Не задумались ли эти чёрные глаза о той магнетической власти, которую они имеют? А что если поднять с души < ... > могучие силы, давно там дремлющие? Достаточно одного слова, нет, одного капризного движения бровей, чтобы тщеславная гордость стала перед ним на колени, бесчестье стало бы честью и рабство счастьем. И какое рабство! Собачья преданность наряду с демоническим тщеславием. И он сжимает руку и улыбается, расширяя ноздри, он чувствует, что тут нужнее будет плоть, та казацкая плоть с железной проволокой, рассекавшая тело до костей. Когда-то и он не отступит перед этим ... Кто-то мрачно следит за выражением тонкого резкого профиля, кто-то дрожит от негодования за свою слабость, кто-то знает, что блеснут перед ним чёрные глаза, и пойдёт на страдания и муку по их желанию.

28 декабря

Вчера утром в седьмой палате было заседание суда. Представителем суда был Михалёв, судьями Зануда, Ахматгалиев и Добкин¹. Обвинителями выступали Либерман и Хилов, а мы были обвиняемые. Наши защитники Добкин и Зануда, Михалёв и Ахматгалиев – защитники противной стороны. Дело вышло из-за пения. Мы утром организовали хор. Хилов и Либерман написали просьбу прекратить пение, мы ответили им, что высочайшим повелением они низводятся в степень старых баб. Либерман решил писать «рапорт», который должен был превзойти остроумием и колкостью наш «рапорт». Состязание было назначено вчера. Мы заперлись в седьмой палате. Либерман прочитал свой рапорт, где нам назначалось пять палочных ударов три раза в день, потом мы прочли свой и вышли из палаты, оставив дальнейший разбор дела на «судей». «Судьи» долго совещались и в конце концов решили дело в нашу пользу, разорвав рапорт

¹ Раненые солдаты, находящиеся на излечении в лазарете.

Либермана и Хилова. Хиллов теперь сам признаёт, что их рапорт нашему рапорту в подметки не годится, а Либерман повторяет:

– Ну, ваш уж чересчур оскорбителен.

Нынче опять ожидается комиссия, доктор¹ перебирал утром скорбные листы, нервируя раненых. Так и раздавалось:

– А мой лист отложили, сестрицы?

– А я назначен на комиссию?

И эти вопросы приходится выслушивать по несколько раз от одного и того же раненого. День идёт у нас в госпитале довольно однообразно и только мы с Еленой вносим гвалт и беспорядок в монотонное существование. Мы приходим рано, скучно без дела, перевязки ещё не скоро, за нами по пятам бегает два Коли.

Мы берём их за руки, окружаем какого-нибудь раненого кольцом, пляшем вокруг него, мчимся с ним по коридору. Хохот и шум. Из палат выходят раненые, смотрят. Вот в кольцо попал Емещенко и Фёдоров. Хотят вырваться, едут на ногах по каменному полу, от смеха теряют силы, Емещенко падает и как раз в то время, когда по лестнице взбирается Эсфирь Еремеевна². Она уезжала на первые дни праздников. Летим к ней с распростёртыми объятиями, тащим её в дежурку. Раиса Михайловна, новая фельдшерица, кисло смотрит на нас и не знает, что ей предпринять. В конце концов решает уйти из дежурки. Мы спускаемся вниз. Внизу коридор полон ранеными: проветривают палаты и их попросили выйти. Начинаем разговор:

– А вы читали, что про вас написано в газете?

– Нет.

– Давайте газету.

Приносят газету. Читаем вслух. Какое-нибудь происшествие на позициях, оставляя фамилии окружающих.

«Наши солдаты зорко следят из окопов за неприятелем, особенно Ефим Баранов за Фридрихом Хераусом. Была произведена смелая вылазка, в ней участвовали Егоров и Яровой. Подробный их адрес в следующем номере».

Вокруг нас раздаётся громкий хохот. После раненые перечитывают газеты, заинтересованные военными событиями, где они якобы сами участвовали.

А вот и доктор. Начинаются перевязки. К нам стали ходить помогать две дамы, они стоят с бинтами, перевязывают, подают йод и ксероформ.

¹ Доктор при лазарете училища для слепых Панов Евгений Алексеевич (1872?–1940), врач общей медицинской практики. Уроженец Твери, учился на медицинском факультете Императорского московского университета (1890), отчислен, окончил Императорский Юрьевский (Дерптский) университет. Практиковал в земской больнице в Смоленской губернии, земской больнице Тверской губернии. С 1906 года – на постоянном жительстве в Твери, гласный городской думы, в марте 1917 г. избран председателем первого Совета рабочих депутатов Твери, в августе 1917 г. избран городским головой Твери.

² Медсестра.

Вот Добкин обменивается сочувственными улыбками, у него рука плохо заживает, недавно начался лимфангоид¹, теперь лучше. Елена <...> держит его руку во время перевязки, а вот сердитый и грубый Тимошилов сидит, улыбаясь. Пробует двигать сломанной рукой и твердит, что годен на позиции.

– Слава Богу, бабки нет, – ворчит он, подразумевая под бабкой Раису Михайловну. – Она не лечит, а только в рану пхает. Совсем ничего не понимает.

Доктор снисходительно и мягко улыбается:

– Ему извинительно, – говорит он, – он гимназий не окончил.

Приходит Либерман, пробует острить. А вот нервные и дикие татары с фамилиями, на которых чёрт ногу сломит: Бадтардиновы, Хайсатдиновы. Одного из них приходится держать. У него нет ногтевой фаланги на руке, но он считает своим долгом топтать ногами, кричать и замахиваться здоровой рукой на окружающих. Настасья Григорьевна сделала ему выговор за такой образ действий, но это на него не повлияло. Зажав зубы и закрыв глаза, он брыкается на табурете при малейшем прикосновении пинцета к ране.

Спокойные и хладнокровные сибиряки из шестой палаты даже не морщатся, а только меняются в лице, мужественно перенося боль. Есть серьёзные раны.

Входит Баранов, не видит, что на табуретке стоит таз и садится на край таза. Я не могу удержаться от смеха, он смущается.

У него вынута из груди пуля и навывлет ранена рука. А вот Егоров с завязанной головой. При перевязке спрашиваем:

– Не туго забинтовывать? Рот раскрыть можете?

Егоров хлопает ртом несколько раз, убедившись, что механизм действует, серьёзно говорит:

– Могу.

Нынче Зенов прислал письмо, где он пишет, что уезжает в строй. Просит прислать крест и клятву верности до тех пор, пока он будет жив. Если б он знал, что ему изменили навсегда, что я смеюсь над спасительной силой крестов. Я не дама средних веков, благословляющая рыцаря на подвиг и дающая клятву в верности. Религия и любовь отжили для меня свой век.

Все думаю о А.М.² и ясно представляю себе его лицо, фигуру. Не знаю почему, но день, когда будут готовы его карточки, будет для меня праздником.

– Как сняться? – говорит он, – шапку попросить?

– Нет, снимайтесь без шапки и без фуражки, снимите шарф.

¹ Острое воспаление лимфатических сосудов. Лимфангоит является частым осложнением инфицированных ран.

² Андрей Масликов, солдат, выписанный из госпиталя.

Он по уши закутан старым шарфом, такой маленький в измятой шинели; развязывает шарф, снимает фуражку, низко надвинутую на глаза, стоит перед зеркалом и поправляет воротник. Так виден затылок, а со стекла глядят самодовольно и гордо чёрные глаза, брови ещё больше хмурятся, а рука закручивает усы. Он любуется собой, и есть чем. А потом мы идём по улице. Особенно болезненно его лицо на фоне свежевывавшего глубокого снега. Дымок папиросы плывёт вниз, выражение лица насмешливо серьёзное. Такой он будет, когда выйдет на улицу своего села, занесённого снегом, все будут смотреть на него и останавливаться. Он будет односложно отвечать на расспросы, смотря чёрными глазами на широкую белую даль родных полей. И с ним для меня становится ещё больше родной Воронежская губерния, и поля и леса, благодаря ему я ещё больше люблю таких, кто живёт в деревнях и сёлах далеко от меня, я понимаю их и без рассуждений отдам им всё.

31 декабря

Проходят последние часы старого года. Вот уже полдевятого. В девять часов мы пойдём к Анне Петровне встречать новый год. А нынче ночью мне казалось, что Лейташ брошен на поле тяжело раненный и думает обо мне, проклиная свою судьбу. Было ужасно тяжело, я представляла себе, что у него оторваны ноги, он лежит в снегу один среди трупов, темна декабрьская ночь, нет помощи. И может быть, сейчас его уже нет на свете и я буду мысленно желать счастья мёртвому... Нет, нет, живи, Лейташ, будь жив, дорогой, будь счастлив. И вы, Андрей, и вы, Михаил!.. И ты, Татьяна¹, будь счастлива и здорова, пусть новый год будет для тебя истинно новым...

1915 год

2 января

На дежурстве было особенно скучно и как-то ощутительно отсутствие Л. и М.². Смотрели на ряженных, но раненым смотреть не позволили. Ряженные пришли очень поздно, в десять часов, и устроили танцы в столовой для слепых. Была смешна Марфуша³ в красной рубаше и белых панталонах.

Е.Б.⁴ рассказывал про своё «путешествие в Африку», про города Чикаго, Нью-Йорк». Там он обручился с американкой, она пишет ему письма по-английски; чёрт возьми! Хочется натянуть нос... Но желание слабое...

¹ Родная сестра Анны.

² Лейташ и Масликов, солдаты, выписанные из госпиталя.

³ Служащая лазарета.

⁴ Неустановленная личность.

Вьюга... Белые линии снега выются и завиваются вновь у окон и крыш. Вьюга поёт про белую, как саван, любовь, поёт про тебя, далёкий. Нет сна, но ты здесь, со мной, и ты иной ...

Ты иной, бледный, страдающий, чёрные глаза впали глубоко, на густых ресницах тают и живут, умирая, холодные снежинки. Твёрдая маленькая рука пахнет железом и медью, чёрная коготь въелась в пальцы. Ты держишь ружьё, и держишь его слишком крепко. Ты смотришь на меня неподвижно и чёрные глаза гордо требуют правды, а рука поднимает ружьё. Крутится вьюга около и бросает снег к твоим ногам. Ни слова не скажут сжатые губы. И хоть бы клочок бумаги, исписанный твоей рукой, хоть одно слово на нём. Нет...

К тебе. С тобой! Я хочу умереть у твоих ног в эту белую рыдающую ночь, хочу, чтобы этот холодный покров был общим для нас. Помнишь песню: «Вьют витры?». Тогда за окном была тоже вьюга. Вот они: «Вьют витры», замечают твою шинель, твои волосы, ложатся и прилипают к лицу снежинки и не тают уже на ресницах. Правду поёт мне вьюга, о тоске поёт она, о белой, как саван, любви, о твоей смерти, далёкий...

3 января

Вспоминаю о встрече Нового года, как о каком-то сне. Пили много, вернулись домой в три часа на третьем взводе. После Анны Петровны поехали к Эсфири Еремеевне и там хватило спирту, от Эсфири Еремеевны извозчика не нашли, пришлось идти пешком. Около дома упали, Эсфирь долго не могла встать. Всю дорогу она глупо хохотала, а я что-то говорила и была настроена элегически.

У Анны Петровны одна дама напилась до херауса и была совершенно «невнимаема», по выражению Эсфири Еремеевны. Эсфирь Еремеевна этого слова не могла уже произнести. Было глупо весело. Били бутылки, Эсфирь хотела сесть на чучело журавля и перемешала карты с бисквитом и икрой. Если бы она стащила скатерть, я бы стала бить зеркала. Настроение было буйно-весёлое, всё трын-трава. Пели песни. Павел Иванович погрузился от винных паров в воспоминания доброй студенческой жизни и пел с растроганной улыбкой «За казанкой студенты шатаются».

Весь день нового года прошёл в пьяном угаре. Едва могли перевязывать с похмелья. Вечером пошли в синематограф, были в двух. Народу масса.

4 января

Простудилась вчера, после ночной беготни в одном халате в глазную лечебницу¹. Сажу дома. Несмотря на запрещение спиртных напитков,

¹ Имеется в виду одно из помещений училища для слепых, в котором размещался лазарет.

пьянство в разгаре¹. Весь наш персонал тянется утром к доктору с бумажками, на которых доктор прописывает коньяк, хинную водку и портвейн. Сестре Преображенской, однако, он не прописал чистого спирта.

— Ещё за город вышлют, — добавляет он с улыбкой.

В аптеках одно время даже не выдавали вина, так как спрос превзошёл всякую меру и аптекам угрожало совсем остаться без него. Объявлена новая мобилизация ополченцев 1906 года, которые по какой-то льготе совсем не обучались. Уходит по этому призыву наш швейцар Матвей. Он в полном недоумении, как он будет воевать, когда не может держать ружья. Вообще новые подкрепления, посланные на войну, не выдерживают критики. Новобранцы говорят, что их обучали из «куля в рогожу».

Состав госпиталя к 4 января. (Подчеркнуты выбывшие к 13 января пятьдесят два человека.)

Первая палата. Двадцать одно место.

Гриценко, Зануда, Тамбаев, Фёдоров, Собин, Зарьков, Фомичёв, Ггарин, Егоров, Михайлов, Девятков, Пещенко, Финский, Михалёв, Ахматгалиев, Кулаков. Пять свободных мест. Ушли Хайрули, Перфильев.

Вторая палата. Двенадцать мест.

Самсонов, Суров, Хилов, Сорокин, Кичигин, Бароновский, Устинов, Володин. Ушёл Стрельченко. 6-го уйдет Кичигин. Останется четыре свободных места.

Третья палата. Емещенко, Димитриев, Добкин, Кутявин, Поробов, Тимолошилов, Либерман, Антонов. Двенадцать мест, четыре свободных места, ушли Василия и Громов. Из глазной перешли Андреев и Егоров.

Четвёртая палата. Галактионов, Сухоруков, Котенков, Птицин, Бадартынов, Гильфанов, Хайсмагулин, Хаматадтынов, Накиев, Тарьтов, Гаязадтынов, Батарбаев. Татары сплошь. Свободных мест нет.

Пятая палата. Бумбур, Давыдов, Михельсон, Резник, Пронкин, Егоров, Толстиков. Есть свободные места. Ушёл Смирнов. Ещё есть Ходосенко. Два свободных места.

Шестая палата. Егоров, Маслов, Сбрицкий, Селезнёв, Шушков, Ведерников, Яроковой, Тутов, Поляков, Чуркин, Баранов, Балабаев, Сажин. Всё занято. Кальченко. Двоих не знаю. Ах да, Фотин.

В одно утро показывали насколько приёмов, а на другое уже проходили новые приёмы. Они не знают команды и «уходят со знанием, что идут на авось». А когда они приезжают с войны раненные, их угощают в госпиталях правилами, инструкциями и приказами. Все стены нашего госпи-

¹ Первоначально продажа спиртных напитков была запрещена императором на время мобилизации. Но уже 22 августа 1914 г. было опубликовано распоряжение о прекращении продажи «крепких напитков» на всё время войны (за исключением ресторанов 1-го разряда и др.). Тверским губернатором было также выпущено обязательное постановление от 8 августа 1914 г. о запрете на распространение и употребление крепких спиртных напитков. Данное распоряжение связано с временным запретом продажи спиртного на период мобилизации. Тверской губернатор санкционировал закрытие мест продажи крепких напитков с 1 января 1915 г., т. е. по окончании срока выданных их владельцам разрешений.

таля пестрят наставлениями. Обои из наставлений: в карты не играть, в коридорах не курить, в девять часов вечера спать. На улицах вести себя прилично, внутри трамваев не сидеть, отдавать честь офицерам, если ранена правая рука, отдавать левой и т. д. и т. д. Наши раненые смеются, читая приказ:

– Будем всегда отдавать левой рукой. А что нам смеет офицер сделать, если и не отдадим? Там на позициях, он крикнет, а на него – ружьё. Как ты смеешь кричать, такой-сякой?!

Ну и помалкивает!.. Сразу видно, что все приказы только и обрушиваются на слабых и немощных, хоть здесь-то покушаться вволю. Хиллов видал, как офицер ударил раненого по щеке, когда тот задел его даму (?). Вообще офицеры стали страшно наглы. В госпиталях они ведут себя невозможно. Сёстры говорят, что за тысячью солдат легче ходить, чем за одним офицером. Когда в Красном Кресте¹ им подали плохие котлеты, они забросали ими потолок. «Мы отечество защищали, а нас так кормят!». Однако сёстры новых выпусков стремятся ходить за офицерством. Рассказывают, что в Петрограде на новом выпуске сестёр был какой-то князь или принц. Он спросил, за кем хотят ходить сёстры, за солдатами или за офицерами? Пятьдесят человек согласилось ходить за офицерами и только двое – за солдатами. Князь или принц уволил всех желающих ходить за офицерами.

Наши тверские полки давно разбиты. От Осташковского осталась одна рота, 8-й Гренадерский почти весь истреблён. Теперь на границах наши дела не очень важны. Войска отступают². Солдаты рассказывали, что из Австрии наши войска бегут на германскую границу, так как там не хвата-

Андрей Масликов.
«Хей ходить... Правильно,
правильно»

¹ Подробнее о деятельности Красного Креста см. в приложении «Военно-медицинское обеспечение Русской армии».

² 216-й Осташковский пехотный полк. Для его формирования 8-й Гренадерский полк 18 июля 1914 г. выделил роту. Выбыл на театр военных действий 27 июля 1914 г. 8-й Гренадерский Московский великого герцога Фридриха Мекленбург-Шверинского квартировал в Твери с 1881-го по 1914 г. Размещался во Владимирских казармах в городской части Твери. Выбыл на фронт 24 июля 1914 г. Участвовал в мировой войне в составе 4-й армии Юго-Западного фронта (Гренадерский корпус), затем вошёл в состав 2-й армии Западного фронта. (?) Участвовал в боях под Люблином, в наступлении на Краков. Закончил войну в оборонительных боях близ Барановичей. Расформирован в 1918 г.

Андрей Масликов. Пометка
Анны: совсем не похож

ет людей. Германцы держатся благодаря друзьям. «Им не много и народу-то надо. Станет десяток около орудий и крошит и крошит, когда-то их выбьешь. А наши орудия не всегда и достреливают. Так много народу зря пропадает».

У Елены с Нахимом Либерманом «снег идёт вовсю». И как-то невольно начинаешь враждебно смотреть на Нахима, он поглотил все её интересы, она всегда с ним, что ни задумаешь, знаешь, что будет отказ и отказ из-за того, что Елена не сможет быть без Нахима. Это уже не флирт, а серьёзное глубокое чувство, всему мешающее.

Вчера отослали А. Масликову карточки. Он совсем не похож. Как из тонкого, изящного лица могло выйти такое ординарное и грубое? А может быть, это и есть его сущность? Как знать? Так-то, Андрей Масликов.

Как мне избавиться от тоски, куда мне бежать от скорбного образа, встающего передо мной и днём и ночью. Невыплаканные слёзы душат меня, когда я вечером поднимаюсь по едва освещённой лестнице, когда я хожу взад-назад по коридору и слышу мягкий шум шагов за собой. Не надо оглядываться, я уже не встречу ласковой улыбки под чёрными шелковистыми усами, не увижу блестящего ответного взгляда чёрных глаз. Все здесь чужды мне, всё напоминает мне отсутствие любимого. Чем я могу разогнать свои мрачные думы о нём, позабыть, что здесь он ходил, смеясь и покручивая ус, здесь он сидел, читая медленно страницу за страницей.

Я вижу, как его вторая старая лошадь носит на себе чужих людей, его седло занимает другой. Нет его, нет нигде, куда я ни пойду. Может быть, вот я открою дверь там: он сидит за столом, его профиль наклонился над шашками, горячий румянец заливает лицо, он оглядывается... Нет, за столом сидят другие, смеются, спорят; может быть он там, в <...> прислушивается к шагам и шуму в коридоре, стоя у окна. Горят звёзды над старым садом, он ждёт. Нет. Пуста комната, он далеко, далеко. И напрасно так сияют звёзды. Пить?! В винных парах его образ ещё ярче, ещё тоскливей встаёт передо мной, ещё тяжелее похмелье. Утешиться взглядом других, карих или тёмно-серых глаз, ответить улыбкой на улыбку, вновь испытать радость первого сближения, так напоминающего светлую нежную дружбу. Ну а после? Ведь я чувствую, что нравлюсь и этому, и этому, один ищет моей любви,

следит за мной, другой, как и я, может всё прекратить или дойти до конца. Но утешение ли в этом? Не знаю.

5 января

Елена ушла дежурить, а я балжу и балжу. Температура нормальная, но есть насморк и сильный кашель. В госпитале назревает конфликт доктора с Алексеем Ивановичем. Фельдшерица заводит в одиннадцать часов вечера граммофон, появился Алексей Иванович и заявил, бледнея, что пора бы спать. Эсфирь Еремеевна ответила: «Ничего, ещё не поздно». Алексей Иванович повернулся и пошёл прямо к телефону вызывать доктора. Доктор по телефону спросил у Эсфири Еремеевны, что такое делается в госпитале. Она отвечала: «Танцуют и играют на граммофоне». На другое утро из канцелярии попросили выйти «писарскую часть», чтобы устроить объяснение. Доктор и Алексей Иванович плотно затворились. Скоро доктор вышел и быстро спустился вниз. После до нас дошли версии об объяснении. Доктор сказал Алексею Ивановичу, чтобы он не вмешивался ни во что, кроме хозяйства. Всё, что касается больных, их развлечений и поведения, относится к ведению доктора.

– В таком случае я брошу место, – заявил Алексей Иванович.

– А в ином случае брошу я, – ответил доктор.

Алексей Иванович мрачен и хочет ехать в Петроград. Но у него нет никаких данных против доктора. Доктор становится всё более и более популярным среди раненых, а вообще-то вся Тверь отзывается о нём только с хорошей стороны.

Нынче вечер гаданий. Загадаю себе пророческий сон о Либермане и о Елене. Мне недавно снилась мать Либермана. Он ей прислал письмо. А вот сейчас выну из «русской музыки» пророчество о Либермане:

*Тяжело, не стало силы, ноет грудь моя,
Злое горе до могилы дотащу ли я...
А далёко ли? У гроба отдохнул бы я:
Отдохнули бы мы оба – я да грусть моя...*

А мне на январь: очень длинное про путешествие, ещё раз не буду. Что обо мне думает Елена?

*И снова будет всё, что есть,
И снова будут розы цвести и терны тож,
Но ты мой, бледный цвет... не расцветёшь.
Ты сорван был моей рукой с таким блаженством и тоской.
То знает Бог: останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней последний вздох.*

А как будет? «Она пришла: народный жребий вынут».

Абрам Йефинов

Нынче вечером гуляла. Тёплая чёрная ночь. Вызвездило, но с крыш немного капало. Я была там, где недавно ходил Лейташ. Казармы мрачно вытянулись в тёмном переулке, сквозь пыльные стёкла мутно проникал чадный свет керосиновых ламп. Двигались силуэты людей. А вот и Волга. Чёрную мглу ночи прорезывают пятна фонарей, особенно грустна эта смесь чёрного и голубоватого. На севере ярко горели семь звёзд Медведицы. Прямо над головой повисла какая-то синяя звёздочка, я долго смотрела на неё и в её мерцании мне почудился на мгновение намёк на счастье и утешение. Потом тучи затянули сверкающее небо. Я много думала о Л. Мне хотелось, чтоб в воспоминании остались только его слова, звучащие лаской и любовью, и изгладились бы <...>

7 января

Вчера были в гостях у Анны Петровны. Павел Иванович согласен с нами по воззрениям. Нынче я пошла в госпиталь. Ожидалась комиссия, отобрали двадцать один листок. Мы носились за доктором и хотели утвердиться в канцелярии, чтобы посмотреть на комиссию. Пришёл председатель комиссии, какой-то офицер и гражданский врач Керчгер¹. Военного врача не дождались, и комиссия не состоялась. Мы устроили в коридоре страшный шум с ранеными по этому поводу. Алексей Иванович нас останавливал, так как мы мешали говорить по телефону. Многие раненые нашли, что я похудела, расспрашивали, что со мной было. Нынче чудный вечер. Прозрачное синее небо с низким новым месяцем, заря, голубые глубокие снега, весёлый, вызывающий скрип дорожки под башмаками, и звёзды, звёзды. Чем смутнее заря, тем их больше, тем <...>

*Давай свою руку с кольцом золотым,
Смотри, потускнело оно,
Ведь та, что целуя его отдадала,
Тебе изменила давно.
Не жди, что из далей заморских к тебе
письмо от неё прилетит,
родимый души незнакомый язык
о прежней любви возвестит.*

¹ Правильно – Керчикер Георгий Алексеевич, врач общей медицинской практики, ординатор лазарета Серебряной общины Красного Креста; также – зав. лазаретом купца Балякина (1915).

*Ты слышишь ли: песню поют за стеной,
Как ехали к смерти вдвоём
Изменник с красоткой,
Красотка его пронзила булатным ножом.
Засмейся над песней, не верь ничему,
Далёко красотка твоя,
Мой милый уехал давно на войну,
Не пишет, забыл про меня.
А мы, не колеблясь, их к черту пошлём
И тоже забудем про них,
Весь вечер с тобой вдвоём проведём
В залог вечеров огневых.
Давай свою руку с кольцом золотым,
Я старую цепь разобью.
Ни силой, ни речью, ни взглядом своим,
А только лишь словом: «люблю».*

9 января

Пришли после лыж. Чудный тёплый вечер. На реке вечерняя зимняя тишина, стоишь среди снегов и хочется дремать от усталости, смотря на тусклую зарю, на мерцанье фабричных огней за мостом. Звенят монотонно бубенчики где-то, где-то свистнул ямщик и ему ответил гудок с далёкого вокзала. Еле движутся лыжи, и шумит глубокий снег под ними. Еду навстречу огням. Они переливаются и дрожат в наступающих сумерках, так грустно и так дремотно. Милой улыбкой веет от высокой звезды, веет чем-то весенним, новым, любимым.

Дежурили вчера. Утром была комиссия. Пришли какие-то старики, похожие на коршунов, – военный и гражданский врачи. Зазвенели шпоры на каменном полу. Послышались разговоры о знакомых, о новых статьях и циркулярах. Накрыли стол в перевязочной, покрыв его зелёным сукном. Маша принесла чай. Мы решили присутствовать на комиссии во что бы то ни стало. Было отложено для комиссии двадцать пять листов. Врачи засели вокруг стола, наш доктор вызвал раненого Бумбура. Вошёл Бумбур, меняясь в лице. У дверей толпились солдаты, чернея халатами и уставившись на докторов. Волновались. «Какого ты полка?». Бумбур молчит. У него пострадали уши от сотрясения воздуха. Настасья Гр. кричит ему в ухо. Бумбур отвечает. «Ну,

Рождественская открытка

115-й Вяземский полк.
Нахим Либерман

как вы думаете?». Нерешительно обращается врач к другим, хотя у него под рукой свидетельство от земской больницы, где признано, что Бумбур к военной службе не годен. Гражданский врач долго смотрит на Бумбура рачьими светлыми глазами, просматривает свидетельство и тянет: «Ну, что же? На родину». Но видно, что ему не хочется. «Вы знаете, по новой статье всех безглазых в строй и беззубых тоже, вот относительно повреждений крупных суставов статья приостановлена». Брат Гурко¹ пишет с войны, что не хватает людей, пишет: «шлите нам и шлите как можно больше». И врачи начинают всех осматривать враждебно и особенно

рьяно пишут на билетах: «годен в строй». Вот и Зануда перед столом вытягивается, бледнея: «годен в строй». Вот Грициенко серьезно и волнуясь отвечает, где служил. «Годен в строй», пишут перья. Давыдов, нервничая и подёргиваясь, снимает рубаху. «О, какой здоровяк» – «У меня пуля в груди, ваше высококородие». «А что же ты её вынимать не захотел?» – «Сначала не хотел, а теперь хочу, мешает очень». «Ну, братец, тебе я не верю, ты так и скажи: ах, какой был врач негодный: не верит и всё тут».

– Годен, – осматривая рубец, говорит военный врач.

Шестнадцать человек оказались годны в строй. Наш госпиталь пустеет и тает, как глыба снега весной. Их отправили нынче. Ушли: Грициенко, Зануда, Тамбаев в нестроевую, Ахматгалиев, Кичигин, Устинов, Володин, Кутявин, Гаязядтынов, Бумбур, Давыдов, Пронькин, Толстиков, Ходосенко, Ведерников, Кальченко, Сбрицкий. Кичигина пошлют в земскую больницу² для исследования нервной системы. Доктор Панов некоторых не представил, так как комиссия была свирепая.

Говорят, что в Петербурге забастовали рабочие по поводу вторичного забора раненых на войну, озлобление сильное. Давыдов кричал после, что в какую угодно забастовку пойдёт, что теперь ему всё равно.

¹ Имеется в виду Гурко Василий Иосифович, брат Владимира Иосифовича Гурко.

Василий Иосифович (1864–1937) – сын генерал-фельдмаршала И.В. Гурко, в 1914–1916 гг. командовал 6-м армейским корпусом, с февраля 1916 г. – 5-й армией Северного флота, с августа 1916 г. – Особой армией Юго-Западного фронта, с октября 1916 г. по февраль 1917 г. исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерал от кавалерии (1916); Временным правительством был выслан за границу, умер в эмиграции. Владимир Иосифович Гурко, уездный предводитель тверского дворянства, камергер высочайшего двора, действительный статский советник, член Государственного совета от Тверской губернии.

² Губернская земская больница в Твери, при которой Губернским комитетом земского союза был открыт госпиталь на 120 коек, а также зубо врачебный и бактериологический кабинеты для обслуживания госпиталей земского союза. Старший врач – Гальперн Яков Осипович, ординатор – Чёрно-Шварц Борис Наумович.

Фото: М. Чуркин

В Тверь едет царь, дома увешивают гирляндами ёлок, на улицах ставят транспаранты для иллюминаций. Опять, значит, с начала. Дежурство было весёлое и почти такое, как я хотела. После обеда засели в сторожку. Хиллов пел песни под треньканье балалайки. Егор нас учил на балалайке «Во саду ли, в огороде». Вещь немудрёная.

Вошёл реалист с картинами для волшебного фонаря. Сказал, что не умеет управлять фонарём. Мы решили действовать с Егором и Хилловым на свой риск, хотя раньше до фонаря и не дотрагивались. Ещё свет голубеет в окнах, но делать нам нечего. Хиллов энергично взял лестницу, развесил в коридоре полотно, мы притащили фонарь и начали, покрикивая, уставлять фонарь: «Не лезьте на провода. Давайте стол.» – «Ну, вставляйте штепсель!» Раненые не могли вставить, я взяла и вместе с Барановым стала вставлять, в полутьме плохо видно, да и Баранов мешает, но дело уладилось. Вспыхнула искра, затрещали угли, и белый ослепительный свет осветил лица и фигуры. Немного растерянный, но сияющий взгляд, застенчиво самолюбивая улыбка на молодом красивом лице. Долго устанавливали фокус, пятно света то прыгало вверх, то стояло внизу, поставили фонарь в палату и пустили луч на стену. Наконец-то. «У нас дело на мази».

Я беру стул, Елена стоит у фонаря с картинами. Егор сдвигает угли. Пришёл из города Либерман, красуясь в новом чёрном костюме и заграничных сапогах. Около меня ставит стул. Баранов около его колен, на пол садится симпатичный сибиряк Чуркин. Началось чтение. Реалист¹ не

¹ Учащийся Тверского реального училища. К благотворительной деятельности по оказанию помощи раненым воинам подключались учащиеся города Твери. Реальное училище – среднее учебное заведение Московского учебного округа. Открылось в Твери в октябре 1875 года по инициативе городской Думы для выходцев из всех сословий. Срок обучения достигал 6–7 лет. В 1888 году училище сделали общеобразовательным, окончившие 7-й класс училища имели право поступать в университеты на физико-математический и медицинский факультеты. В 1918 году закрыто.

читал, а вёз без знаков препинания. Рассказ шёл о пожарных, картины тоже соответствовали этому. Но мы мало обращали внимания на чтение. Искали в картинах сходство с ранеными, находили, а потом стали разговаривать о совершенно посторонних вещах. Чуркин стащил кольцо у Баранова на свой палец, мне оно было широко.

Я надела его обратно Баранову <...> у со словами: «Венчается раб Божий Ефим».

– Нет, мне с такими словами наденьте, – пристал Чуркин. – Я на указательный не надеваю.

– По английскому обычаю обручальные кольца носят вот здесь, – сказал Баранов.

– Ага, вы уж теперь всё по-английски. Как вы подчиняетесь вашей невесте!

– Я подчиняюсь? – обиделся Баранов.

– Ничего подобного.

– Нет, я вижу она вас в бараний рог согнула, ведь это кольцо носят, чтобы никогда не изменять.

– Ну, конечно, – смущённо засмеялся Баранов.

Товарищи тоже смеялись и поддакивали мне.

– Сниму же его, – рассердился Баранов. – Вот вместе с табаком положу. И он снял кольцо и сердясь положил его в портсигар.

– Эге?? – подумала я.

Зануда смотрел на нас, крутя ус и покачивая ногой. Потом подошёл к нам. Чтение кончилось, стали ставить градусники, а потом я сыграла с Чуркиным в шашки. Коля всё время мешал <...>

<...> Не дойдёт. Я и Елена стащили Добкина за халат до третьей палаты, он теперь принимает сердитый вид, говорит, что ночью будет обдумывать, как нас известить. Ему очень нравится наше слово «запузыривать».

Эсфирь Еремеевна сообщила нам новость, что во Владимирских казармах¹ повесился ополченец, не желающий идти на войну.

Ночью Хилова рвало. Вызвали доктора. Доктор со сна вообразил, что Хиллов свалился с лестницы и после сердился на вызов.

12 января

Вчера на нашем дежурстве явился Гаслер², председатель губернского комитета Земского союза. Он ходил по палатам, спрашивая раненых, вступая в разговоры:

¹ Казармы 8-го гренадерского полка в Городской части Твери. Находились на углу Владимирского переулка (Студенческий) и улицы Новоторжской (здания не сохранились).

² Гаслер Владимир Фёдорович фон (1857 (8)–1934) – дворянин, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., награждён золотым оружием; гласный Вышневолоцкого уездного и Тверского губернского земских собраний (1891–1905), председатель Тверской губернской земской управы с 1906 г., известен как «левый либерал» В 1914 г. – председатель Тверского губернского комитета Всероссийского земского союза, в 1915 г. уполномоченный Особого со-
вещения по продовольствию по Тверской губернии.

- А ты откуда? Кровь с молоком!
- Так точно, ваше превосходительство.
- Хочешь на войну?
- Никак нет, ваше прев..
- Покровились?
- Так точно.
- Ты из какой губернии?
- Тамбовской.
- Губерния хлебная?
- Так точно.
- У вас там много индюков, гусей?
- Никак нет, все владельческие.
- Ну как это, владельческие?
- Так точно, владельческие.

После раненые долго пересчитывали в памяти его кресты и медали и безошибочно определили, в каких кампаниях он участвовал.

Нынче нашёл на нас покаянный стих. Ездили на лыжах, снег туманом скрывал вечерние дали <...> засел густо в складах пальто, но прокатились отлично и решили каяться. Недаром Яровой нынче утром рассказал сон, что я перед иконой, вся жёлтая, молилась:

— Господи, спаси меня грешную, — и плакала.

Елена тоже заплакала, глядя на меня, и потом бросила в Ярового бомбу.

Нынче устроили страшный шум и возню в нижнем коридоре. Вчера играли до двенадцати часов в карты, заперлись в седьмой палате. Раиса Михайловна ломилась в дверь, но мы ей не отперли, утром нам от неё был выговор, что мы действуем «совсем некрасиво». Разорвали в драке казённый пояс у Баранова и не остановились бы и перед растерзанием халата, если б он был менее прочен. Все эти похождения надо прекратить окончательно и вести себя чинно. Хорошую картину мы из себя изображаем, когда с шумом мчимся по коридору, таща за полы халата раненого. Он, изнемогая от смеха, пробует упираться, гремят скамьи и двери. И это сёстры милосердия! Или энергично с искажёнными лицами рвём друг у друга карандаши, разгибая пальцы. Вот уж именно «совсем некрасиво». Хотя и страшно весело. Дела нет, а сил так много чувствуешь в себе, что-то так и кипит внутри, так и прыгает. Хочется на голове ходить. Но надо, надо взять себя в руки, надо сознательно отнестись к своему по-

*В. Ф. фон Гаслер,
председатель губернского
комитета Земского союза
с супругой*

На корме

ложению. Мы всё-таки находимся в больнице, и наш безобразный гвалт, конечно, беспокоит других раненых, которые должны у нас в госпитале хорошенько отдохнуть, поправить нервы. Для этого нужно спокойствие, а мы устраиваем бедлам. Господи, спаси меня грешную.

Мама уехала в Москву на похороны Сергея Васильевича Лаврентьева¹. Не хочу!

15 января

На этих днях разговаривают о скандалах в Дворянском собрании² и архиерейском доме³. В Дворянском собрании доброволец Сергеев поругался с сиделкой и на замечание врача Чёрно-Творца⁴ отвечал дерзостью. Врач перевёл пока его на почту⁵. Говорят, он выгнал Сергеева ночью и хочет хлопотать, чтобы Сергеева перевели в военный госпиталь. В архиерейский госпиталь должна была явиться комиссия. Госпитальные врачи заявили, что им некого представлять к комиссии, но комиссия, явившись, обошла все палаты и лично пересмотрела всех больных. Нашла, что один фельдфебель годится в строй.

*Село Трёхсвятское: Духовная консистория и архиерейский дом.
Тверь, 1906 г.*

¹ Возможно, родственник.

² Дворянское собрание на улице Миллионной в Твери. Тверское дворянство предоставило обширное верхнее помещение Дворянского дома под устройство тылового госпиталя на 120 коек для нижних чинов на средства губернского земства. Открыт 8 сентября 1914 г.

³ Тверской архиерейский загородный дом (построен в 1770-е гг.) и консистория располагались в загородном селе Трёхсвятское. В августе 1914 года летний дом владыки отдали под лазарет для раненых на 50 человек.

⁴ Возможно, Чёрно-Шварц Борис Наумович – ординатор Тверской губернской земской больницы.

⁵ Имеется в виду лазарет на 100 коек, открытый в Твери в здании почтово-телеграфной конторы на Почтовой (ныне Советской) площади на средства Всероссийского земского союза.

Здание Дворянского собрания. Тверь. 1900-е гг.

*Почтовая площадь. Слева – губернская земская управа.
Справа – здание почтово-телеграфной конторы. Тверь. 1900-е гг.*

Госпитальные врачи заявили протест и хотят возбудить дело. У нас в госпитале была комиссия 13-го. Выбыли четверо: Яровой, Чуркин, Тутов и Гагарин. Доктор был в очень свирепом настроении: Михалёв и Гирицкий расцарапали зажившиеся раны иголками из-под граммофона, и на комиссию их нельзя было представить. Доктор чуть ли не обвинял в соучастии Эсфирь Еремеевну и теперь страшно подозрительно относится к высоким температурам и всяким жалобам. Раненых гулять перестали пускать, так как Тутов однажды понёс продавать казённое бельё, а нескольких раненых застали в трактире.

В нынешней газете очень радостное для многих наших раненых известие: приостанавливается приказ принца Ольденбургского¹ о беспалых и беззубых. Их опять не будут брать на войну. В газетах – победа британского флота над германским. Потоплен германский крейсер «Блюхер» в Северном море².

Мне опять хочется писать о ...

«Незначем. Тёмно-серые глаза», выдавшие простор прерии, железное кружево чикагских мостов, статую Свободы над океаном, пристально смотрели на меня и быстро опускались при моём взгляде. Это – зарницы перед грозой...

Вечером водили хоровод, иначе плясали индейский танец под граммофон. Кто это давно, давно сжимал мне так руку, как сжимал мне её Е.³? Пусть это пожатие будет новым и не вызывает тёмной тени прошедшего. А стихотворения в песеннике, которые Е. выбрал и указал мне? «А она на любовь так глядит холодно, пели мы и я улыбнулась невольно»...

Я до сих пор не понимаю этой фразы, её истинного смысла. В сущности, всё это меня не должно интересовать. А лестница? Играли в жмурки.

16 января

Пришли с перевязок. Опять кольцо, и это почему-то привело меня в грустное настроение. Вчера, когда мы стояли в передней <...>

Казалось, что <...> умираем в горах <...> снежной метелью после долгого путешествия по свету. Он был в Канаде и был кочегаром на океанском пароходе. Когда я гляжу на его мрачное выразительное лицо, мне кажется, что ветер океана шевелит его волосы, от ресниц и бровей пахнет солью морских брызг. У него резкий характер, он горд и презирует всякое начальство. С удовольствием пишет мне сибирские песни, и от них тоже веет дикой волей, протестом против насилия. Недавно мы провозжали 126-й запасной батальон, уезжающий на германскую границу⁴. Уезжали четыре роты, около тысячи человек, и все запасные 1908–1907 годов.

¹ Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932), генерал-адъютант, член Государственного совета. С сентября 1914 г. назначен верховным начальником санитарной и экспуатационной части Русской армии, шефствовал над обществом Красного Креста.

² Имеются в виду события войны на Северном море в январе 1915 г. 24 января произошло морское сражение у Доггер-Банки, в котором приняли участие со стороны англичан 5 крейсеров и со стороны германцев – 4 крейсера. Бой продолжался 4 часа и закончился потоплением германского крейсера «Блюхер».

³ Поклонник Анны.

⁴ 196-й пехотный запасной батальон, в дальнейшем – пехотный полк. Запасная воинская часть, сформированная в связи с началом Первой мировой войны для снабжения действующей армии обученными пополнениями. Находился в Твери. Комплектовался новобранцами, солдатами, призванными из запаса, выздоровевшими ранеными из госпиталей. После военной подготовки из личного состава запасного полка формировались маршевые роты и батальоны, отправлявшиеся на фронт. Офицерских чинов – 27, классных чинов – 4, нижних чинов – 3636 (на 3 декабря 1914 г.).

Нынче утром разъясняли газетное сообщение о приостановлении насчёт беспалых. Многие солдаты поняли совсем наоборот, мы подняли их упавший дух. Особенно рад Семён Егоров. У него лицо светится радостью, он не может этого скрыть. Нет пальца на правой руке, значит, едет на родину. Либерман – тоже.

Приехал из Петрограда Алексей Иванович. Нынче довольно-таки адское настроение, а почему, не могу точно объяснить... Я думаю об отношениях к Е.¹, догадываюсь, что я у цели, между тем перед стеной. Дело дошло до самой решительной точки. Я вижу, что прежняя дорога открывается передо мной, если я сделаю ещё шаг в сторону сближения, и дорога – избитая, надоевшая. Нам уже незачем разговаривать, нам достаточно видеть друг друга, и когда я замечаю, что Е. только там, где я, мне становится радостно. Да, я могу сказать это прямо, я рада видеть его. Он часто думает о чём-то, я смотрю на него беглым взглядом, он поднимает голову, я отворачиваюсь и чувствую, что он смотрит на меня. И я, и он избегаем встречаться взглядами. Никто ещё не догадался, о ком я чаще всего думаю. Почему я должна сделать тот шаг, который раскроет мои карты? И смутное состояние души зависит, по-видимому, от этого колебания. Как действовать дальше? Самое горячее объяснение не даст мне счастья, а между тем я хочу, чтобы Е. думал обо мне, забыв прошлое. Оставить так неинтересно. Решу так: предоставляю действовать ему, сделав завтра намёк. Мне важно что-нибудь новое, но такое, чтобы ни одно моё слово, ни одно моё движение не было повторением старого, новое – вполне, новое абсолютно, полное тайны, скрытое ото всех. Зачем я решила добиться своего? Мне нравится, что Е. страшно осторожен и может говорить о самом важном с равнодушным лицом.

*На рисунке, по-видимому,
Андрей Масликов*

18 января

Светит тусклое январское низкое солнце. Уже вечереет. Как прибавились дни! Вчера дежурили. Я водила раненых в кинематограф². Всем очень

¹ Анна предпочла не раскрывать, о ком идёт речь.

² Кинематограф в годы войны получил широкую популярность. В Твери было два кинематографа на Почтовой площади: в доме Коняевой (бывший Почтовый дом, открыт в 1909 г.) и в доме М.Д. Арефьевой и Е.Е. Поповой (открыт в 1915 г., позже в здании располагался кинотеатр «Вулкан»).

*Гриценко и Зануда.
203-й Сухумский полк*

понравилось. Программа была комичная. Возвратились поздно, когда уже отходила все-нощная. Лунная ночь, очень свежо от недавно выпавшего снега. Шли со своими товарищами: Поляковым, Масловым, Барановым и Балабаевым.

Эти четверо составляют со мной нераздельную компанию в госпитале, мы разговариваем о чём угодно и можем весь день просидеть вместе, не на-

доев друг другу. Все они с действительной службы, но все много видали и слышали. Оказывается, на Мазурских озерах в сентябре был взят в плен весь 3-й Финляндский корпус¹. Нашим войскам пришлось не раз поднимать оружие против финских полков. Маслов под секретом сообщил мне, что 25 января ожидается на всем фронте наступление², всюду пополняют роты новобранцами 15-го года и запасом. Скоро будет серьёзное сражение.

Вчера в десять часов вечера засели играть в карты в седьмой палате. Собрались эти четверо, Либерман и Елена. В полночь Анна Петровна попросила нас разойтись, говоря, что в коридоре стоит Алексей Иванович. Раненые пошли и налетели вниз на него. Про Балабаева рассказывали, что он кинулся мимо с лестницы чуть ли не вниз головой, когда увидел, что Алексей Иванович остановил Полякова и Баранова. Либерман быстро завернул назад и скрылся в первую палату. Очень находчив и труслив. Национальная черта. Поляков отвечал за всех. Алексей Иванович не кричал, вообще он сильно сбавил тона. Говорил, что искал в Петрограде место и хотел бы уехать до сдачи госпиталя. Нынче утром с нами говорили по телефону Зануда и Давыдов со станции и так увлеклись, что пропустили поезд. Прокутили двадцать пять рублей перед отъездом.

19 января

Снежная буря. Она бросает сугробы и замечает следы в несколько минут. Снег летит в горизонтальном направлении, ветер крутит его и мечется в деревьях. Пришли утром письма от Гриценко и Зенова. Грици-

¹ Описываются события на Русском театре военных действий в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г. (Восточно-Прусская операция). После удачного Гумбинен-Гольдапского сражения 7 (20) августа русское командование не смогло воспользоваться плодами победы, движение двух русских армий замедлилось и рассогласовалось, чем не замедлили воспользоваться немцы, ударившие с запада на открытый фланг 2-й армии. 2-я армия генерала Самсонова была полностью разбита, значительной частью окружена и взята в плен.

² Начало операций на крыльях русского фронта, в восточной Пруссии и Карпатах (январь – апрель 1915 г.).

енко пишет с дороги. Зенов теперь в команде разведчиков лейб-гвардии 3-го стрелкового полка. Этот полк стоит на отдыхе на германском фронте. Мы нынче доехали на «лихаче» в госпиталь. Было приятно перегонять попутных извозчиков. Метель засыпала нас с ног до головы. Все сёстры приходили в снегу, красные от ветра. Поезд опоздал на несколько часов, движение трамваев прекратилось.

*Отрёкся ... И снежная буря
Мне кажется полной огня,
Порывом весеннего счастья
Она закружила меня.
Я в каждой снежинке читаю
О радостной встрече с тобой,
И с бурей хочу веселиться
И мчаться над белой рекой...*

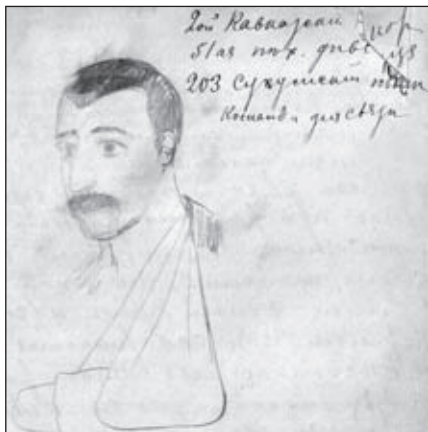
*Хочу я к земле прижиматься,
Наверх к колокольням взлетать
И с ветром свободным, как птица,
Там колокол медный качать.*

*Отрёкся... Сияющим взглядом
Он свой приговор подписал.
Несись же, безумная буря,
Кружись, разыгравшийся шквал!..*

Скажи мне прямо и честно, не опуская своего взгляда в землю, любишь ли ты его? Клянусь, нет! К чему же ты добиваешься от него чего-то, глупое упрямство заставляет тебя играть в увлечение, разве ты не видишь, что это нечестно? Эх, брось! Жизнь – смелое приключение. Без приключений нет жизни. Создавай их, и ты будешь жить. Со щитом или на щите, не всё ли равно? Лишь бы быть в битве... Ну, чёрт с тобой, действуй!

21 января

Мы с деньгами, и прежнее хулиганство обуяло нас с новой силой. Минуты покаяния забыты. Баранов утром был мною избит, у

2-й Кавказский полк.
51-я пехотная дивизия.
203-й Сухумский полк.
Команда для связи

меня прищемлены кроватью пальцы, Либерман ходит весь в царапинах...

Ночь провели весело. До двух часов играли с Добкиным и Либерманом в карты, сначала в седьмой палате, потом в коридоре. Бегство при звонке Алексея Ивановича было повальное. Добкин, как страус, проскакал в уборную, толкая Либермана, а мы с равнодушными лицами устроили якобы ночной обход по палатам. Играя в карты, я пользовалась рассеянным состоянием Либермана и Елены и плутовала, как шулер. Добкин помирал от сдержанного смеха, но мы всё же остались в дураках. Добкин, отошедший было в область преданий, опять выступает на первый план, с ним очень весело. Вечером играли в лото и привлекли к игре Анну Петровну. К удивлению раненых и сиделок, она проиграла до одиннадцати часов и играла на деньги. Она говорит, что завидует нам, нашему хулиганству и смеху, говорит, что с удовольствием повозилась бы и посмеялась, но ей мешает её начальственное положение. Раненые тоже замечают перемену и спрашивают нас, что с Анной Петровной. Мы носим название бешеных и весёлых сестёр.

Нынче я кончаю эпопею с Е., начинаю эпопею с Е. № 2.¹

Мне сейчас тяжело вдаваться в некоторые подробности. Они касаются Елены и Либермана и личной жизни Елены. Но то незначительное, что произошло сегодня, очень значительно для меня, потому что касается всей моей дальнейшей жизни. Я вижу, что я буду одинока в совместном существовании с Еленой, мой голос при решении разных вопросов будет ставиться ниже голоса всякого, кем она увлечется. Я знала, что если Елена на этот раз послушается Либермана, а не меня, в моей душе произойдёт страшный перелом. И он совершается теперь, совершается в несколько часов. Этот роковой вечер! Завтра я буду спокойна, но как сейчас... Всё, что удерживало меня, заставляло останавливаться, полетело к черту. Да. Я могу сказать, что эта любовь последняя и единственная, такая прочная, шатается в самом своём основании за этот момент. Теперь для меня ничего нет на свете дорогого. Нынешняя измена, я чувствую, <...> решит многое, она роковая для меня.

<...> товарищи, могу ли я положиться на вас? Теперь я знаю, куда мне идти. Не покинете ли вы меня на дороге? Я хочу туда, в бой и еду, еду с вами. Конечно, я доверяю вам, я ещё верю в свой народ и, пожалуй, ничто, как вдуматься, не может подорвать этого доверия. Кого из вас мне выбрать, кто может быть другом мне, кто поможет счастливо добраться к немецким границам? Там я буду помогать вам, насколько сил хватит, там при виде ужасов я забуду своё, и мне будет хорошо. Жить, так жить до разбора шапок! Не испишу этого дневника, как буду там. А здесь? Как мёртво здесь на душе, с каждым днём она умирает и умирает... Какой-то мерзкий спрут затягивает её в пучину грязи и пошлости. Лучше уж скорей

¹ Новый поклонник Анны.

умереть, чем подсчитывать сознанием постепенное свое падение. И теперь об этом легко думать, и теперь ясно, что так, как я думаю, так надо. Да, так надо. О, пошлость, пошлость, вот как сильна ты! Хоть к смерти, да не с тобой. Надо хорошо обдумать свой план и взвесить все случайности. Денег тратить не надо. Как скверно поступила Елена!

21 января

Завтра начинается масленица, и у нас деньги все. Займём у Алексея Ивановича <...> двадцать рублей вперёд. Посылает Т. пятнадцать рублей. Мы теперь тётки. У неё 18 января родилась девочка, назовут её Еленой¹, роды сошли благополучно. Я выбрана кумой, но крестить вряд ли придётся.

Нынче умчалась последняя туча рассеянной бури. Люби, пока любит-ся, прощай, пока прощается, думаю я. Нынче ушёл из госпиталя Либерман в слабосильную команду. Елене это очень тяжело, но случившееся было неизбежным. Вчера была комиссия, и комиссия довольно благоприятная. Ушли четырнадцать человек, из них пятеро уедут на родину, а остальные попали в слабосильную команду. В строй никто не назначен. Ушли: Кулаков, Пещенко, Кичигин, Егоров Алекс, Самсонов (все на родину), Батурбаев, Бадартынов, Накиев, Котенков, Михалёв, Тринский, Егоров Семён, Резник, Либерман. Из пятой, четвёртой и шестой палат раненых перевели на свободные койки из других палат, и эти палаты теперь свободны как прежде. В Тверь опять прибывают раненые, вчера приехали триста человек, но нам ещё не присылают, так как у нас не готово бельё.

Вчера было наше дежурство. В десять часов вечера явились новые сёстры Кокошкины, Марья Адамовна, Богданова и с ними четверо молодых людей на первом взводе и подозрительной наружности. Они принесли гармонiku и пошли в первую палату. Я и Елена решили с ними не знакомиться. Елена была расстроена отъездом Либермана, и он и она нервно ходили по коридору с плачевными лицами. Я сказала Баранову, что не пойду в первую палату, и мы остались в коридоре. Разговаривали о присяге, и я его пропагандировала. Он будет стрелять в народ, если прикажут. Я ему доказала, что присягая вере, царю и Отечеству, он, стреляя в народ, выполняет присягу только по отношению к царю.

Вот они... Б., Л., и Д.

¹ Племянница Анны и Елены.

Павел Егоров

– Мы с вами разных лагерей, – сказала я ему.

– Почему вы на меня напали? Я ещё ни в кого не стрелял, – ответил Баранов.

Поляков мне сообщил, что с такими людьми, как Баранов, нечего так разговаривать:

– Они ещё ничего не видали, головы-то у них тёмные.

Баранов рассердился на такого рода аттестации. Кончив игру на гармонике, компания прошла в дежурку и стала разливать по стаканчикам портвейн. Я шепнула Анне Петровне, что молодые люди очень подозрительны. Этого было достаточно, чтобы Анна Петровна, бледная, с расширенными глазами выскочила из дежурки. Мы все скрылись кто куда. Анна Петровна уединилась с Еленой в перевязочную, а я осталась в коридоре. Посидев минут двадцать над наполненными ста-

канчиками и видя демонстративное отсутствие персонала, компания решила ретироваться. Это было уже в двенадцатом часу. Они прошли мимо меня с оскорблёнными лицами, не прощаясь. Но особенно, кажется, сердились Марья Адамовна и Богданова. Они усиленно стремились «объединить общество», звали нас, но их план не удался. Очевидно, они насаждали об нас много разных вещей, если совершенно незнакомые нам люди рискнули прийти (?) с бутылкой вина к нам в дежурку. <...> Елена страшно злые на этих сестёр, <...> мне не хочется встречаться с ними. В двенадцать часов ночи <...> не обращая внимания на Алексея Ивановича, сидевшего в канцелярии, засели в седьмой палате с Добкиным и Либерманом играть в карты. Играли до половины третьего. Добкин не хотел уходить, но Либерман подмигивал ему, а Елена мне, чтобы мы оставили их в покое. Завтра условились встретиться с Добкиным и Либерманом в синематографе.

У нас новый канцелярист Фёдор Владимирович, высокий бледный молодой человек, хорошо играет на балалайке. Его присутствие в канцелярии магнитом притягивает <...> Раю Кацовскую. Он достаточно «экстравагантен».

27 января

25-го числа была на концерте. Участвовал Богумил Сикора, виолончелист. Выл довольно хорошо. Я зевала весь вечер, несмотря на старание артистов занять публику. Открытые пасти я видела не раз, начиная с девяти часов и кончая часом ночи. Исполнялись произведения нашего ар-

хиерея Серафима¹: «Хочу молиться», «Веруй и жди». Артистка шипела и выла. Были архиерей, губернатор. Шуршали рясы и звенели шпоры. Архиерейский хор пропел все гимны какие только есть. Стоять было невмочь. Впечатление слабое.

Мы бьём, как тараном, на Бзуре и на Ровно, взяли позицию после шестнадцати атак, австрийцы наступают и мы их задерживать не можем².

Стоят морозы и ясные холодные ночи... Мы привыкли не спать до двух ночи, но когда дома, то заваливаемся в восемь часов и спим до восьми утра.

Вчера Алексей Иванович два раза застал меня за картами с ранеными и взял с меня слово больше не играть. Я дала слово, а в одиннадцать часов в седьмой палате открылся клуб. Играл пришедший из «слабосильной» Либерман и Добкин. Когда ушёл Либерман, его заменил Егоров. Привычка, скажем, вторая натура. Завалились в два часа. В большое окно светили звёзды и очень неопозитично сказали мне «плюнь на всё»... И это было выполнено. Действительно, плюю на всё с высоты седьмого этажа.

Началась масленица.

Баранов, 12-й Сибирский п.

30 января

Вчера вечером получила от Зенова письмо. Нынче послала ему крест по его просьбе. Почему-то захотелось сделать это. Он пишет, что ему тяжело. В газетах неутешительные известия. Немцы перешли в наступление у Мазурских озер, длится шестидневный бой. Наши потери велики. Мы отступаем из Восточной Пруссии к нашим границам³. В Тверь опять начинают подвозить раненых.

¹ Атеистка и социалистка Анна относилась к архиепископу несколько предвзято. Архиепископ Тверской и Кашинский Серафим – Леонид Михайлович Чичагов (1856–1937) – выдающийся церковный и общественный деятель, в 1893 году рукоположен в сан священника, в 1895 году пострижен в монахи под именем Серафим. В 1918 г. возведен в сан митрополита. Автор ряда работ по истории православной церкви, почётный член ТУАК. Расстрелян в 1937 г. Подробнее – см. приложение.

² Бзура – река в Польше, в районе которой произошло сражение 19 ноября – 20 декабря 1914 г. между австро-германскими и русскими войсками. После тяжёлых боев в районе реки Бзуры немцы оттеснили русских за Лодзь, к реке Равке. Ровно – на тот момент уездный город Российской империи.

³ Имеются в виду военные действия периода зимней операции в Восточной Пруссии. В феврале русская армия предприняла очередную попытку наступления на Восточную Пруссию, на этот раз с юго-востока, из Мазурии, от города Сувалки. Плохо подготовленное, и не обеспеченное артиллерийской поддержкой наступление мгновенно захлебнулось. К 26 февраля германцам удалось вытеснить русские войска с территории Восточной Пруссии и продвинуться вглубь Царства Польского на 100–120 км, захватив Сувалки. Гродно осталось за Россией. 20-й русский корпус был окружён и сдался в плен.

Машинист Алексей Иванович

Вчера вечером «шёл снег» с Е.Д., но так как мне память ещё не изменяет, я держусь на твёрдой позиции безразличия. Я помню, как низи на Волги голубели в тени, а верхи берегов розовели от холодной яркой зари. Е.Д. сказал: «Кто изменяет, тот не человек, а скотина». Снег скрипел под ногами.

Не знаю, ценю ли я такое мнение, но Е.Д. никогда не увидит меня изменившей прежнему, хотя так есть на самом деле. Либерман спрашивал Елену, что у меня за дружба с Поляковым, и я знаю, что этот вопрос <...>. Поляков <...> я часто с ним разговариваю. Анна Петровна сделала сёстрам «отеческое внушение», передав нам, что о сёстрах госпиталя при училище слепых ходят нелестные слухи, что нашим солдатам «чересчур весело» живётся. Эгеге. Надо дать отбой и опрокинуть избыток энергии на персонал.

31 января

Вот уже и январь проходит. Дни стали длинные, светлые, чаще слышится слово «весна» и кажется, что весна близко, близко. Встретили нынче Арсения Судакова. Он взят в солдаты и живет в Твери. Сообщил нам, что винтовок не хватает.

На взвод, где считается человек девяносто, приходится пятнадцать винтовок, и потому громадный процент обучаемых солдат при отсылке на войну почти не умеет взять ружья в руки. Вообще наши дела неважны. Профессиональный союз, членом которого состоит Судаков, перестал функционировать, всё рухнуло с войной. Вчера было «заседание» у Анны Петровны, на котором мы выработали план действий. Ольга Ивановна и Эсфирь Еремеевна осуждают нас заглазно за то, что мы дерёмся с ранеными, они видят в этом нечто грязное. Эсфирь Еремеевна хотела выработать «правила поведения для сестёр» и проектировала назначить старшей сестрой Ольгу Ивановну. Ольга Ивановна все наши действия истолковывает только с дурной стороны. Но даже Алексей Иванович не видит в нашем поведении ничего предосудительного. Анна Петровна передавала нам его слова:

– Я дам голову на отсечение, что сёстры Ждановы себе ничего не позволяют лишнего.

Однако это не мешает всей остальной братии сочинять про нас грязные истории и осуждать даже Анну Петровну за то, что она подчиняется нашему дурному влиянию и сильно изменилась к худшему. Вчера мы постановили прекратить шум и возню с ранеными, если привезут новых, мы поставим себя официально с ними, на перевязках не хохотать и быть прямо «демона-

ми». Ольгу Ивановну незаметно изводить и не оказывать никакой почтительности. Нынче на перевязках приводили наш план в исполнение. Анна Петровна перебивала речь Ольги Ивановны, заводя другой разговор, а я сказала ей:

— Почему казённое белье для раненых носят служащие госпиталя?

Ольга Ивановна повернулась спиной к нам и вышла. Когда мы подъезжали к госпиталю, увидели впереди на лубянках¹ Марью Адамовну. Сказали извозчику, чтобы он первый подъехал к подъезду. Извозчик лихо перегнал лубянки, и наши сани первыми подскочили к крыльцу. Снег сыпал на землю, было тепло. Когда я отворяла двери в госпиталь, мне казалось, что все присутствующие — мои враги. Станным казалось,

что Добкин и Поляков приветливо поклонились нам, что Балабаев, Фотин, Барановский поздравили нас с праздником, улыбаясь как прежде. Нас заставляют ненавидеть этих простых, родных нам людей, в наши дружеские прекрасные отношения вплетают целую массу грязи, говорят нам:

— Эти люди не люди, а солдаты, которым предосудительно подать руку и долго разговаривать.

Мы должны быть рабами вывешенных правил.

Нет, всё же этого не будет. Только народ я могу любить и не изменю своим убеждениям никогда. Пусть зависть, злоба и сплетня окружают меня, я буду с теми, кого я люблю.

2 февраля

Четыре часа. Великопостный медленный звон первый раз загудел по городу. Жёлтая дорога в ухабах, капли с крыш и серое небо. Вчера вдруг пошёл дождь и испортил дорогу. Деревья набухли. Грустно, потому что на-

Еремей Поляков и Павел Егоров. «Сибиряки»

Веют ветры

¹ Сани.

ших бьют на германских границах¹, тяжело думать о нашем поражении и вместе с тем в душе загораются новые искры непрочного счастья. Они не яркие, но так привлекательны среди мрака. Тающий снег, мокрые заборы так напоминают о весне, что-то новое в воздухе, и хотя нельзя отбросить думы о тяжёлом положении наших войск, но они заглушаются порой радостными воспоминаниями недавних дней. А в госпитале события не из радостных. Выжили сиделку Таню за предполагаемую кражу одеяла; с полицией и криком вытолкали пришедшего за сиделкой Аннушкой мужа. Он явился требовать жену к семейному очагу, она от него промчалась ураганом по всему зданию, ругаясь. Пропала сестра Сурина, её разыскивает мать вся в слезах. Её нет дома пятый день. Панов обожрался блинами и даже похудел. Либерман скучает в слабосильной команде. Анна Петровна обыграла нас вчера в <...>. А между тем, несмотря на всё <...> (*вырвана целая страница*).

5 февраля

Хочется что-то сказать и нечего сказать. Всё ещё желтеют передо мной обои нашей комнаты, по-прежнему слышится повышенный тон разговора за дверью, всё по-прежнему, и это странно. Я ожидаю видеть новые картины, новые лица, иное залегло в душе и требует внешних перемен. И убеждение, что я сейчас живу на гостинице, становится все твёрже и твёрже. Я жду нового, так как в душе что-то перевернулось за эти дни. Я ещё не знаю, создались ли там новые оковы или рухнули, но <...> что-то мешает мне, я иначе думаю, и думы подобны вихрю. Как секундная стрелка, сознание ярко отсчитывает все моменты происходящего передо мной, и внутренними глазами я вижу всю сущность <...> окружающей жизни, я всё понимаю, и понимаю иначе, чем прежде. Мне грустно и ничто не удерживает меня в этой жизни, кроме любопытства: «А что же дальше?». Пусть смерть сама придёт ко мне, интересная, таинственная. Хорошо не знать того часа, когда она придёт, и для этого часа стоит жить, интересно жить и рисковать. А вдруг сейчас? И как это будет? Предчувствие говорит мне, что где-то близок этот час, тревога и радость, тоска и ожидание волнуют меня. Я сознаю, что незачем любить, незачем печалиться о том, что всё не так, как нужно, что говорит мне, что уже поздно. Я не чувствую себя больной, во мне много сил, но внутри разгорается пожар, подрывающий их. Ничтожными теперь кажутся искры, от которых полыхнул порох, но этих искр было много за эти дни, начиная с двадцать первого числа, когда на моё «напрасно» Елена ответила:

– Почему же?

Когда Анне Петровне сказали:

– Вы чисты и оттого не понимаете грязи вашего поведения.

¹ Зимой 1915 г. (7–8 февраля) началось наступление германцев в Восточной Пруссии против русской (Неманской) 10-й армии, растянутой в линию на 170 км без резервов перед укрепленной германской позицией по р. Ангерапп и Мазурским озерам. Противнику удалось продвигаться к Августовским лесам и окружить 20-й армейский корпус (бои с окружёнными частями продолжались в течение недели до 21 февраля).

Когда наконец они нагнулись над книгой и ни я, ни он не могли прекратить опасного и <...> мы смотрели друг на друга и <...> повышенными голосами <...> как перед смертельной опасностью. Я странно чувствовала, что они чувствуют так же, как и я, и этот унисон заставил нас быть дальше друг от друга. Мы слишком спелись, и рассудок смеялся над этим.

6 февраля

Вечером на нашем дежурстве всем раненым прививали оспу. Картина была интересна. В палатах, по коридору сидели и ходили раненые с голой рукой, живописно свесив рукава рубахи. Привили оспу и сиделкам, и санитарам, и швейцару. Утром на следующий день Анна Петровна привила оспу нам и себе. Мы сидели целый час, как палачи, с обнажёнными руками и ругались, почему детрит не подсыхает. В Твери есть случаи чёрной оспы. Во всех учебных заведениях поголовная прививка.

Вчера была очень хорошая комиссия. Только одного Хилова взяли в строй. Сухоруков попал в слабосильную команду, Емещенко, Сорокин, Суров и Селезнёв отправлены на родину, а остальных оставили долечиваться в госпитале.

Всю ночь нынче возили раненых, но нам опять не привезли. У нас остался только тридцать один человек. Наши дела на войне очень плохи¹. Не хватает ни людей, ни оружия. Солдаты в письмах пишут, что у нас немцы уничтожили два корпуса, зайдя в обход. Немцы переоделись в солдатские одежды наших казаков, как говорят, подкупив наш полк, и зашли с тыла. Взяты сорок семь тысяч в плен. Хотя Италия и Румыния собираются выступить против Германии, но Италия помогает тайно Германии подвозом провианта².

Я говорила с Резником об этом. Он впал в крайний пессимизм.

— Наше дело проиграно, — твердил он. — И зачем мы вступились за эту проклятую Сербию?

У нас стал столоваться ученик реального училища Михаил Фиглев. Платит с репетиторскими тридцать пять рублей в месяц. Робкий, бледный четырёхклассный³, «малотоший» и пьющий. Либман скоро отправляется на родину из слабосильной команды. Елена в унынии.

Вчера в слабосильную команду приезжал корпусный командир. Обратился с речью к солдатам:

— Идите, ребята, кто ещё может, на войну, помогайте родине.

Он косо смотрел на беспалых, отпущенных на родину по недавнему указу. Николай II обратился с просьбой к старым солдатам, то есть к пятидесятилетним, чтобы они тоже шли в ряды сражающихся. Все эти вести тяжело слушать, думать о них ещё тяжелее. Что будет с русским народом? На чьи головы падёт кровь, которая льётся реками?

¹ События февраля 1915 г. в Восточной Пруссии, окружение русских частей в Августовских лесах.

² Италия вступила в войну 23 мая 1915 г., Румыния — 27 августа 1916 г.

³ Учащийся четвёртого класса реального училища; обучение в училище длилось 6–7 лет.

Недавно мне прислали письмо из Царского села. А.А. Зенов спрашивает, не знаю ли я чего-нибудь о Михаиле? Я ничего не знаю. Если вдуматься поглубже, то надо думать, он жив. Да, конечно, жив.

Добкин хотел быть на этой комиссии, но у него открылась рана.

8 февраля

Вчера в госпитале была какая-то мягкая, ласковая атмосфера. В палатах царила особенная чистота после уборки, напоминающая пасху. Вся третья палата перешла наверх, и коридор сразу наполнился народом. Прибыл новый раненый Владимир Корн, сразу предложивший мне сыграть в шашки. Партии были то мои, то его. Алексей Иванович был в особенном свирепом настроении духа, но это ещё более подчеркивало наше общение с ранеными. Мы вместе осуждали его и смеялись над ним. Как хорошо было вечером поговорить о наших военных делах, сидя кружком во второй палате. И вообще весь день прошёл отлично. Настроение у меня весеннее, ласково-радостное. Люди кажутся хорошими, всем хочется сказать что-нибудь приятное и все как-то тоже веселее и добрее, больше шутят, больше смеются <...> я весело отдаю <...> и самое лучшее заключается в том, что <...> без всяких обязательств <...> завтра я смогу весь день <...>.

(Вырезано много страниц.)

Приехали в госпиталь, конечно, на извозчике. Коридоры были пусты, дежурка тоже. Пошли вниз и засели в швейцарскую ждать почты. Вот по лестнице мелькает жёлтый халат Е. Он спускается вниз, я невольно краснею и рада, что сижу спиной к свету. В сторожке уже много народу: Балабаев, Поляков, Баранов, Кольченко. Весёлый разговор привлекает и других раненых, все покуривают папиросы, шутят. Е. садится рядом, я не ухожу, как предполагала вчера, мне весело. Мы с Еленой пишем билетики, кто какой цветок. Я – крапива, Баранов – роза, Поляков – белена, Кальченко – сирень, Балабаев – ландыш, Елена – репей, а Добкин – махровый дурак. Потом вынимают билетики с названиями животных. Я – лошадь, Баранов – баран, Поляков – свинья, Кальченко – корова, Балабаев – курица, Елена – гусь, Добкин – крокодил. Пишем билетики с судьбой. Все уже настраиваются серьезней и солидней. Антонов тоже хочет вынуть билет. Баранов – едет домой на время, Поляков – навсегда, Балабаев – в слабо-сильную, Кальченко – в ватер, Антонов – в строй, Елена – в лазарет, я – ранена, Добкин – в нестроевую роту. Все смеются, кричат кто куда и расспрашивают друг у друга. Входит Либерман, одетый в вольное платье, обрился и кажется маленьким в чёрном пиджаке и в изящных дорогих сапогах.

– Я уезжаю в два часа дня, – говорит он.

Начинаются перевязки, мы уходим в перевязочную. Там уже стоят Кокошкины без халатов в национальных воротничках и кофточках вроде солдатских курток. Мы с ними не здороваемся и делаем вид, что их нет.

<...> Его всюду сопровождают косые взгляды, и поэтому я начинаю чувствовать к нему глубокое участие. Он уходит обедать на гостиницу. После нашего обеда я выхожу в коридор. Серый день плохо освещает

коридор. У высокого окна одиноко стоит Поляков, подняв воротник черного халата. Начинаю разговаривать с ним и умышленно громко. Выйдет Е. или нет? Грустно почему-то. Снег падает за окном, со второго этажа видно, как по улице везут кирпичи на санях. Отворяется дверь первой палаты, как раз в то время, когда Баранов и Поляков выясняют, на кого я больше похожа, на ангела или на ведьму с Лысой горы. Баранов утверждает, что скорее на ангела, но Поляков не согласен. <...> никогда не было <...> быстро рассказываю поверья о семи лихорадках или «лихоманках» <...> Мы с Е. тоже идем вниз, Елена хочет ждать там прихода Либермана. Вот пришла газета. Меня зовут в сторожку читать военные известия. Там сидят Антонов, Добкин, швейцар и Балабаев. Читаю об отступлении десятой армии¹, начинаем комментировать. Приходит наконец Либерман, я не уйду из швейцарской.

Поляков сказал Добкину:

– И зачем я ночью поднимал шум? Всё время думаю об этом и теперь вижу, что напрасно сделал это.

Однако я не разговариваю с ним.

11 февраля

Мокрый снег летит на землю, тает, сырой ветер напоминает об оспе, жабе и скарлатине. Знобит от промозглой сырости, когда выйдешь на улицу. Даль покрыта туманом. Про вчерашнее можно сказать:

– Ну, был денёк!

И видишь, что необходимо. День был проведён хорошо. Он и сейчас оставил в душе впечатление чего-то солнечного, радостного. Мы весь вечер говорили с О.Д., несмотря на то что он резко высказывается, он проповедовал (?) теорию Ницше, и я, глядя в его глаза, первый раз замечала в их разрезе и взгляде стойкость и энергию.

– Всё можно, – говорил он. – Я, что задумаю, то и исполню, раз хочется, то и хорошо. А что же так жить, если не исполнять то, чего хочешь?

И то, что он выше всего ставит свои желания и свою волю, нравится мне.

– А долг? – спрашивала я, с интересом слушая его.

– Ну, что долг, когда всё можно? – воскликнул он.

– А убить человека?

– Если есть за что, могу и убить. Что же тут такого?

Мы стали говорить об его отношении к жене:

– Задумаю бросить и брошу.

– Но неужели вы бы это могли?

– Я думаю об этом. Разве лучше, по-вашему, жить с ней не любя?

– Нет, вы должны вместе воспитывать сына, раз он есть у вас.

¹ Русская (Неманская) 10-я армии; зимние (февраль 1915 г.), бои в Восточной Пруссии (Августовская операция), начавшаяся неудачно для русских войск, – русский фронт откатывался назад, был окружён, уничтожен 20-й армейский корпус. После его гибели наступление германских армий было приостановлено.

– Если она отдаст мне, я его возьму, но зачем же мне жить с ней?
– Нет, так нехорошо. Сейчас одна, потом другая.
– Это не так, зачем мне бросать ту, которую я люблю. Я ей не изменю никогда.

– <...>

– Так я вас люблю давно.

Он входит, нагибая голову и держа в зубах папиросу, садится. За ним идет бледный, суровый Поляков, думающий что-то; с лёгким зевком тоже садится. Я уйду, желая быть твёрдой в решении. Да, я завтра уйду постоянно <...> подобное <...> всё это время <...> недоволен. Впрочем, <...> играть со мной в шашки или нет.

*Я пойду за тобой на край света,
Где у острова бледное море шумит,
Я там буду, как чайка, как пена,
Что на камне в приливы кипит.
Ты мой странный, глубокий и близкий.
Ты и свет, и осенняя хмурая тьма,
Ты меня поведёшь на край света,
Но пойду я охотно сама.
Соль слезы в соли волн растворится,
Не узнаешь ты, гордый, о горе моём,
Там на острове дальнем под плесканье моря
Мы недолго ведь будем вдвоём.
Мои очи сожжёт краесветное солнце,
Слижет силы мои океана волна,
Мои волосы ветер полночи разметет,
Мне судьбою любовь не дана.
Не останется следа о той,
Что с тобой уходила,
Да и сердце твоё позабудет о ней <....>.
Где-то остров далёкий,
Но и там нет могилы
Для меня и для грусти моей...
Я пойду за тобой на край света,
Я, как пена прилива, растаю там <....> вместе с волной,
Ты меня поведёшь,
Ты меня поведёшь на край света,
Поведёшь за собой <....>*

Знала его <...> влюбится... Теперь же... он <...>. Скука, скука. Кто говорит, что счастье в любви, тот дурак... Это – сплошная скука и свинство. Счастье тут заключается в полном незнании чувств другого, счастье в мечте. И чем она была тоньше, тем резче, больше её разница с действительностью <...>

Наши дела на позициях плохи. Неприятель подступает к Перемышлю, на нашем фронте сосредоточено полтора миллиона вражеских войск. Хотя Италия и собирается выступить, но это выступление что-то чересчур затянулось.

24 февраля

Мы заняли опять Станиславов¹, взятый было врагами. Особенных новостей нет. Прислал письмо М. Зенов. Вчера была комиссия. Шестерых взяли: Фомичева, Хайсамдынова, Гилефанова, Птицына, Фотина и Михайлова. Только одного Гилефанова поместили в нестроевую роту, а остальных на родину. Они ходили со счастливыми лицами. Теперь у нас только двадцать один человек. Роковая для госпиталя цифра. При ней всегда что-нибудь новое.

26 февраля

Горит розовая заря над снегами, весь мост в розовом тумане, на заре видно, как движется лента дыма от паровоза, и хочется ехать там, где эта лента розовеет и тает над лесами. Опять тяжело, и это настроение разделяет со мной Елена. Кажется, что будет что-то новое. Скука госпиталя, вражда с ранеными тоже прибавляет к настроению свою тяжесть. В этот вечер я думаю, что Е. не любит меня, что меня и нельзя любить глубоко. Нет доказательств, но то, что утром мы не простились, что мы мало говорили, в этом я вижу что-то значительное. Да, он разлюбил меня. Тут нет ничего плохого, но, когда догорает заря, когда верба белеет у забора крохотными снежками, так хочется, чтобы чья-нибудь душа сочувствовала и стремилась ко мне.

Ходили на Морозовскую фабрику справиться о формировании подвижного госпиталя. Разыскали управляющего, он сказал, что Морозова, устраивающая госпиталь, скоро приедет, но дал нам её и московский адрес².

О, если б удалось! Неужели и здесь нашим стремлениям будет неудача! И не верится (*страницы вырваны*) и бросить всё хочется, а бездей-

¹ Станиславов — город в австрийской провинции Галиции.

² Товарищество Тверской мануфактуры, владельцами которых были купцы Морозовы, в обиходе — Морозовская фабрика, в состав предприятия входили: бумагопрядильная, ткацкая, красильно-отбельная, ситценабивная фабрики и механический завод. Занимала большую территорию вдоль правого берега Тьмаки вблизи Николаевской железной дороги (затмацкая часть города). Правление товарищества находилось в Москве, предприятием управлял совет директоров. Национализировано по Декрету СНК РСФСР от 28 июня 1918 г. После национализации — «Тверская Пролетарская мануфактура». В 1914 г. при фабрике Товарищества был организован лазарет (госпиталь), бараки для военнопленных. Госпиталь Тверской мануфактуры на 30 коек содержался целиком на частные средства.

Морозова Варвара Алексеевна (1848–1917), директор правления Товарищества Тверской мануфактуры, потомственная почётная гражданка, благотворительница. В последние годы жизни проживала в Москве, на Воздвиженке. На попечении Морозовой во второй половине XIX–нач. XX вв. находилось 11 благотворительных заведений при фабриках товарищества. Участвовала в создании лазарета при фабрике, подвижного госпиталя.

ствовать нет силы, надо что-нибудь предпринять, какой-то тупик перед глазами, из которого надо выйти. В госпитале бешеная скука. Вечером Поляков и К° <...>

27 февраля

Прислана бумага из округа, что мне высочайше положено сто пятьдесят рублей в год на высшее образование. Отлично, в этом году поступлю на естественные курсы. Нынче всё утро провели «делово», писали письмо Морозовой, отослали его, Елена взяла в полиции удостоверение на шесть месяцев, вместо паспорта. Вижу, что иное дело вне госпиталя, вообще внегоспитальные интересы могли бы заставить меня скоро забыть всё. Нынче я считаю отношение к Е. так, «между прочим». Едем на лыжах, пасмурный день с ветром, предвкушаю снега, быстрый бег, катание с волжского берега. Чудесно! Елена зовет пить чай, а после едем.

После катания... Лес, огни семафоров, быстрый бег и искры снега под ногами, искры без конца. <...> было внизу и кажется, <...> что всё сглаживается.

Сероватый оттенок вечера, звонят в городе, но звон далёк и не нужен. Сейчас – спуск, головокружительный, полный манящей неизвестности. Елена уже летит вся в облаках снега, я вижу, как она становится всё меньше и меньше и вдруг взлетает внизу, махая палками и лежит уже, громко хохоча. Я еду за ней. Ух, как воздух свистит в ушах, как лыжи шуршат, летя вниз, я не сознаю, что со мной, глаза уставились в одну точку, замирает сердце. Крак, целый холодный душ опрокидывается на меня, снег мелкой ледяной пылью забирается всюду, всё лицо в снегу, и не знаешь, когда остановишься, катишься вниз и видишь перед собой свою собственную ногу, всю в снегу, наконец, сознаешь, что нога в воздухе, а руки и голова в сугробе. Не встать от смеха, далеко остались палки, но лыжи здесь, все белые от снега. Изнемогая, поднимаемся ещё раз, наст уже не держит, стало тепло; кажется, сверху идет снег, но в сумерках незаметно; дует ветер, освежая разгорячённое мокрое лицо. В городе зажигаются туманные огни. Возвращаюсь домой, а в душе сознаю счастье, бодрость. В кухне при свете керосиновой лампы отчищаю от драпа снег, он уже превратился в лёд и падает на пол тяжёлыми кружинками. Вспоминаю Е. <...>, вспоминаю, что мне пришло письмо от Андрея Масликова и думаю, что снег великолепно пахнет, что на свете живётся прекрасно. Да, первое марта хороший денек. <...> как мне кажется. А Масликов, вот он передо мной, хмурит брови, но улыбается, вот письмо, которое он держал в руках и думал обо мне в это время.

2 марта

Сильно тает, воздух, полный испарений, слегка кружит голову. Нынче были перевязки. Среди раненых прошёл слух, что девять человек будут переведены из госпиталя. Это очень нервировало многих, особенно По-

лякова, Зарькова и Антонова. Этот слух возник в их среде и тесно связан последними событиями, повторялись наши имена. Очевидно, раненые сильно подавлены и ожидают от нас самых враждебных действий.

— Если нас переведут, — злобно сказал Поляков, когда целая толпа окружила Ольгу Ивановну, расспрашивая о переводе, то <...>

Зарьков спросил меня:

— В последний раз с вами идём?

— Почему? Ах да, завтра комиссия.

— Нет, говорят, нас из этого госпиталя совсем переведут.

— Некоторые раненые не довольны порядками госпиталя, — ответила я, и выражают желание попасть в военный госпиталь. Может быть, вы думаете об этом?

Я знаю, что Зарьков желал этого в минуты критического зуда, но теперь он с молчаливой и растерянной улыбкой посмотрел на меня и отошёл.

4 марта

Тяжёлое чувство, когда без причины становишься равнодушной к человеку, который остался таким же. Недостатки, незаметные прежде, теперь только и вспоминаются с особенным упорством. Чувствую раскаяние за своё поведение. Правда, сразу нельзя разрушить любви, но сильное желание разлюбить приводит наконец к результату, достаточно недолго повторять себе, что не надо любить, чтобы на восьмой день почувствовать равнодушие. Ах, это острое чувство жалости, после <...>. Позорное чувство, вызывающее <...> за сердце. Не знаю, <...> любовь, но он как <...>

6 марта

Вчера не хотелось идти дежурить. Елена пошла одна, но в пятом часу прибыл из госпиталя Коля с запиской, чтобы я немедленно шла, так как госпиталь полон ранеными. Какое радостное чувство испытала я, когда ещё из двери увидела два-три чужих лица в чёрных халатах, когда, проходя мимо третьей палаты я заметила, что все койки там заняты ранеными. Елена и Анна Петровна пили чай, рассказывали, что есть тяжелораненные, что перевязки тянулись до трёх часов, что теперь надо не спать ночью. Прежняя больничная атмосфера распространилась в здании. Серые с оттенком загара лица больных и раненых, стук костылей, белые повязки и страдальческие глаза, всё это так знакомо, так хочется работать ради них. Суматоха при измерении температуры, первые расспросы, как это было радостно в сравнении с тем мёртвым покоем, который был здесь недавно.

Уже запомнила некоторые фамилии: Лебедев, Лебединский, Николаев, Нечаев, Изосимов, Линников, Тришин, Александров, Резов, Лопатнюк, Батов и Артамонов. Почти все с германских границ.

8 марта

Вьюга, ужасный ледяной ветер, несущий по дороге волны снега, перебрасывая сугробы с места на место. Воскресенье, шестая неделя поста, а как далеко до весны. Снега, снега всюду. У заборов сугробы поднимаются почти с рост человека, идёшь, как по белому коридору. Вчера было двадцать два градуса мороза. Утром пошли в госпиталь на перевязки. В десять часов приехал доктор, красный от мороза, приехали и Кокошкины.

10 марта

Ночью была буря. Рвало железные листы от крыш, в десять часов сверкали молнии и гремел гром. Пришла газета. Подтвердилось известие, что Перемышль, крепость в Галиции, пала¹. Наша победа. Ура! Нынче в Твери была манифестация. Солдаты ходят по улицам с криками «Ура». Сдались в плен сто двадцать шесть тысяч, девять генералов, около сотни всякого военного люда. В наши руки перешло много орудий, вся артиллерия, одним словом триумф, да и только.

<...> марта

<...> фотографу и потом проводила на вокзал. Эта обязанность казалась мне позорной и нелепой, но надо было кончить по-хорошему. <...> но как хотелось бы, чтобы вместе с <...> отъездом было бы порвано всякое общение с ними. Я с удивлением спрашиваю себя: <...> отъезд желательным, прямо радостным? <...> Услыхала я утром 14-го числа. Нет, я не хочу писать об этом, легче было бы переносить грусть о разлуке, чем-то холодное отвращение, которое я чувствую сейчас ко всему, что касается Д.², этих сухих, пошлых людей.

Вчера было наше дежурство, ночью привезли одиннадцать человек раненых и поместили в первую палату, все с германского фронта и легко ранены. Какими зверскими и грубыми кажутся лица раненых, когда, занесённые снегом, они входят, озираясь, в освещённый коридор. Только после, взглядевшись, видишь добрые глаза, утомление, складки, и полосы на лице от перенесённых лишений. Утром произошёл небольшой инцидент, который может служить примером наших отношений в госпитале. Играем в карты, поставив градусники. Весело. Гришин и Шабалин нас обыгрывают. В дверях показывается Зарьков и с вызывающим видом говорит:

¹ Имеются в виду события зимней операции в Карпатах. 9–11 февраля 1915 г. австро-германские войска начали наступление в Карпатах. В северной части Карпат, ближе к Кракову, силы противников оказались равными, и фронт во время боёв в феврале и марте практически не сдвинулся, оставшись в предгорьях Карпат с русской стороны. На юге Карпат Русская армия не успела сгруппироваться, и к концу марта русскими войсками была потеряна большая часть Буковины с Черновцами.

9 марта (22 марта) после многомесячной осады пала австрийская крепость Перемышль. Взятие Перемышля стало последним крупным успехом Русской армии в 1915 г.

² Личность не установлена.

– Сёстры, идите бегом! Живо!

Мы спрашиваем: в чём дело?

– Идите бегом в перевязочную! Руку подбинтовать!

Мы не трогаемся с места, Зарьков скрывается.

– Вас требует Анна Петровна в дежурку.

Значит, нажаловался. Доигрываем игру и идём. Там нас встречают с лицами насторожившихся, разозлённых гусей. Шеи вытянуты и молчание. Анна Петровна говорит:

– Перевяжите Зарькова.

– Не будем. Пусть перевяжет Марья Адамовна. Теперь она дежурная.

Шум. Мы одеваемся и уходим.

17 марта

«Алексея человека Божья с гор вода», но никакой воды нет. Утром после перевязок наняли лихача и проехали два раза по Миллионной¹. Солнце горело на недавно выпавшем снеге, свежий ветер дул в лицо. На южной стороне тротуар оттаял, там шлялись дети с няньками и приехавшие на каникулы студенты. Жирная спина лошади лоснилась на солнце, комки снега летели в лицо и на колени.

В дежурке утром царил обычная напряжённая атмосфера, атмосфера раздражённого стада гусей. Сидим с Еленой молча. Поднимается разговор о Корне, которому наложили на рану старый лигнин, и он пожаловался об этом доктору. Разговор о Корне уже поднимается не в первый раз, но пыл и жар прежний... Дело в том, что Корн, жалуюсь доктору на Анну Петровну, ссылался на нас, как на очевидцев:

– Но кто мог простому солдату объяснить о вреде грязного лигнина? – опустив глаза долу и складывая рот сердечком, говорит Настасья Григорьевна.

– Да, находится публика, – возмущённо подхватывает Анна Петровна, которая всё докладывает солдатам. И что перекиси нет, и что грязный лигнин нельзя класть! Какая тут к чёрту корпорация!

Эсфирь Еремеевна, как будто в первый раз слышавшая эту историю, удивлённо спрашивает:

– Но кто бы мог рассказать это солдатам, не понимаю.

Миллионная улица. Реальное училище и собор. 1908 г.

¹ Главная улица Твери (ныне – улица Советская).

3-й класс. Ну совсем рядом. Еремей Поляков.
Стройный и маленький матрос

Мы выходим из дежурки, когда я возвращаюсь туда, Настасья Григорьевна ораторствует:

– Я ничего не говорю с солдатами, у меня нет среди них ни врагов, ни друзей.

– Я тоже, – вторит Рая Кацовская.

Всем с очевидностью ясно, что про лигнин и про перекись рассказали мы, сёстры Ждановы, хотя мы тут совершенно не при чём. А с другой стороны, почему бы и не объяснить солдату вред грязной ваты и бинтов. Не понимаю, при чём тут «корпорация», разве не

наша обязанность следить за чистотой при перевязках? Во всяком случае теперь фельдшерицы избегают «экономить» материал. Что им за дело до экономии? Но как они старались недавно друг перед другом, твердя:

– Скоро совсем не будет материала, подвяжите старой ваты.

И это при всех раненых, в перевязочной, чтобы после, когда <...> раненый забеспокоится насчет старого лигнина, свалить всё на тех сестер, которые «имеют среди солдат друзей и врагов». Как странно и смешно звучало слово «корпорация». Её давно уже нет, или в понятии Анны Петровны, «корпорация» значит – полная свобода действий с её стороны и полное послушание и молчание с другой. С этой истеричной женщиной, ежечасно меняющей свои настроения, мы не будем считаться. С каким-то удовольствием слежу я, как её лицо принимает выражение издыхающего бычка, когда она замышляет какую-нибудь выходку, она быстро ходит, хлопая дверями и раздражается бешеным криком на какую-нибудь безответную сиделку:

– Молчать! Как вы смеее ещё разговаривать! Что вы врёте мне в глаза! Если не хотите служить, можете брать ваш паспорт!

Из палат высовываются любопытные и после её ухода спрашивают:

– На что это она так?

– Зря бесится, – шепчет недовольная сиделка, – со стола не успела вытереть.

Анна Петровна входит в дежурку, видит, что я читаю:

– Анна Александровна, сходите вниз, посмотрите, не потеет ли Некрасов?

Этого совсем не нужно, но она не может иначе. Иду, сообщая ей, что не потеет, и удаляюсь подальше от этого раздражённого вепря. Мы с Еленой органически не выносим общества в дежурке. О чём там разговари-

вают? Сплошную лужу грязи размазывают. Смакуют об интересном положении Марфуши, о второй семье доктора, об отсутствующих сёстрах. И ни одного хорошего слова, всё с усмешкой и даже с театральным где-то подхваченным сарказмом. Все они со своим оскалом зубов, с киванием головы и жирным смехом прямо невыносимы, когда они собираются вместе. К дверям дежурки можно прикрепить надпись: «Здесь выгребают!». Какое счастье со временем попасть в другой круг знакомых! Неужели нам не придется встретиться с такими людьми, которые говорили бы и думали иначе? Да, такая возможность есть. С недавних пор перспективы будущего раздвинулись. К маме на днях приезжал Ельцов, редактор из Сергиевского Посада, и купил издание папиных сочинений за тысячу рублей. Значит, осенью – курсы, столица, иные интересы; как мало <...> я дорожу мнением всех этих мегер и горгулий, они понимают, что <...> мы независимы и не нуждаемся в сорока рублях настолько, чтобы продать свою «амбицию», как это делают «тёти» – Марья Адамовна и Богданова. Лучше действительно голодать, чем отказать себе в удовольствии сказать правду в глаза всем мегерам и делать всё наоборот. Дух противоречия обуял нас, дух весёлый и злой. Как им хотелось, чтобы мы не говорили с солдатами, как они добивались этого! Но разговор с самым грубым и самым глупым солдатом в тысячу раз интересней их жалких сплетен, от него можно узнать кое-что поновее «грязного лигнина» и перевода девяти раненых, и о губе Баранова, которую мы разрубили. Читаю «Преступление и наказание» Достоевского. Такое впечатление, как будто бы я убила эту старуху, которую убил Раскольников. Небольшой жар ещё более усиливает силу впечатления. Но прочту до конца.

Как голубеют за деревьями и домами дали, какой глубокий и чистый синий оттенок. Ведь это вечереет. На сердце спокойно, но голова возбуждена. Ах, эти мегеры!

19 марта

Вчера исповедовались, а нынче причащались в госпитальной церкви¹. Отпустили грехи «по-домашнему», говели многие наши раненые, вся церковь была полна исключительно ими. Все знакомые лица, на клиросе читает Алексей Иванович, служит знакомый священник, вон Ольга Ивановна перед чтением правил зарыдала и усиленно крестится, стоя на коленях. Очевидно, много греха чувствует за спиной или глаза на слабом месте. Священник поздравляет нас с причастием, остальные сёстры, пришедшие на перевязки, тоже.

Вчера пришла условная телеграмма от Татьяны: «Приезжай». Елена хочет ехать в Могилевскую губернию, по давно выработанному плану встретится в Климовичах с Либерманом, а так как в госпитале много рабо-

¹ Церковь во имя св. великомученика Пантелеймона. Находилась в здании училища для слепых на улице 1-й Никольской, где располагался госпиталь.

Пасхальная открытка

ты, то понадобилась телеграмма. Неосновательная поездка, в особенности потому, что имеет в своем основании любовь в общем к человеку, которому нельзя доверять. Мне всё это кажется дичью и нелепостью. Предлог хороший – увидеть сестру Татьяну, но не это тянет Елену уехать. Дико, дико, глупо донельзя. Я бы лично ни за что не поехала туда. Либерман должен был бы сам приехать в Тверь, он

человек свободный и состоятельный, а Е(лена) едет туда. В этом есть что-то оскорбительное. Н-да-с. И к этому приходится привыкать.

20 марта

Вечереет. Снег, как крупные белые бабочки, вьётся за окном. Начинается метель. Не весна, а декабрь. Разница та, что солнца больше и днём с крыш капает, но утром морозы в двенадцать градусов, к вечеру метели и сильный ветер. Глас старожиллов утверждает, что такой Пасхи не запомнят. Снегу горы.

Вчера провожала Елену на вокзал. Она уехала с восьмичасовым поездом. На вокзале отправлялись три эшелона автомобильной роты на Кавказ¹. Офицеры в жёлтых кожаных мундирах суетливо ходили по залу второго класса: фуражки с большими козырьками и поднятые на околыши автомобильные очки придавали им странный вид. Один офицер был с рожком, когда зазвенел первый звонок, он вышел на перрон и затрубил сбор. Мы тоже вышли. Со всех сторон бежали шофера, механики в чёрных кожаных куртках, блестящих при свете фонарей. У многих за поясом были заткнуты большие кинжалы. Все они спешили сесть на поезд. Два пути были заняты платформами товарных вагонов, на которых стояли автомобили, крытые брезентом, похожие на чудовищ. Эти поезда задержали движение, из-за них опоздали пассажирские поезда из Москвы и Петрограда. Елена уехала на поезде, без пересадок идущем на Вязьму.

Нынче я пошла в госпиталь в хорошем и мирном расположении духа, но мегеры опять вывели меня из себя, я была как никогда груба с ними и даже дерзка. Чёрт с ними со всеми! Раиса Михайловна, как только я вошла, накинулась на меня с градусниками в руках:

– Почему вы сдали такие градусники вчера, и ничего не сказали дежурным, один разбит, другой без головки.

¹ Кавказский театр военных действий России и Турции, 1915 г.

– Вчера было совсем не до этого, чтобы сдавать вам градусники, – грубо ответила я.

– Придётся оштрафовать сестёр за битые градусники. Это невозможно!

– Хо, этого еще не доставало.

– Если останется пять градусников...

– Не беспокойтесь, – перебила я, – мы будем ставить, а не вы.

Раиса Михайловна не ожидала таких ответов с моей стороны и возмущенно замолчала, а я стала говорить о похоронах офицера, привезённого ночью с позиций в Тверь. Сурина просила меня дежурить нынче, так как ей «очень, очень надо» дежурить в субботу. В чем же заключалась надобность? Эсфирь Еремеевна нельзя было дежурить в пятницу, она хотела дежурить в субботу и не хотела дежурить с нами. Я не согласилась, и надобность в Эсфири Еремеевне само собой устранилась. Анна Петровна спросила:

– Что же, я могу нынче за вас дежурить.

– О нет, теперь не надо! – поспешно ответила Эсфирь Еремеевна, слыша мой категорический отказ.

– А в перевязочной?

Подаю руку:

– У меня руки стерильные. Хотя я их и ещё буду мыть.

Я не рассердилась. Что мне эти куриные потроха, но меня расстраивает вопрос, почему они так взъелись на нас, чем мы задели их птичьи сердца, где причина такой злобы к нам? Борьбы за существование у нас не может быть, мы не мешаем им зарабатывать и не стоим (??) на их пути к обогащению и мещанскому счастью, у нас различные дороги. В чём же тут дело? Уж не возмущена ли их нравственность нашим поведением? Этого вообще нельзя предположить, так как вообще такого чувства в них не замечается ни в ком. Может быть, в них оскорблено чувство приличия, *bon ton*? О, если бы у них можно было научиться приличиям и хорошему тону. Но у них, увы, нечему учиться... Это серенькие люди, футляры, робеющие даже перед нашим доктором, воплощенной улиткой. А раскрой эти футляры, что там? Уже одно преследование нас может показать, каковы их интересы и внутреннее содержание. Посмотрим, что будет дальше.

*В дыму их папирос витают наши лица,
ненавидные им*

Много прибавилось новых могил,
Снегом засыпанных, свежих, накрытых
С наспех поставленным большим крестом.
Много лежит в них напрасно убитых.
Ветер над ними кружится, как зверь,
Звёзды над ними горят равнодушно.
Как им, наверно, тесно в гробах,
Как под землёй замороженной душно!
Ночью, в двенадцать часов, в темноте,
Кровь на снега проступает, играя,
О, для чего же их бились сердца,
Раннюю смерть от врагов ожидая?
Но не ищу я тех свежих могил,
Рвётся душа к позабытым могилам,
Где только кости лежат под землёй,
Спят там герои. Им было по силам
Знамя на пошлость и зло поднимать,
Всё отдавать, не жалея, народу.
Где вы, товарищи? Где ваш призыв?
Счастливы вы, умерев за свободу!
К этим могилам я в полночь пойду,
Будут стонать, как живые, берёзы,
будут и звёзды над ними дрожать,
как непролитые, жгучие слёзы.
Ухом я к свежему снегу прижмусь,
Буду я звать и с волнением слушать.
Эй, вы, товарищи, как же мне жить,
Как мне давящую пошлость разрушить?
Желаю ли жизни для вас молодой,
Знаете ль вы, что потом наступило
Лучше, быть может. Как людям прожить
И не стремиться за ранней могилой?
«Что ты тревожишь, безумная, нас,
Что наш покой по ночам нарушаешь?
К людям живым за ответом иди
Или молчи, если очень страдаешь.
Только народ наш, как прежде, люби,
Только ему и прощай за измену,
Только ему свою душу отдай,
Силы свои береги нам на смену...»
Смолкло кругом, где-то полночь звонят,
Дайте мне бодрость, терпение, силу.
Да, за народ я пожертвую всем,
Спите спокойно, герои, в могилах!

22 марта

Пасха. Звон колоколов стих уже. Он проникал через двойные рамы, как радостное воспоминание о светлой ночи, которую мне пришлось провести в госпитале, так как я дежурила. Много народу, жаркий восковой воздух, одуванчики зажжённых свечей всюду, игра тени на лицах раненых. Особенное сияние глубоко запавших глаз. Пасхальная ночь. В ней есть какая-то радость, какое-то единение всех со всеми. Перед заутреней я сидела в нижнем коридоре. Батов рассказывал приключение, то и дело ставя три точки и двусмысленно улыбаясь. Молчаливый Вичутинский слушал с улыбкой, но иногда печально задумывался о чём-то. Для нас в дежурке был приготовлен пасхальный стол, стояли кулич, пасха, окорок, яйца ... раненым не пришлось разговестись яйцами. Цены на них бешеные, шестьдесят копеек за десяток считается дешёвой ценой. С Крестного хода приходили с белыми от снега плечами. Была метель. Я легла в половине шестого утра и едва проснулась в половине девятого. Снился странный сон. Поляков имел очки, которые проникали вглубь человеческого глаза, и по зрачку было всё прочитать, что творилось на душе. Он навёл очки на одного раненого.

— Видите, — говорил он, — в зрачке волнуются полосы, человек тоскует...

Кстати, о Полякове. Либерман прислал Степану письмо, в котором пишет, что ему прислано из Твери анонимное письмо, в котором пишется об Елене и о Добкине. Мне Степан показывал конверт письма, так как Либерман просит Степана расследовать дело. Я вижу, что по черк Полякова. Я сгоряча сказала Степану, но не принесу для сличения почерка стихов П... Ну её к чёрту, эту грязную историю. Но Поляков, Поляков, что за сволочь, что за странная скотина! Если б не глубокое равнодушие к его злости, право, можно было составить план мщения, но я морщусь внутренне при мысли об этом. Скотина, не ведающая, что творит, даже думать об этом не хочется. Пусть себе брыкается и машет хвостом.

Синее море шумит, белея полосами идущих к берегу солёных валов. Хлещет прозрачная вода в берег, катая мерно взад-назад хвосты береговых водорослей и мелкие камни. Запах соли и рыбы, воздух, полный воды и свежих брызг. Чьи-то шаги на влажном упругом песке. Там сзади город... Уже зажглись первые огни в сыром весеннем воздухе. Далеко шум толпы, грохот (нрзб) машин, звонки трамваев.

Тут около шумит и прихотливо волнуется синее море, переливаются с журчанием набегающие волны у ног. <...>. И в сумерках встают где-то на горизонте грозные очертания броненосца, он несётся, открыты люки, выются вымпелы при порывах вечернего ветра. У пушки стоит матрос, стёрлась позолота букв на фуражке, мокрая блуза прилегла к плечам, влажен песок на сапогах. Бледное молодое лицо с серьёзной думой в глазах неподвижно. На ресницах повисли светлые солёные брызги волн. Тёмные сияющие глаза, полные грусти, смотрят на

огни города. На высоком лбу <...> едва заметна морщина, монотонно плещется волна у высокого борта и поёт, поёт в этот час наступающей ночи. О чём поёт она? О чём шелестят вымпелы? Несётся броненосец. Бледная рука гладит холодную сталь пушки, на которой висят водоросли морских пучин. Грянет ли над морем огневой выстрел? Нет... Но молчишь ты, каждые сумерки выходя на берег моря и смотря на несущийся к городу броненосец.

Русская свобода родилась на море. Вот что поют волны, о чём шелестят разорванные вымпелы. И каждый вечер матрос из пушки будет смотреть на далёкий город, будет думать о чём-то, как ты... Ты вдали от моря, но в пасхальную ночь ты вспоминаешь и море, и грустный призрак, родившийся из синих волн, вставший со дна роко-чущего моря.

Говорят, что Перемышль куплен нами у австрийцев на английские и французские деньги. Повешен Мясоедов¹, генерал, продавший 10-ю армию за девять миллионов. Арестованы <...> семьдесят офицеров. Замешана жена военного министра Сухомлинова².

Ходят слухи, что Сухомлинов должен будет подать в отставку. Австрия заговорила о сепаратном мире с Россией. Болгарские шайки³ напали на сербских жителей. Я всегда относилась отрицательно к «братушкам»⁴ и всего от них ожидала. Такие <...> народцы могут только паразитировать...

¹ Имеется в виду Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915), жандармский полковник; в 1909 г. назначен в распоряжение военного министра, с 18 марта 1915 г. признан виновным в шпионаже и мародёрстве во время войны и приговорён к повешению. В феврале 1915 г. много шума наделало «дело Мясоедова». Это была одна из крупнейших и самых успешных операций русской военной контрразведки. Он являлся лишь мелким агентом, к тому же до войны уже засветившимся, тогда дело закрыли из-за недоказанности, а потому он использовался даже не как штатный шпион, а сдельно (в частности, ему поручили достать схему позиций 10-го корпуса 10-й армии, за что обещали 30 тыс. рублей). К раскрытию огромной сети, с которой был связан Мясоедов, были привлечены почти все сотрудники русской контрразведки.

² Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), военачальник, генерал от кавалерии (1906); в 1908–1909 гг. – начальник Генштаба, в 1909–1915 гг. – военный министр, в 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене, в 1917 г. приговорён к пожизненному заключению; в 1918 г. освобожден по старости; эмигрировал.

³ Сербия вынуждена была держать значительную часть своих войск на границе с Болгарией, т. к. она не скрывала своих враждебных намерений против Сербии. Болгария нарушала нейтралитет в пользу Германии и Австрии, позволяя провозить через свои границы снаряды и войска для турок. По мысли Германии, Болгария должна была напасть на Сербию, а австро-германцы открыли бы сквозной путь через Сербию, соединив Берлин с Царь-Градом (Константинополь, Стамбул). 14 октября 1915 г. Болгария вступила в войну на стороне центральных держав, объявив войну Сербии.

⁴ Словом «братушки» русские солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов, и которое так и перешло в народ. В этом слове нашло свое выражение сочувствие русского народа к обиженному младшему брату, который за освобождение славянских народов вёл длинный ряд войн с турками.

25 марта

Как хорошо греет солнце. Разгуливают, покачиваясь, грачи на дороге.

Снег начинает блестеть. Население предупреждается на случай наводнения. Предложено выбираться из нижних этажей, так как их может залить вода. Она может хлынуть сразу. Странная весна, но это интересно. Вот видишь ли ты. Гремит походная музыка, над дорогой светлый весенний вечер. Тает снег и мокнут сапоги солдат, идущих к вокзалу. Я иду с ними, рядом с П. Зен¹:

– Долго искал я среди людей товарища по душе и, кажется, нашёл его.

– Кажется, – говорю я.

П. Зен слишком молчалив, чтобы я узнал его, но я чувствую, что он выше меня, что он даёт мне возможность сравнить себя с ним и, сознав все своё ничтожество, возвыситься из той грязи, в которой я недавно пропал. Мне нельзя оставаться с самим собой: что в глазах других людей показалось бы невинным пустяком, то в одиночестве для меня вырастает в ужасающее преступление против всего чистого и великого. Нет, я не хочу и не могу расстаться с В¹. Он не знает, что я жизнь готов за него положить, так как он выводит меня из ужаса недавнего прошлого. И я иду к нему за безмолвным утешением, стремлюсь к нему, сознавая, что есть ещё и для меня возможность искупить пошлые и подлые поступки < ... > самоотречением, жертвенной светлой любовью к своему ближнему, который лучше и человечнее меня. Он никогда не может полюбить меня, такого ничтожного и пустого. Но что мне это? Страдание должно выжечь мусор в моей душе, выжечь

Ледоход

¹ Личности не установлены. Текст представляется плодом фантазии Анны (Ред.)

тем кипучим чистым пламенем любви без мысли о вознаграждении. Он может презирать меня и даже чуждаться моего общества, я буду ещё более любить и уважать его за < ... > это. Молча я перенесу его холодный поверхностный взгляд, я ничего не скажу даже тогда, когда он с насмешкой отвергнет мою услугу, не подаст мне руки. Ведь этим он отвергнет подлость, не подаст руки пошлости. О, судьба! Если б ты создала меня для того чтобы отдать свою жизнь за него. И я иду с ним, следя за его шагами. Мне легко и больно вместе с тем. Так я принуждён платить жизни за свои ошибки, и то, что я люблю так его, зависит не от моей воли, а от воли жизни. Возможно и даже наверно он знает про моё прошлое; я избегаю смотреть на него, но я сам сознаю, насколько я становлюсь лучше в его присутствии. Много, что я без рассуждений сделал бы без него, я стыжусь делать, и не делаю теперь, вспоминая его грустный, умный взгляд, презирающий всякую глупость. Я смущаюсь, как мальчишка, когда мне приходится говорить о нём, я слежу за каждым своим словом. Да, я не хочу и не могу расстаться с ним...

26 марта

Пятница. Вдруг стало дружно таять, дорога быстро почернела, и копыта лошадей звонко шлёпают по навозному льду. Бегут ручьи, и сразу вспоминается свободная река, ялик...

Золотистый закат над рекой. Каждый вечер над зеленой тенью высокого берега стучат весла. Они стучат мерно и терпеливо. Леса покрываются розовато-синей дымкой, оттуда наплывает глубокая вечерняя прохлада. Каждый вечер я жду мерных звуков вёсел, плеска воды, чёрная лодка, покачиваясь и шурша, вдвигается носом в песок, слышен стук сложенных на дно вёсел. Я слежу за небольшой фигурой в высоких сапогах, в каскетке, надвинутой на лоб. Лёгким прыжком он выскакивает на песок и начинает привязывать лодку. Я знаю, что его руки пахнут сосной и варом, что мокрый конец веревки жжёт мозоли на пальцах, а сырой песок пахнет ракушками и оставляет на себе плывущий лёгкий след его сапог. Тихо он начинает взбираться вверх по цветущей траве. Голубеет и сильно пахнет в вечернем воздухе дым папирасы. Он заглушает медовый запах клевера и донника. Кланяются жёлтые метёлки и зелёные стебли у его сапог при каждом шаге. Розовеют складки чёрного пиджака на лучах заката. Я уже могу различить его лицо. <...> На нём отпечаток усталости и той задумчивости, которая бывает после долгой работы. Слегка выются намокшие у висков волосы, загорелая шея открыта. Одно плечо поднято вверх, он слегка хромает, но во всей его фигуре я каждый раз подмечаю хрупкое изящество, <...> странно сплетённое с силой. Он останавливается и поднимает глаза. Блестят тёмные грустные зрачки. Какая глубокая умная дума в этом горячем блеске зрачка, низко надвинутись над глазами брови, но <...> ласковая детская линия подбородка и овала портит суровое впечатление сдвинутых бровей. Золотой загар золотит и тёмные глаза, полные великой печальной думой. Он срыва-

ет безотчётным движением стебель цветка, плечи поднимаются от усталого вздоха, и он опять идёт. Вот и тропинка наверху. Тёплая пыль улеглась. Сразу видно, что уже пала роса, так как его сапоги мокры и пыль пристала к коже, как серая вуаль. Тихо кругом. Он уходит, и тихое плескание волны у его лодки заглушает шум его лёгких шагов...

Солнце сверкает в струях тающего снега, весенний ветерок качает деревья. В госпитале открыты настежь окна, но не холодно, звон колоколов врывается в канцелярию и в коридор вместе со свежим воздухом. Воркуют на карнизе голуби. Весна, весна... Хочется обновления не только внутреннего, но и наружного. Надоели меха, муфта, зимняя шапка. Иду покупать себе весеннюю шляпу, торопить портного относительно весеннего пальто. Хочется сбросить всё старое, надоевшее за зиму. Появились дамы в новых (нрзб), в весеннем, с искусственными цветами у борта пальто. Вот и я вернулась, зажгла лампу, долго рассматривала свою только что купленную шляпу из серого атласа с черным ободком и чёрным еспи¹. Она почти траурная и напоминает о смерти, а между тем фасон самый легкомысленный. Это мне нравится...

Нынче водили толпу солдат в синемаотограф. Их пошло сорок человек, я их всех уже знаю. В третьей палате есть трое: Левин, Решетов, Марченко. Они вечером обращаются ко мне:

– Что же, сестрица, поговорим.

Приходит Батов, и мы заводим разговоры о будущем, о крестьянстве, о вреде войны. Я проповедую, не стесняясь и без всякой осторожности. Вся палата прислушивается, хотя мы говорим тихо. Левин, так называемый «развитой» крестьянин, остальные только начинают «просвещаться», все они запасные и семейные люди, но их лета не мешают им интересоваться левыми идеями. Из шестой палаты меня интересует Бурцев. Он увлекается сказками и хорошо читает вслух, но у него буква «ц» выходит как «с», и я с интересом слежу за его чтением.

– Вот приходит Сарь-девиса, – мягко читает он с большими чувством и выразительно, оглядывая слушающих голубыми глазами.

Четвёртая палата – самая весёлая теперь. Там есть маленький, бритый наголо белый Александров, его называют «шкалик» и «австрийский прожектор» за его голую голову. В этой палате дерутся и устраивают бои туфлями. Особенно воинствуют татарин Яхин с Александровым. Вичутинский, серьёзный и молчаливый, только улыбается, глядя на их проделки и загораясь от летящих снарядов. Особенно страдает сонный и пассивный Гаврилов. Его пришивают к матрацу, когда он спит, вставляют в кулак зажжённую свечу, а потом будят. Тут есть Гришин и Шабалин, всегда докладывающие о «беспорядках» сёстрам. Гришин очень похож на индейца, ему недостаёт перьев и мокасин, Шабалин – купеческий сын. Таких описывал Мельников-Печерский в «лесях и на горах». Шабалин из Вятской губернии, симпатичные Иванов, Вичутинский и Рышков.

¹ Украшение из перьев, которое прикалывается к женской причёске или шляпе.

Солдатские фотографии. Надпись на обороте одной из фотографий

В них есть что-то товарищеское, а в выражении их глаз я часто подмечаю грусть и скрытую, опасную думу. Они мало говорят и даже немного мрачны, особенно Вичутинский и Рышков, но в этом молчании кроется что-то интересное. Их закрытые рты и снисходительные улыбки могут заинтриговать и производить впечатление.

28 марта

Солнечные лучи освещают комнату. «Динь-дилинь». Звонят колокола ближайшей колокольни, пахнет только что испечённым куличом. Я знаю, что на дворе тепло, пахнет оттаявшей землей, что Волга намокла и лужи отражают бледное небо, на Миллионной много народу... Я лежу после дежурства на кровати, думаю, почему Елена не присылает письма, и о вчерашнем дежурстве. Была очень хорошая комиссия, всех отправили на родину, двоих оставили долечиваться. Совсем отставили от военной службы с пенсией Хилевича, Егорова, без пенсии – Шагина и Батова, отпустили на поправку Изосимова, Шатова, Барановского, Артамонова и Крылова. Я с удовольствием следила за пером военного доктора: «Увольняется в отпуск на шесть месяцев», «увольняется вовсе от военной службы». Вечером играли в карты. Я предложила Вичутинскому, думала, что он, при своей серьёзности, откажется, но он согласился с готовностью. Мы с ним остались пятнадцать раз подряд подкидными дураками. Не везло окончательно. Гришин и Шабалин торжествовали, подшучивали и пришли в азарт. Крылов запротестовал против шума, желая спать. Шабалин предложил играть в коридоре.

– Так никто не хочет больше, – сказала я.

Но хотели все. Только мы с Вичутинским собирались остаться шестнадцатый раз, пришла Анна Петровна и попросила публику разойтись по палатам. Был одиннадцатый час. В двенадцать часов я, ничтоже сумняшеся, завалилась спать и только один раз проснулась, сделала обход и опять успокоилась. В палатах все спали. Было два часа ночи. Шёл дождь и садился на стёкла мелкими каплями. Выйдет, не выйдет. Да. Не как сначала. Очень слабый голос, приятный, как шелест. Больная грудь. Но это после, после... Слишком гудит в ушах от радостного колокольного звона. Весна, весна! Мелкий дождь лениво зашевелился в лужах дороги. Серо стало, и слышно, как капли шуршат за окном, послушаю... Всё об одном, об одном...

Буквы свинцовые пляшут, как мухи <...>. Мелкая острая пыль с каждым вздохом проникает в грудь. Как тяжело здесь дышать, наклонившись над рамой станка. Грустный тёмный взгляд. Как хороши глаза человеческие... Есть глаза, которые быстро бегут по буквам, передавая мозгу огненные мысли... Их скрытый блеск под суровым изгибом бровей полон разума <...> Пламя горящее в них, встретаясь с огненными вспышками звёзд, оглядывает тайные пути их вечного движения, это пламя освещает лицо, зажигает миллионы сердец на подвиг, великое пламя разума... Я не могу оторвать своего взгляда от таких глаз. Тонкая рука быстро набирает буквы. Шурша, они укладываются рядами, трутся о стенки, от них поднимается ядовитая, невидимая сетка пылинок. И трава их проникает всюду. Острыми иглами они царапают тонкую ткань лёгких, они царапают сердце и оставляют в мозгу глубокие пути... Не оттого ли так грустны, так серьёзны глубокие тёмные глаза? Всё об этих глазах «шуршат капли». И как мне много надо терпения, как много надо силы и времени, чтобы в сознании явилось твёрдое убеждение, что я могу прямо глядеть в такие глаза, что я могу с достоинством сказать: «Товарищ, руку»... Чтобы идти по путям таких людей, надо быть человеком честным, стойким и уважающим себя... Жаль, что я не могу придать

Страница рукописи

своему голосу безразличного выражения, он невольно звучит таким уважением и лаской, когда я обращаюсь к нему. Я боюсь подкупить этим его сердце, оно не должно биться сильнее для таких, как я... Но я не могу не видеть этих глаз. В них я люблю всё человечество, всё, что создаёт правду и ведёт вперёд, вперёд, к безграничному простору истины.

29 марта

Воскресенье. Что делает весна! С каждым днём и часом прибывает вода в Волге, разлились закраины, с моста удивляешься, как близок стал лёд, намокший, жёлто-синий. Он поднят водой аршина¹ на два. Здесь когда-то пробегали мы на лыжах; как зловеще теперь блестит вода, темнея у снежных нестаявших берегов. Бегут, разрывая стенки в снегу, бурые ручьи и разливаются мутной пеной по закраинам. Голова кружится от сырого пьяного воздуха. Он полон разрушительной силы и действует на человека расслабляюще. В глазах лёгкий туман, в сердце безотчётная грусть, желание чего-то. И не выразить словом, чего желаешь, потому что не знаешь, что надо, чего хочешь. Может быть, ехать быстро, может быть, пить вино, есть шоколад или говорить, смотреть в тёмные полужакрытые глаза? Нет, не то всё ... Ждёшь и чего-то ищешь в смутных далих, слушая, как кричат грачи на старых деревьях, смотришь, как разливается река. И эта неопределённость рождает тревожную лёгкую грусть. Так я одиноко брожу по городу, всматриваясь в незнакомые лица. Я встречаю чужие взгляды, и мне приятно то, что незнакомые красивые глаза вдруг улыбнутся мне сочувственно. Вот навстречу идет серая толпа: пленные австрийцы². Их привезли в Тверь сорок пять человек. Я встретила человек двенадцать. Они были окружены кольцом мальчишек, которые следовали за ними по пятам. Вот они, наши враги; светлые усы на загорелых лицах, серые шинели с пряжкой позади и кепи, надвинутые на глаза. Они шли шумно и громко говорили по-немецки. Один из них сказал по-русски: – Вот из них красивая прошла.

Все стали оглядываться. Если б не это, я бы, пожалуй, присоединилась к магическому кольцу мальчишек. Ещё недавно эти люди за тысячи верст отсюда видели свои родные горы, города и деревни. Теперь они здесь, в Твери, месят нашу грязь, собирая за собой публику. Вот это я понимаю и завидую им. Жить так страшно интересно, хотя, быть может, и тяжело.

¹ Аршин – 71,22 см.

² За годы войны в русском плену побывало почти два миллиона солдат и офицеров, из них основная масса приходилась на солдат австро-венгерской армии. Для их размещения были созданы специальные лагеря в тылу. В Тверской губернии они первоначально размещались не в специальных лагерях при воинских частях, а сразу из эшелонов поступали в распоряжение земств и промышленников. В Тверской губернии было размещено много офицеров, а также немцев, австрийцев и венгров; славян было мало. (Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918. Тверь. 2009. С. 20, 21).

А у нас опять победа, вспоминаю я, русские войска взяли высоту 909 на Карпатах¹. Где-то за Волгой, у казарм², начинается манифестация. По далёкому гулу «а-а-а-а» я предполагаю, какое оглушительное «ура» раздаётся там. Ветер едва доносит пение. А с другой стороны – барабанный бой. Несколько рот выступают из Твери. Качаются за спинами котелки, мерно но беспорядочно идут серые массы за победой и за смертью. Там много впечатлений! Я бы очень хотела, чтобы Елена приехала скорей.

Страница рукописи

1 апреля

Была комиссия. Доктор пришёл рано и стал обходить по палатам, делая осмотр раненых. Он многих записал, кого можно было бы представить на комиссию. Сёстры и фельдшерицы ходили за ним по пятам и носили чернильницу и тетрадь. В одиннадцать часов, когда мы были в первой палате, вбежала сиделка со словами:

– Комиссия пришла.

Доктор пошёл вниз, мы за ним. Военный доктор сказал, что он осматривает только тех, кто годен в строй и что для этого он обойдёт палаты лично. Несмотря на начавшиеся перевязки, я ходила по пятам за комиссией под предлогом того, что у меня чернильница и папки с скорбными листами. Раненые называли такой осмотр «бешеной комиссией», так как члены комиссии носились из палаты в палату, выхватывая выздоровевших. Годных в строй оказалось восемь человек. Гришвин Иосиф, Гаврилов, Лебединский, Курганов, Сурков, Вейхтор, Тюлькин и, кажется, Ахмадулин. Все после этой комиссии приуныли и пали духом. Волна пошла.

Говорят, что Рененкампф³ сидит в крепости...

Приехала Елена нынче ночью. Путешествие было наполнено опасными приключениями. Пришлось переезжать через разлившуюся реку и чуть не потонуть. Татьяне живётся очень плохо. Она хочет приехать к нам на лето.

6 апреля

Опять возник вопрос об отъезде на позиции. Если бы удача! Пошлём прошение в два места, может быть, повезёт. С нами вместе хочет попы-

¹ Имеются в виду события Карпатской операции 23 января – 25 апреля 1915 г.

² Казармы 1-го лейб-драгунского Московского полка в Заволжье (Петербургское шоссе).

³ Рененкампф Павел Карлович (1854–1918), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В начале Первой мировой войны – командующий 1-й армией Северо-Западного фронта. В результате тяжёлого поражения Русской армии и провала Лодзинской операции был отстранён от командования армией. Уволен в отставку 6 октября 1915 г. Расстрелян большевиками в 1918 г.

тать счастья Богданова. Я хотела бросить записывать свои впечатления, но тогда совсем не придётся писать, а я хочу учиться дальше и не забывать приобретённого. Если попаду на позиции, буду там непременно вести записки. Неохотно берусь за перо; что писать, когда на душе такая смута?

Река широкая и мутная наводит на меня лёгкую тревогу, я чувствую весну, и чересчур неожиданные перемены в природе меня выбивают из колеи, волнуют и требуют какого-то важного нового дела. Душа рвётся вперёд и недовольная ничем окружающим. Отдельные образы вдруг всплывают в памяти, и хотя на них не следует останавливаться, они привлекают меня, как вид бурных голубых струй, могущих вызвать головокружение... Не прекрасно ли это? Зелёная лампочка, как осенний лунный свет, отражает на стенах мутные тени. Слабое зелёное освещение мерцает в тихой комнате, падает на мелкие строки книги. Там – великие мысли тесно слились с художественными картинками; отсюда дышит душа философа и художника, ставшего за всех отверженных и обиженных. Золотой пробой для меня была эта книга¹.

Если я не ошибаюсь в тебе, если твои глаза не обманули меня, ты будешь читать такую книгу... И ты читаешь страницу за страницей, когда все уж легли спать. Твоя голова склонилась над этой книгой, ещё суровее сдвинулись брови. Может быть, ты не всё там поймёшь, эта книга не популярна, но то и важно, что она не для всех <...> В ней важен самый смысл, который ты всегда поймёшь. Тебе не хватит эрудиции, образования, но хватит природного светлого ума, чтобы отличить, где правда и свобода. Скоро и ты уедешь, но какой светлый образ останется после тебя на душе...

Бродили в цветных рубашках раненые, которые уезжали на родину с десятичасовым вечерним поездом. У них были встревоженные, счастливые лица. В уборной большое окно раскрыто. Сад в апрельских сумерках тянется к небу, белеют остатки снега и длинные стволы берёз. Весенний ласковый воздух дышит в комнату, зажглись первые звёзды. На лестнице лёг слабый луч молодого месяца. Тихо, тихо. Только внизу, на земле, как будто что-то шевелится и живёт под тенью старых стволов. Ничего не надо, слушаешь и смотришь, не чувствуя себя. Легко на душе, жаль, что надо идти в освещённые шумные палаты от этих заснувших берёз и звёзд.

Ночью играли в карты с Шабалиным и Вичутинским. Было весело. Хотали до слёз. Вичутинский разохался, смотря на нас, и тоже смеялся без удержу. Мы нашли в журнале карикатуру на Вильгельма², где он изображается в виде бешеного кабана. Тот, кому было суждено остаться в

¹ Возможно, речь идет о книге Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые».

² Вильгельм II (1859–1941) – германский император и король Пруссии (1888–1918).

дураках, должен был изображать этого кабана. Оставались Елена с Шабалиным почти всё время. Мы находили, что бешеный кабан имеет громадное сходство с Шабалиным, а Шабалин слабо намекал, что есть сходство и с Еленой. Шабалин стал рассказывать о том, как их обстреливали, когда они ехали, раненые, за отступающим полком. Он сопровождал свой рассказ хохотом, Вичутинский не верил ни одному слову и недоверчиво глядел на Шабалина, а потом стал смеяться.

– Верх комизма, – сказала я Елене, указывая на них.

Мы тоже стали хохотать. Шабалин даже обиделся немного... Разошлись в половине второго...

9 апреля

7 апреля была комиссия. Членами комиссии были Павлов и Чёрно-Шварц¹. Мы думали, что Чёрно-Шварц будет относиться очень пристрасно и строго к нижним чинам, но наши ожидания не оправдались. Ушли семнадцать человек, девять человек отпущены на родину. Из них Антонов, Балабаев, Байбурзин и Влезгов совсем уволены с военной службы. К Антонову комиссия была несправедлива. У него совсем не действует левая рука, но комиссия, считая процесс грануляции неоконченным, поставила не назначать Антонову пенсии в предположении, что авось рука на воле выправится. Хотя пенсии выдаются ничтожные, но они всё же имеют значение для раненых. Самый большой оклад двести шестнадцать рублей выдается совсем неработоспособным калекам. Балабаеву будет выдаваться восемьдесят рублей в год. Он и этому рад. В отпуск назначены Собинский, Амбаков, Данилов, Надаршин и Вовка. Собинский – поляк из Калишской губернии², которая вся разорена войной.

Мы составили подписной лист и с персонала. Раиса Михайловна собрала около двенадцати рублей.

Собинскому придётся жить у знакомого в Смоленске. Доктор предполагает у Собинского лёгочный процесс. В слабосильную команду попали Маслов, Болдырев, Решетов, Поляков, Ахматулин, Лопатнюк, Яхин и Александров. Поляков решил «мстить» даже из слабосильной команды. Мщение будет заключаться в пачках бранных писем в госпиталь.

Австрийцам в городе нет числа. Можно возмутиться тем, что им отведены хорошие светлые помещения, о чистоте которых осведомлялся даже «вице», а между тем призванные недавно ополченцы помещены в грязных полуподвалах. Теперь идут на войну ополченцы 1900-го и 1898 годов.

Недовольство войной начинает мало-помалу проявляться резче. На днях в Москве разнесли лавки Преображенского рынка. Причина – доро-

¹ Павлов Николай Николаевич – врач общей медицинской практики, коллежский советник. Чёрно-Шварц Борис Наумович – ординатор Тверской губернской земской больницы.

² Калишская губерния – губерния Царства Польского и Российской империи.

говизна. Говорят, что помощник градоначальника¹ Модль, раненный камнем, умер от раны. Войска, высланные против толпы, отказались стрелять в народ. Нынче в газетах напечатано о беспорядках на Пресне. Был бой камнями. Двадцать человек задержаны. Двое городских ранены. Пострадала ли толпа, неизвестно. Наверное, не без этого.

Вчера дежурили. Чудный день. Солнце топит последние снега. Утром курились мосты и берега, так как ночь была холодная. Я ходила с ранеными гулять и в синематограф. Возвращались уже вечером. Было немного сыро в воздухе. Раненые всё время вспоминали картины и хохотали. Я разговаривала с Вичутинским и Шабалиным о казарменной жизни и о её строгостях. Когда пришли в госпиталь, было восемь часов.

13 апреля

То дежурство ознаменовалось столкновением с Алексей Ивановичем. Он ещё с утра ходил свирепый, потом в саду отозвал Елену, они сели на лавочку, и Алексей Иванович разнёс нас. Он говорил, что мы не годимся на позиции, что мы по ошибке попали в сёстры, что у нас есть прошлое, окружённое грязными сплетнями. Вечером я и Анна Петровна посадили в корзину Ольгу Ивановну и со смехом понесли её в канцелярию. Алексей Иванович, увидя нас, побледнел, выкинул ногой корзину и сказал, что такие выходки уместны только в дежурке, а не в канцелярии, где он занимается делом. Мы решили не разговаривать с ним... А день-то был какой чудный. Раненые в одних халатах гуляли в саду, мы пели песни с ними, сидя на балконе. В воздухе было тихо, солнце припекало. Летали первые мухи; на припёке пробилась первая яркая трава, тополь надул почки, готовясь зацвести. Под старой гнилой листвой ещё сыро...

Случилось событие. Заговорил контуженный Андрееenko. Он оглох и онемел после разрыва шрапнели, но теперь стал говорить.

*В эту лунную тихую ночь мне так грустно,
Так странно тревожно,
Светят звёзды сквозь ветки берёз.
Счастье здесь, но оно невозможно.
Снег белеет пятном на земле,
Снег последний под северной тенью,
Воздух сыростью дышит в окно,
Сад застыл, очарованный ленью.
Хороша ты, апрельская ночь!
Я стою у окна одиноко,
И мне кажется там, за стеной,
Кто-то близкий тоскует глубоко...*

¹ В составе градоначальства (учреждено в Москве в 1905 г.) – помощник, чиновники особых поручений, секретарь канцелярии, курьеры и др.

Вчера вечером много гуляли. Разбирали своё недавнее прошлое и каялись в своих ошибках. Ничего подобного больше не может быть, как униЗИтельно, как подло было наше поведение... И как ни тяжело будет бороться с глубоким увлечением, зная, что другие страдают, быть может, но теперь уже нет возврата к прежнему, теперь это невозможно. Мерзость поцелуев и пошлость признаний стали очевидны для нас. И не только в ближайшем будущем, но и в дальнейшей моей жизни не будет таких проклятых минут, после которых вся душа переворачивается от презрения к <...> людям и глубокой печали о своей ошибке. Лучше не любить, чем краснеть после за поцелуи и глупые слова, похожие на бред маньяка... Весенние вечера и ночи... Как они не подходят к суровым думам и покаянию... Но это так... Зимняя тень ещё длинна, и надо время, чтобы выйти на свет. <...> . В них я должна была ошибиться и ошиблась. Это было грустно...

15 апреля

Вчера у нас были Анна Петровна и Павел Иванович. Мама играла Шопена. После мы их провожали. Была лунная ночь с ветром. Стальная от мутного лунного света река не вошла ещё в берега. Вдали стоял освещенный пароход, и его огни отражались беспокойными огненными струями в воде.

13-го мы дежурили. Не спали всю ночь, играя в карты с Шабалиным и Вичутинским. Я и Вичутинский изобрели условные знаки и сначала обгрывали Елену с Шабалиным. Но потом стало казаться, что это сон, час бежал за часом, а мы играли. Засинело большое окно коридора, смешивался предутренний свет с электрическим. Выступили берёзы из синего полумрака. Выпал снег и странно белел за окном. Было свежо и откуда-то дуло. Вот прозвонил звонок. Матвей побежал опгипать:

– Алексей Иванович! – прошептали мы.

Наши партнёры быстро скрылись в уборной, а мы раскрыли книгу со сказками. Поля, спавшая на лавочке, вскочила. Лицо у неё было помятое и бледное. Алексей Иванович постоял около, спросил, почему мы двое не спим. Мы с неискренними лицами, едва удерживая улыбки, ответили, что вдвоём веселей. Начиналась заря. Жёлтый холодный отсвет проникал в коридор. Мы пошли вверх вчетвером. Из окон первой палаты были видны крыши в снегу и розовая полоса зари, покрытая синей тучей. Пробило четыре часа. Вичутинский не хотел спать, а мы решили не ложиться, так как всё равно через два часа надо уже вставать. Начали играть опять в карты на площадке около церкви. Стало совсем светло. Нынче я не пошла на перевязки. На улице осенняя грязь, голые деревья шевелятся от холодного ветра, пасмурно. Мне не хочется выходить на улицу.

Наверное, нынче комиссия. Уйдут приблизительно восемнадцать человек. Нам 13-го числа перевели из госпиталя при почте десять человек раненых. Госпиталь при почте закрывается совсем, и раненых распределили по другим госпиталям. Пока остались на почте двадцать человек. Все переведённые ранены легко.

Настасья Григорьевна едет на позиции и распродаёт вещи. Я не могу спокойно смотреть на её озабоченное загоревшее лицо. Скоро она будет там, куда устремлены мои помыслы. Я уже потеряла всякую надежду попасть туда обычным путем, а ехать солдатом меня удерживает одна цель – учиться осенью на курсах. При том же я сильно разочаровалась за последнее время в людях, особенно в раненых. Стало очевидным, что в госпитале они более мягки и стараются быть лучше, и что там, где им не перед кем казаться героями, они способны на какую угодно выходку и жестокость. Особенно грубы они в толпе, когда сознают инстинктом силу массы. Те, кто не хочет быть грубым и циничным, у кого это не в натуре, всё равно должны подчиняться общему тону казарменных ухваток. Теперь у нас очень много раненых с действительной службы. От них так и несёт обстановкой казармы. Среди них ходят по рукам нецензурные анекдоты. Грубый циничный комизм этих анекдотов вызывает не менее грубый хохот. Такая молодежь считает особенным удальством грязные похождения, которыми они хвастаются друг перед другом. Они гордятся названием «солдат» и чуть не дерутся из-за старшинства призыва. Четырнадцатый год призыва презрительно называет новобранцев пятнадцатого года «старыми». Теперь совсем не попадает мирных запасных, с отвращением глядящих на военную службу, со слезами на глазах рассказывающих о жестокостях войны, стремящихся к своим жёнам и детям, к «своей» работе. С огорчением я вижу, как скверное влияние действует на слабые впечатлительные характеры. Каждый насмешливый грубый пошляк собирает около себя кучку, следящую за его поступками и словами и подражающую своему «светилу». Странно, что в грубости и цинизме есть какая-то влекущая сила для нас, русских. Нам всем свойственна эта черта. Она нам заменяет недостаток энергии и скрывает непостижимую мягкость характера. Но быть добрым и застенчивым в среде солдат значит обычно переносить насмешки и издевательства. Особенным шиком считается, не опуская глаз, говорить невозможные вещи, от которых небу жарко становится. В такую среду попасть ужасно, потому что я чувствую, что и во мне самой могут развиться все эти черты, которые я считаю отвратительными. Я могу быть и жестокой, и страшно грубой, поддаваясь впечатлениям минуты, на меня тоже действует толпа и настроение массы. Я ещё не знаю, но мне кажется, что вместе с толпой я могу пойти на какое угодно дело и даже преступление. Преступление, конечно, не против законов, которых я не признаю, а преступление против моих рассудка и совести.

18 апреля

Теперь невозможно сказать:

– Ах, да пускай свет осуждает.

После, когда всё пройдёт, станет прошлым <...> меня. Они уже позабудут об этом, а я вспомню все свои (нрзб) <...> невозможно. И невозможность счастья в такие прохладные весенние вечера сжимает сердце тихой грустью. Когда (нрзб) <...> и загадываю на разные лады, увижу ли я его там, где желаю видеть, загадываю на счастье и встречаю всегда его, и вижу...

Неужели я не замедлю своих шагов, ничего не скажу этим грустным тёмным глазам, которые встретят меня завтра? Между нами нет ничего, даже нет намёков на какое-либо чувство <...> Всем этим людям нечего делать, и давать им возможность развлекаться на наш счет не позволит моя гордость. Я презираю их; но мне становится гадко, когда я вижу, что они светлую, чистую любовь волокут в грязь, что они думают <...> цинично, предполагая в каждом моём взгляде грязные намерения. Как стыдно мне, когда мой взгляд перехватывается ими и истолковывается по-иному. Я бы могла не считаться с ними, но они слишком грязны, чтобы их не замечали. Любить среди них значит не идти по грязи, а плыть в ней. Это противно <...> Но ты не знаешь этого. <...> весеннему <...> полная река, стихшая к вечеру. Она отражает в себе звёзды и бледный закат, и костры. Несётся вдаль, ничего не желая. <...> Даже в те минуты, когда жизнь кажется <...> между тем...

19 апреля

В городе лихорадочная суматоха. Вся Тверь поднята на ноги. 21-го придет Николай II¹, о этом уже извещено в объявлениях, в которых население призывается к порядку. Здания декорируются «национальными чувствами» и зеленью. На Дворянском собрании вывешена материя, расположенная в виде лучей. Нынче устроена пробная репетиция для учащихся. Все школьники и школьницы Твери были расставлены в два ряда по главным улицам. Лента их растянулась от собора² до конца Трёх-святской улицы. Целые полчища городских охраняют порядок, на улицах кишит народ.

У нас в госпитале тоже приготовления. Всех сестёр распределили по палатам. Я выбрала первую; Елена – вторую. Сестра должна будет стоять у дверей палаты и следить строго за чистотой и тишиной. Нынче санитар Степан пойдет за можжевельником в лес для гирлянд и за «национальными чувствами» в лавку материй.

Мы нынче получили жалование: в итоге осталось только тридцать копеек. Увы и ах!

Пасмурный вечер. Деревья густеют, несмотря на холода. Вдруг зазеленели склоны берегов над Волгой. Вода быстро пошла на убыль.

24 апреля

Пятница. К нам приезжал 22-го числа вместо Николая II генерал-майор его свиты князь Багратион-Мухранский³. Мы сидели в госпитале

¹ Визит Николая II был совершён 21 апреля 1915 г. в рамках большого турне по городам Европейской России, организованного с пропагандистской целью.

² Кафедральный Спасо-Преображенский собор в центре Соборной площади в Твери. Уничтожен в 1935 г.

³ Багратион-Мухранский Александр Ираклиевич (1853–1918), князь, генерал-майор свиты императора (с 1906 г.), командир лейб-гвардии Конного полка (с 1904 г.). После отречения императора Николая II вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. 19 октября 1918 г. был расстрелян большевиками в Пятигорске во время массовых казней офицеров-заложников.

Посещение Императором Николаем II Тверского кафедрального собора

два дня, ожидая приезда. Николай II посетил госпиталь губернского земства¹, Дворянское собрание, где был приём deputаций, госпиталь уездного земства – банк и городской госпиталь Красного Креста. Погода была очень плохая, шёл снег. И многие простудились, стоя на улицах в ожидании приезда. Особенно пострадали дети. Утром 21-го на реке утонули четверо унтер-офицеров почётного караула. Семнадцать человек сели в лодку, такая нагрузка повела к тому, что лодка на середине реки пошла ко дну.

Вечером была иллюминация, но стоял такой холод, что мы, вырвавшись из госпиталя, как из осаждённой крепости, принуждены были идти скорей домой. Из всех событий встречи пришлось видеть только, как расходились войска, стоявшие шпалерами по вокзальному шоссе. Князь Багратион приехал к нам в четыре часа 22 апреля. Он был в сопровождении тверского пристава и стражника. Это плотный бритый старик с деревянным немецким лицом и негнувшейся шеей. Он раздал тяжелораненым георгиевские медали с надписью «За храбрость». Получили медали: Зарьков, Корн, Андрионов, Бурмасов, Хачрашвили, Триндус, Иванов, Некрасов, Емельянов, Алексеенко и Резов.

У нас в госпитале боевое настроение. Стычки происходят ежечасно. Против нас ополчились Алексей Иванович, Ольга Ивановна, Эсфирь Еремеевна и К^о. Из-за палат произошло настоящее сражение. Видя, какую пользу может принести распределение палат между сёстрами, доктор решил оставить такой порядок и после отъезда государя. Но какой шум подняла Эсфирь Еремеевна, когда узнала, что верх останется за нами:

– Ждановы забрали себе лучшие палаты с выгодным расположением. Они сами распределили с Анной Петровной палаты между сёстрами и

¹ Развернут в здании Дворянского собрания.

фельдшерицами. Если бы вы, доктор, дали мне четвёртую и пятую палаты, я бы ничего не сказала, но когда кто-нибудь распределяет палаты, я не хочу подчиняться. Я имею равную власть. – Так шумела Эсфирь Е., махая руками на подаче своих праотцов в базарный <...> день. – Я предлагаю метать жребий между фельдшерицами.

Но жребий не мечется, и палаты остаются за нами. Мы не оставили в покое и Ольгу Ивановну с Алексеем Ивановичем. За общим обедом, который был накрыт в ожидании государя для всех, мы подняли вопрос о солдатском столе при докторе. Мы говорили, что солдаты покупают себе колбасу, так как голодают. Надо было видеть, как припала Ольга Ивановна на стуле во время наших обличительных речей. Доктор, может быть, умышленно позабыв о сообщничестве Алексея Ивановича с Ольгой Ивановной, резко высказался против хозяйства Алексея Ивановича. Болото всколыхнулось и закопошилось. А сами раненые? Они хотели показать князю, сколько им даётся мяса в щях, но трусили. На общий протест их тёмный рассудок ещё не способен. Жалуясь на недостаточность порций, Баранов хотел, чтобы досталось сиделкам. Я повернула дело так, чтобы вся палата жаловалась вообще на стол. Но достаточно было Баранову убедиться, что выданная порция зависит не от личных отношений к нему сиделок и что за это достанется не им, а совсем другим лицам, он сразу отдал миску со щами. Как я презираю таких бессознательных бунтовщиков! Они грубы, у них масса самолюбия, но нет чувства собственного достоинства. Они могут шуметь только перед слабейшими и сразу поднимают хвост при виде мундира. Я сказала им:

– Где уж вам? Только теперь языками болтаете, посмотрю я, как вы онемеее при входе князя!

Они отвечали:

– А вот увидите! Непременно скажем!

Но по их глазам можно было видеть, насколько они далеки от дела. Такие люди способны только на то, чтобы закурить папиросу в палате при сестре, зная, что сестра не пойдёт на них жаловаться. Они будут сидеть с вызывающим видом и пускать дым. Если на них в это время обращать внимание и убеждать их, они этому-то и рады, только этого и ждут, чтобы завести волюнку относительно беспорядков в госпитале. Нынче сильно рассердилась на Вичутинского. Баранов, Когин и Корн давно относятся <...> враждебно ко всему персоналу, считая себя чем-то обиженными, и ведут себя вызывающе. На их выходки мы привыкли не обращать внимания. Есть большая разница даже и между солдатами. От иных не так пахнет казармой и распущенностью людей, попавших в <...> условия, где на них не смотрят, как на вышколенных животных, и дают им свободу. Но нынче утром Вичутинский, по примеру Баранова и К^о, лёжа на кровати, закурил папиросу. Если он думает, что позволив себе играть с ним в карты, мы позволим ему не выполнять никаких правил госпиталя, то он ошибается.

*На об.: Взято в записную
книжку добровольца действ.
армии Александра Ж.
Вичутинский Дмитрий.
206-й Сальянский полк*

25 апреля

Как хорошо утром в госпитальном саду! Дорожки расчищены. Свет и тени от густых ветвей лежат и шевелятся на земле. Надуваются почки. Если отломить край веточки, набегаёт большая капля светлого сока. Далеко в голубом светлом небе лениво бегут облака. Пахнет землёй. Едва зеленеет трава множеством коротеньких усиков. Весна запоздала, деревья ещё голы, но как тепло в воздухе. Птицы щебечут над головой, весело свистят где-то. Ползёт между деревьями голубой дым папиросы. Кучки раненых в чёрных халатах сидят на лавочках и курят. Мы с Еленой одни, нам ни с кем не хочется говорить, тёплое солнце располагает к лени, мы молчим, сидя на обросшей мхом лавке и смотрим на ясное небо сквозь ветки. Я думаю о многом, но вдруг передо мной выясняются знакомые черты с досадной навязчивостью.

Высокий лоб с продольной суровой морщиной, тёмные блестящие глаза под тонкими шелковистыми ресницами. Как далёк он теперь от того, что создала недавно капризная мечта. Она унеслась, как уносится облако, меняя форму. Зачем бесполезно жалеть об этом, об том, чего не было и не будет. Другое было бы дело, если б он стал матросом или рабочим на заводе; как хорошо было бы встречаться, не зная о том, что встретишься. Ничьи уши не слыхали бы того, что мы говорим друг другу, никто бы не считал, сколько времени мы вместе, никто бы не сделал замечания, что вдвоём быть неудобно. Такие встречи были бы счастьем, разговор – не мукой, а отдыхом. И это опять несбыточная мечта, невозможная грёза, далекая от действительности, как сон... Ну, прекрасно, посмотрим, что будет дальше...

*Ты говорил <...>,
Что жизнь твоя разбита,
Что нет вдали ни счастья, ни любви,
Что все надежды, радость и веселье
Навек потоплены в крови.*

*Там на полях далёких, разорённых
Ты потерял здоровье навсегда,
Вернулся ты с надломленной душой,
В ней всё сгорело без следа.*

*Не знаешь ты, что за твоё страдание
Тебя люблю всем сердцем, всей душой,
Ты здесь найдёшь отраду и надежду,
Иди ко мне, израненный герой.*

*Любовь сильна. Она излечит раны
и смерти взгляд заставит позабыть...
Вновь расцветут под солнцем ярким розы <...>
С безмолвной, страстной жаждой жить!*

*Когда пройдёт весенний дождь,
И свесив бусы на берёзах,
Зашепчет робко по траве,
Слетая вниз в апрельских грёзах,
Тогда окно ты отвори и в сад смотри,
Смотри украдкой.*

*«И что увидишь, не зови ты неразгаданной загадкой».
След каблука в сыром песке уходит в сумраке душистом,
Туда, где <...> древних лип
Стволы чернеют влажно в дымке малистой...*

*Вода на лавочках блестит. <...>
Закат желтеет в тёмной луже.
Весна пришла <...>
Как далеко зима с суровой белой стужей.*

*Не осуждай за разговор, за робкий взгляд, за ласку взгляда.
Ведь им двоим недолго быть, для счастья им так мало надо.
Пускай же сад их осенит своей душистой свежей тенью,
Ты не мешай им говорить, не брось в глаза им осуждение...*

27 апреля

Вчера была мобилизация лошадей. В тёплом воздухе слышалось ржанье, ехали телеги друг за другом, стучало по мостовой железо копыт, поднимая пыль. На площади у моста¹ поставили стол, крытый зимним сукном. Там сидела комиссия. Лошадей поводили одну за другой и меряли рост. Большие ломовые лошади бесились и кусались, поднимаясь на дыбы. Их тяжеловесная игривость вызывала окрики кучеров. Одна баба, узнав, что её лошадь взята, заплакала в голос. Ей отдали лошадь, она крестилась и целовала лошадь в морду, ведя её с осмотра.

¹ Площадь у моста – торговая Знаменская (или Красная) площадь. Не сохранилась в современной застройке города.

Нынче газетные известия не из важных. Немцы взяли Либаву¹, на картах наша дивизия попала в затруднительное положение. Нынче ночью в Тверь привезли раненых. Нам не положили, у нас только шестнадцать мест, скоро будет комиссия, может быть, нынче, тогда освободится полгоспиталя.

Вчера был такой тёплый ласковый день, что лопнули почки, и деревья робко зазеленели всюду. Это особенно заметно со второго этажа. То там, то здесь рябит нежная зелень ив и черёмухи. Появились синие большие колокольчики без запаха. Так хорошо смотреть на них. Первые цветы – в них есть какая-то особенная прелесть. Настроение самое весеннее. После дождя такой чудный свежий запах цветущей берёзы и тополей.

<...> с ними и Анна Петровна. Сделала мне замечание довольно резкое. После обеда мы много бегали в саду с ранеными. Брали в плен «австрийцев». Минников (нрзб) с криками «ура», предводительствовал нами. Храбрые «сальянцы» бежали, «владимирцы» были взяты без боя. Смех стоял под высокими деревьями, с которых шлёпал на дорожки сок. Ночью мы ожидали побега раненых. В дежурство Раисы Михайловны раненые выбрались из окна на улицу и вернулись в три часа. В коридор вышел Вичугинский, говоря, что его «чёрт с кровати толкнул». Мы долго с ним разговаривали, он говорил о походной жизни и о своей родине:

– У нас теперь цветут в саду сирень и персики <...> у самых окон, наконец, уже распустились розовые кусты.

Неужели его не отпускают на родину? Он так любит её и понимает красоту. В порт к ним заходят иностранные пароходы, ему больше нравятся итальянцы и англичане.

За окном голубело, когда мы пошли спать. Утро было свежее, туманное. У церкви за садом ещё горели огни, хотя крест уже поблескивал от зари. Просыпались птицы. Скоро, может быть, нынче совершится то, что необходимо должно быть. И новая разлука тяжела мне.

30 апреля

Вознесенье. Чудесный день. Мы после дежурства не спали. Пошли в кинематограф на «Пару гнедых». Очень понравилось. Героиня была замечательно хороша и красиво играла. Вечером сидели на набережной. Дым застилал зеленеющий берег, запах тополей курился в тёплом воздухе. Зашли в госпиталь Дворянского собрания. Там для раненых организованы кустарные работы. В палатах грязновато, пахнет кожей и душно. Сестра Васильева показала нам госпиталь. Мы хотим вместе поехать на позиции. Доктор Гальперн² может дать адрес? И тогда до свидания.

¹ Либава – город, порт в Курляндской губернии. В то время, когда германо-австрийские армии наступали в Галиции, на восточно-прусском фронте германские войска предприняли военные действия на Риги-Щавельском направлении. 7 мая 1915 г., при содействии флота, они заняли Либаву. Но дальнейшее распространение наступления противника было приостановлено.

² Гальперн Яков Иосифович – доктор медицинских наук, старший врач Губернской земской больницы.

Вчера шёл дождь. Мы дежурили. Сад зазеленел от дождя. Какой воздух был вечером над сырыми дорожками! Звонили в церквах... Нынче пролетели на север журавли.

3 мая

1 мая была комиссия. Из госпиталя ушли тридцать один человек. Многие попали в запасной батальон. Ушли на родину: Черешков, Лебедев Иван, Бурмасов, Щелков, Брик, Иванов, Бурцев, Емельянов и Гатаулин. В запасной батальон и слабую команду попали все остальные: Баранов (в строй), Когин (в строй), Черепахин, Рышков, Тыщенко (в строй), Лукаш (в строй), Савчук (в строй), Марченко (в строй), Карпов (в строй), Рамуз, Егоров, Клестов, Сеница, Тавтин (в строй), Шабалин, Сульетов (в строй), Акулин (в строй), Дудник (в строй), Лобеденко (в строй), Галкин (в строй), Блюта, Орехов (в строй) <...>

Набережная Волги

7 мая

Над Волгой горит заря. Манят дали. Хочется туда, откуда идёт ночь. В светло-голубом сумраке зажигаются огни на мачтах и манят к себе. Перила моста пересекают вечернее небо. А с другой стороны – заря. Отражаются в розовой глади трубы фабрик и кружево ив, у каменных быков струится серебряное отражение молодого месяца. Хочу в поле, идти по свежей короткой траве берега, смотреть на огни, на туманную круглую даль. Но это невозможно. Надоедливо крутятся мысли около впечатлений дня. Алексей Иванович, уезжающий в Белосток¹, изменил распределение дежурств. Будем дежурить по одной, пока не привезут новых раненых. Недовольство фельдшерлиц по поводу этого. Выздоровливающий А..Тиморгин, комический ужас перед заразой и <...> ручьями <...>

9 Февраля, 1915.

Дорогая Нюра.

Я вчера вечером получил твоё письмо и если бы ты знала, как оно дало мне облегчение и радость, я не находил себе места от радости, перечитывал его каждую минуту. Ты пишешь, что я долго тебе не писал, я не знаю, почему ты так долго не получаешь моих писем, я тебе пишу уже четвертое письмо и даже потерял надежду получить от

¹ Белосток – уездный город Гродненской губернии на реке Супрасль.

тебя какую-нибудь весточку, в голове копошилась масса разных предположений, и я не могу дать себе отчета, от чего это зависит.

Я пока, слава Богу, жив и здоров, что будет дальше, не знаю. Наш полк до сих пор ещё был в бою, хотя мы теперь находимся всего верстах в пяти от позиций и я тебе пишу под грохот пушек и треск ружей.

Ты хочешь знать, как мы тут живём: я тебе с удовольствием опишу, хотя в кратких словах, с того момента, как я выехал из Петрограда.

Выехав из Петрограда, я через пять дней был уже в полку. Полк в это время стоял на отдыхе в Род-й губернии, в двадцати восьми верстах от губернского города. Здесь нам жилось недурно, стояли около трёх недель, ходили на занятия, на охоту, вообще как и в мирное время. Недели (через) три мы вышли из этого места и, отправившись в поход, шли пешком два дня, ехали по ж.д. и дня три тому назад мы за два дня прошли девяносто шесть вёрст, ты себе не можешь представить, как мы все устали. Во время похода жизнь уже такая, день идёшь, идёшь, вечером пришел до ночлега, кое-как поужинаешь и бросаешься спать, в полном смысле бросаешься и ложишься, во всём, то есть в одежде. Я уже две недели не раздевался. В настоящее время мы находимся в резерве и час от часу ждём, что нас выдвинут на переднюю линию.

Благодаря Богу, здесь ещё не холодно, и стоит настоящая весна, на полях кое-где виднеется снег, хотя идут дожди, и стоит непролазная грязь.

Нюрочка, я просил (у) тебя твою карточку, и ещё пиши мне побольше, поподробнее. Пока писать больше нечего.

Я ни на минуту не забываю тебя и все думаю о том, как устроить свою жизнь в будущем, может, это только мечты, пусть только мечты. Привет Лёле, опиши мне, что ты делаешь, как у Вас в лазарете. Пока до свидания, не забывай меня, моя радость, помни, что я живу только для тебя.

Твой Михаил.

Дорогая Нюра.

Я вчера получил твоё письмо, которое ты писала 24 февраля¹, и сколько оно принесло мне радости и волнения, какие только мысли оно не пробудило во мне, и радости, и печали.

Любимая моя, вот скоро будет Пасха, люди будут радоваться, встречать праздник, а мы с тобой друг от друга на тысячи вёрст; но на всё воля Божья, может быть, всё это к лучшему, придёт время, когда и мы с тобою будем радоваться.

С 14 февраля по 28 февраля мы были на позиции. 19-го ночью ходили в атаку, в штыки на немцев, хочешь я тебе опишу: в десять часов вечера мы узнали, что нам дано задание атаковать немцев и выбить из

¹ Получено 21 марта 1915 г.

занимаемых ими окопов. Ночь была тёмная, хоть глаз выколи. Ветер пронизывал до костей. Шли мы мелкими цепями, потом сомкнулись в колонны и не доходя шагов сто до немецких окопов, закричали «ура» и бросились в штыки. Немцы не ожидали такой <...> побросали всё, даже каски, и убежали из окопов.

Во время этой атаки наш полк взял семь пулеметов и получил благодарность от Государя, была получена телеграмма следующего содержания: «От лица всей России и Меня приношу Мою сердечную благодарность славному П.Г. <...> полку (ты знаешь) за их молодецкую атаку».

Я уже лично получил производство в ефрейторы и представлен к Георгиевскому кресту.

Восемь дней и девять ночей пробыли мы в окопах, сколько перенесли горестей и холоду, как назло ударил такой холод, какого мы ещё не испытывали, я отморозил пальцы на ногах, теперь ничего, прошло. После этого шесть дней отдыхали, я тебе писал письмо, потом опять четыре дня были на позиции, сейчас же отдыхаем. Вероятно, завтра вечером пойдём опять в окопы.

Я получил из дому письмо, в котором пишут, что ты им писала. Я не знаю, почему вы все так беспокоитесь, я довольно часто пишу Вам всем, если, не дай Бог, что-нибудь случится, то всем немедленно сообщат обо мне.

Нюра, я вероятно тебе надоел, но всё-таки опять напоминаю тебе, что я просил карточку, хоть малюсенькую из электрофотографии.

Передай привет Леле. Да, ведь скоро Пасха и моё письмо, вероятно, попадёт только к празднику.

Христос Воскресе, моя дорогая, будь счастливой, не забывай меня. «Христос Воскресе, милая Леля», поздравляю Вас с праздником и шлю Вам свой привет из далёких позиций.

Пока, до свидания, Нюра, пиши почаще письма, это отрада для нас, солдат.

До свидания, милая, не забывай меня. Твой Михаил.

8 мая

Ослепительно зелены тополя в лучах вечернего солнца, синее безоблачное небо, наполненное звоном. Завтра Троицын день, я дежурю.

11 мая

Духов день. «Всему конец». Картину вспоминаю, как всадник с отчаянием лежит около раненой лошади. Седло слетело, лошадь стоит передними ногами, грива развеивается по ветру. Всадник сжимает кулаки. «Всему конец»... К чему пояснения? Странное совпадение: почему, когда я слышу ариозо «Паяцев», всегда на душе то же? Такой конец, в сущности, самый естественный. Потому не надо никого любить. Довольно. Мои требования к любви слишком велики, и я не могу видеть в ней только то,

что видят все эти... И я знаю, что меня всегда постигнет разочарование, потому что им всегда нужна подкладка, грубая сущность любви, к которой я чувствую глубокое отвращение. Как мучительно сознавать, что ты любишь, что любишь и между тем ненавидишь всякое проявление страсти; что ты должна порвать, что ты не можешь любить уже, потому что он любит не так, как я хочу и как я люблю. Это хуже безответной любви, и такая разбитая любовь в тысячу раз мучительней. Разлюбить человека за его любовь... И кто виноват, что и я, и он не может любить иначе... Прощай, прощай, прощай...

12 мая

Сижу дома второй день и принимаю салицилку. Грустно. Вчера ходили по Петроградскому шоссе к С.А.¹ Думала, что развеселюсь, но стало ещё тяжелее от встречи с этим нудным мрачным человеком. Поругались, как всегда. Он нас назвал «восторженными пробками» и «детьми», а мы его «чиновником» и «троглодитом».

Завтра будет комиссия. Меня ничего не интересует, всё стало безразличным. Мне нужна перемена, такая жизнь надоела.

13 мая

Шелестят молодые листья. Цветут черёмуха и вишня, бегут по ветру белые облака. Нынче была комиссия. У нас осматривали двенадцать человек и кроме того из других госпиталей привели к нам на осмотр человек тридцать. У нас Нечаев, Горячев и Задов попали в строй, Шабалин, Минников, Шашков и Хомченко отпущены на родину; Вичутинский, Носов, Корякин и Толошумов – в слабосильную команду, Гречко оставлен долечиваться. Он явился на комиссию с таким распухшим глазом, что на него и смотреть не стали. В госпитале идет какая-то неразбериха. Доктор, после отъезда Алексея Ивановича, бесится и свирепствует, Анна Петровна злится на нас, Раиса Михайловна на всех, ад кромешный, да и только. Нынче привезли пятнадцать человек раненых. Мельком видели их. Один совершенно седой. Вышел скандал из-за того, что пять человек положили к рожиному больному Тиморзину, шипения было немало, беснования – тоже. Атмосфера сгущенная. Недавно приезжал Менделеев² в госпиталь, разругал порядки, доктор думает, что этот приезд вызван доносом, злится на Марью Адамовну за то, что она разносит сплетни по городу. Чертовщина, да и только. Так и кажется, что почва колыхнется под ногами, как над трясиной.

Италия объявила Австрии войну³.

¹ Неустановленная личность.

² Председатель губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, губернский предводитель дворянства тайный советник Павел Павлович Менделеев. Товарищ председателя комитета – В.Ф. Гаслер, председатель губернской земской управы.

³ В мае 1915 г. у австро-германцев появился новый серьезный враг, их бывший союзник Италия.

Мне снился сон, так близкий к яви, я могла бы всё это выполнить в действительности, если бы было произнесено то слово, которое сказала Мор в моём сне. Это было солнечное утро после дождя. Белели в траве лепестки сбитых цветов вишни. Мы пошли в старую избу, в дверях нам сказали:

– Пойдёмте в сад...

Мы вышли и сели на лавочку. Сзади нас зеленели кусты жимолости, впереди высились берёзы. Я сказала:

– Ну вот, наконец, я уезжаю...

И теперь я скажу, что <...>

– Если б вы это сказали раньше, всё было бы иначе, я бы сделала для вас многое, ответила я, опустив голову.

– И то, что я уезжаю навсегда, и то, что я была ко всему так безразлична, пробудили в моей душе странную безрассудную печаль <...> – Сказала я тихо <...> .

Моя рука коснулась <...>. И я, и все заплакали, прощаясь последним и первым прощанием. Было так грустно...

15 мая

Прошла гроза. Ещё не стих влажный ветер, полный запаха листьев. Тучи поднялись, но солнца ещё нет. Вспоминаю наше дежурство с Раисой Михайловной. Мы примирились и с ворчанием и посвистом молодецким делали под сурдинку всё, что хотели. Раненых, назначенных комиссией к уходу, оставили дня на три в госпитале по случаю царского дня. Ночью мы сидели с Вичутинским и Шабалиным в коридоре, было весело. Решили кататься на лодке и в воскресенье устроить игру в подкидного дурака. Утром к нам позвонили со станции, что к нам везут раненых.

Раиса Михайловна так удачно сообщила об этом доктору по телефону, что он убедительно просил её больше с ним по телефону не разговаривать. Полчаса прошло в бешеном метании. Степан из кожи лез, скача из дверей на улицу и обратно, чтобы сообщить нам, что аваевские сёстры¹ уже уехали на вокзал, а мы ещё сидим... Наконец выяснилось, что я пойду на вокзал со Степаном и Федором Сысоевичем и возьму сорок шесть раненых. Мы вышли с озабоченными лицами и блуждая глазами. Извозчиков не было, нам пришлось ждать трамвая. На Трёхсвятской нас ждал другой трамвай, присланный за нами со станции. С нами поехали сёстры из банка².

¹ Речь идёт о медицинском персонале лазарета на 120 коек при городской Аваевской больнице на улице 1-й Никольской (сегодня – улица Софьи Перовской). Лазарет организован при содействии Тверского городского комитета по оказанию помощи семьям, призванным на военную службу. Открыт 20 августа 1914 г. Больница построена на пожертвованные деньги купца Василия Петровича Аваева в 1870-е гг. Была передана в дар городу, медицинская помощь была бесплатной. Во время Первой мировой войны, когда в Твери сосредоточилось большое число беженцев, председатель Товарищества Тверской мануфактуры И.А. Морозов расширил и переоборудовал больничную амбулаторию.

² Медицинский персонал госпиталя уездного земства, размещённый в новом здании банка на Судебной площади.

Станция Тверь

Поезд уже стоял у перрона. Из вагонов смотрели бледные заспанные лица раненых. Мы пошли в третий класс. Там, выпятив живот, стояли архиерей, Менделеев, генерал из эвакуационного пункта и К°. Стали выводить раненые и больные. Полковник отсчитывал их по записной книге, они становились в пары и шли с санитарями и сёстрами к трамваю. На станцию было подано двенадцать трамваев. Очень много раненых повезли в банк. Нам остались одни больные. Генерал

сказал мне, чтобы мы поскорее выпи-сывали этих больных, так как места в госпитале будут очень нужны вследствие большого наплыва раненых с места боя. Около нашего госпиталя стояла уже большая толпа встречающих, белели халаты сиделок, выбежали Елена, Сурина и Кацовская. Все лица вытянулись, когда узнали, что привезены одни больные. Доктор особенно приуныл, но узнав от меня, что больных просят не задерживать в госпитале, повеселел и сказал:

– В таком случае мы им и лекарств не будем прописывать.

– Как же так? – ядовито перебила Анна Петровна, – могут оказаться серьёзные больные.

– Ну да, ну да, – поспешил ответить доктор, – это само собой подразумевается!

Катя и Марфуша были заняты не столько переодеванием солдат, сколько их сортировкой:

– Мы, барышня, наверх молодых отбираем, – конфиденциально сообщила мне Катя со смехом <...>

Я позаботилась о своей первой палате, которая пустовала за последнее время. Там лежат самые «экстравагантные». Вчера вечером в госпиталь зашёл Андрей с Н. Патрикеевым. У нас новый канцелярист Беллюстин¹, товарищ Андрея. Мы сидели в канцелярии с девяти часов до половины двенадцатого и так кричали, споря о значении личной жизни и личности, что Раиса Михайловна, визжа, как сова, выскочила в коридор, и Андрею с Патрикеевым пришлось удалиться. Патрикеев сказал, что берёт свой эпитет «беспочвенные», приложенный к нам, обратно, и что он в восторге от наших взглядов. Эти взгляды, хотя и разнятся с взглядом Ф²., но они не менее честны и свободны. Патрикеев хочет написать нам письмо. Мы считаем их идеалистами, но признаем их людьми, идущими к свету и правде на всех парусах. <...>. Вспоминается серый вечер над садом,

¹ Дмитрий Беллюстин – друг Андрея Жданова, учащийся реального училища, входивший в социал-демократический кружок учащейся молодежи.

² Возможно. член кружка.

берёзы и за их стволами багряно-розовая заря на полнеба. Долго-долго ещё горели смутные алые лучи на верхушках деревьев, хотя внизу был уже сумрак, полный шелеста листьев. Над нами раскинулась старая липа и шумела от ветра дремотными порывами. Было свежо, и мы разговаривали об отношениях к себе, об истине и свободе. Мы сидели молча, слушая, как шумит сад. Было так хорошо, так спокойно на душе.

26 мая

С 19 мая события довольно значительные для нас. Мы бросили лазарет после выговора, который нам сделал в присутствии всего «медицинского персонала» доктор. Наше поведение доктор нашел вызывающим и предосудительным. Ему было донесено, что Вичутинский в последнее наше дежурство был ночью в саду, и доктор потребовал от нас объяснений. Мы сочли себя оскорблёнными до глубины души таким обвинением и подали заявление об отставке. Мы ушли с судилища, не желая даже дослушивать речи новой экономки. Эта речь касалась флирта и разорванных халатов. «Объяснение» продолжалось не больше десяти минут. Я сказала, что считаю для себя унижительным давать объяснение по поводу Вичутинского, и при наличии такого оскорбления, брошенного публично, мы больше служить не можем. Ушли бы и ушли, но этим дело не кончилось. Гаслер, председатель комитета, вызвал нас для объяснений, теперь он будет «выслушивать» доктора и К^о, пущена в ход мама, заварилась каша. Доктор в бешенстве, он не ожидал нашего ухода. Во всем виновата Анна Петровна, систематически доносившая доктору о нас и доведшая его до белого каления. Я <...> помню, как бегали её глаза, какое торжество было на лице Суриной, как притихли другие сёстры. Возмутительная грубая картина! Но им, этим куриным потрохам, не удалось поставить нас на «задние лапки», по выражению Анны Петровны. Они вообразили, что восемьдесят рублей дороже для нас, чем свобода, что мы рабы и предатели. Но здесь и мы первый раз узнали, что мы родились не рабами, не предателями, может быть, к нашему несчастью. Сначала было очень тяжело, грязная сплетня, казалось, задушит наше доброе имя, и мы уже не оправдаемся перед теми, кого мы любим. Но Андрей и мама встали на нашу сторону, не бросив нам ни упрека, ни осуждения. Эта поддержка рассеяла мою мрачную бешеную злобу, ведущую к кровавой развязке с судьями, которые не имели ни нравственного, ни законного права нас судить.

Будущее туманно, но заманчиво. Мы собираемся на позиции. (нрзб) хочет нам достать солдатскую форму, начиная с фуражки и кончая походной палаткой.

Мы встречаемся на лавочке за Отроч монастырём¹. Никто не следит злобным взглядом за нами, никто не считает часов нашего разговора,

¹ Старинный монастырь, расположенный на левом берегу Волги, в Заволжье, на стрелке в устье р.Тверца. Возник в 1260–1270 гг. Монастырский комплекс разрушен в 1930 гг. во время строительства речного вокзала.

Успенский Отроч монастырь. 1910-е гг.

никто не смеет осудить нас, если мы засмеёмся. Тверца расстилается перед нами, звонят в монастыре за белой старинной оградой, по Волге доносятся звуки оркестра... И новая неизведанная жизнь открывается передо мной. Я вижу, что и он пойдёт за мной, я хочу этого. Когда он узнал о нашем решении, он сказал, что идёт в строй. Вчера был дождь, мы ушли за город, шелестели капли по траве, в вечернем туманном сумраке зажглись алые и белые бакены. Мы шли, взявшись за руки, по влажной дороге. И в этот ненастный сырой вечер я поняла, как дорог мне человек, идущий рядом. И то, что он согласен идти со мной на смерть, наполняло мою душу глубокой всеобъемлющей любовью к нему. Мне казалось, что мы не расстанемся никогда. Мне снился сон, мы шли по полю к розовому закату, он говорил, что наша жизнь будет хороша. Нам не надо объяснений, и я не хочу объяснения. Он на деле показывает мне, что полюбил меня. Тут лишни слова. Как благодарна я судьбе, что в тяжёлую минуту моей жизни она дала мне такую любовь. С ней хорошо умереть, чтобы не знать больше об обманах и грязи жизни.

Вечереет. Дождь рисует на стекле узоры длинными светлыми искрами. Чашечки ландышей никнут к бумаге. Тонкое благоуханье их, как песня без слов, говорит о тенистом тумане лесов, о вечерах под стволами старых алеющих сосен, о майских розовых зорях. Может быть, они последнюю весну цветут для меня, последний раз напоминают мне о таинственном шуме лесов... Никогда не пройду я под густыми лапами задумчивых елей, никогда не остановлюсь над волжским обрывом, чтобы вздохнуть свободно при виде голубой бесконечной реки. Уйдут и спокойствие и беспечная лень. Карта западной границы передо мной. Тёмной тучей надвинулись враги, перелились, как чернила на русские земли. И там, где теперь протянулась их линия, пылают огни выстрелов... Наконец-то мы идём туда... Та работа, которая так удовлетворяла месяца два тому назад, не кажется нужной и полезной. Окружающие привыкли относиться к делу спустя рукава; перед нами была сплошная стена равнодушия и даже

враждебности к больным. Мы видели, как из личного чувства антипатии к раненому его назначали к выписке раньше выздоровления, ни слова не говорили комиссионным врачам о больной груди, о плохом зрении; как из страха перед местью оставляли здоровых в госпитале и они целыми неделями занимали койки, смеясь над порядками госпиталя. За последнее время все наши заявления о состоянии здоровья раненого встречались словами:

– Не обращайтесь на него внимания: симулирует.

Так Тиморзин в течение четырёх дней «симулировал», пока вся его рука не оказалась поражённой рожей.

При таких условиях наша полезность сводилась к нулю, мы перестали уважать доктора и фельдшериц, их мнение в нашей оценке было ничто. Всё это привело нас к неизбежному концу.

Последний раз пишу о госпитале, начнётся новая жизнь, а кто старое вспомнит, тому глаз вон. Я стремилась из дома и рада, что скоро мои стремления осуществляются. Я чувствую, что сбывается и сбудется зимняя мечта. Многие зовут наш план безумием, экзальтированностью, но чем виноваты мы, чёрт возьми, что родились не мужчинами? Разве ценна жизнь, когда вся Россия, с восемнадцати до сорока двух лет, послана жертвовать собой на границы. Перемышль взят, Ярослав взят¹, нас бьют... И оставаться здесь, ничего не делая? Увеличивать собой процент оставшихся бездельничающих женщин, что ли? Нет, нет и нет... Если жизнь, так жизнь яркая, полная борьбы; пусть она будет короче, но зато она будет такой, как я хочу, без налёта серой скуки и однообразия. Ничто мне не страшно, мне кажется, я испытала всё в жизни, и её радости слишком ничтожны, чтобы дорожить своим существованием ради них. Впереди... Что же впереди? Славы мне не нужно, любовь надоела, богатства никогда не достигнуть, чтобы учиться? Знания и наука созданы для того чтобы мучиться перед неразгаданными тайнами мира, и удовлетворения не дадут... Бороться за свободу с такими, как К. и Н.², значит лишиться свободы, ничего не сделав... Итак, впереди нет такой цели, чтобы остановиться перед рискованным шагом. Я так хочу, и я за всё отвечаю. Пойте, ландыши, тихую песню, пойте о лесах моей родины, которую я люблю безгранично. Свой народ, свои реки, эти ландыши, сорванной загорелой грубой ручкой ребенка, – всё это моё, так как нераздельно живет с рождением в душе, и никто не может вырвать у меня самое ценное моей

¹ Ярослав – город на левом берегу реки Сан в Западной Галиции. Описываются военные действия во время Горлицкого прорыва (2–5 мая 1915 г.) и оставление русскими войсками Галиции, прорыв русского фронта между Вислой и подножием Бескидов (в районе Горлице). Русские войска не смогли остановить противника в районе Ярослава (16 мая 24-й корпус был отброшен за р. Сан). К 24 мая германо-австрийские войска, несмотря на контрудары русских, прочно заняли правый берег реки между Ярославом и Перемышлем. 3 июня пал Перемышль. 22 июня был оставлен Львов. В конце июня русские войска вышли на свою территорию. За два месяца оставили Галицию, понесли большие потери.

² Видимо, члены того же подпольного кружка.

души – любовь к народу. Пусть плюют на меня за эту любовь, пусть порочат моё имя, не изменю никогда и не имею возможности изменить, так как живу только этим.

29 мая

Был чудный майский вечер. Зелёное светлое небо на западе, сияние звёзд в глубоком многоцветном небе. Ночь так и не могла придти. Её лёгкая тень легла только на час; двигалась розовая заря, потускнела на миг и стала опять разгораться. Ушли вверх звёзды и стали гаснуть, светлее стало. И перед зарёй в густых кустах кладбища за оградой запел соловей. Мерцали красные тихие огни лампад над могилами, полуночный ветерок шумел вётвами. Светила река, уходя к лесам... Что заставит меня забыть эти часы?

– Я ль виноват, что тебя, черноокою больше, чем душу люблю? – вспоминались мне слова песни, когда в прозрачном сумраке ночи я смотрела в глаза, сверкавшие последними отблесками зари. В них был тот же мрак и свет майской ночи, полный глубокой, странной нежности.

У церковной ограды под тенью липы мы остановились. Липа шумела, низко свесив тёмные ветви. Их глубокая тень падала на стены... Тихо, тихо было, спал город. Первый поцелуй был долг; без слов, молча, мы узнали, что этим поцелуем всё сказано.

Он был не чаянен, но неизбежен. Только одно я хотела сказать этим поцелуем: «люблю», когда же М. второй раз прижал меня к себе, второй поцелуй сказал мне, что он любит меня страстно. Настолько он был горячей и крепче первого поцелуя... О, как хорошо было... И звёзды, и запах сирени, и любовь любимого... Всё сливалось в одну майскую светлую сказку... Сказкой были тёмные глаза, смотрящие на меня, сказкой были два долгих поцелуя под старой дремлющей липой, сказкой была эта ночь без ночи, светлая, как слёзы счастья. О, ночь волшебная!..

31 мая

27 числа вечером мы и Аня Ушакова пошли к воинскому начальнику Акулич-Казарину¹ просить солдатскую одежду. Было девять часов, накрапывал мелкий дождик. В канцелярии горели над столами лампы, было душно, солдаты писали бумаги, дежурный офицер уныло ходил по комнатам, звякая шпорами. Нам предложили подождать перед кабинетом воинского начальника. Офицер подошёл к нам:

– Вы по какому делу?

– По личному, секретному, – ответили мы.

Он приказал принести нам стулья. Мы сели, чувствуя на себе ряд любопытных взглядов. Через несколько времени нас попросили в кабинет. Там было темно, большая комната едва освещалась стоящей на столе

¹ Тверской уездный воинский начальник полковник Викентий Иосифович Окулич-Казарин.

лампочкой под зелёным абажуром. Из-за стола встал седой военный и спросил:

– Чем могу служить?

Выслушав наши объяснения, он сказал, что не имеет права записывать женщин в действующую армию, но посоветовал нам, достав одежду, выйти из Твери с маршевой ротой, добавив, что наше решение похвально. Он сказал, что одежды у него не хватает на действительных солдат. Пусть мы попробуем обратиться к батальонному командиру 196-го запасного батальона¹, а в крайнем случае, командиру 57-го батальона². Мы вышли, окрылённые новой надеждой. Узнали по телефону, что командир 196-го запасного батальона уехал в Москву, решили завтра идти к другому. Резиденция Бунякина находится за Тверцой. В пять часов мы были у него, он нас принял с хохотом и шуточками, как Фальстаф. Большое пузо и нос с двумя шишками вместо ноздрей. Он расхохотался нам в лицо, узнав, зачем мы пришли:

– Хо-хо, я что угодно предполагал, но не это! Об этом мне надо думать полгода и в этом отношении я сделать ничего не могу. Что же вы, честь отдавать умеете?

Мы с ненавистью смотрели на его красное лицо.

– Один охотник, кажется, уже плакать собирается, – захохотал он, глядя на Алю (Елену). – Вообще скажу вам, у меня к охотникам более строгие требования, чем к кому бы то ни было. Их все считают сумасшедшими, и они хороши только, когда идут к позициям. Они думают, что там их Георгиевские кресты ожидают! Нет, там прежде всего нужна выносливость!

Он проводил нас до самого выхода, говоря:

– Но я об этом подумаю, подумаю. Вы обратитесь в 196-й батальон. Там люди более отважные, более смелые, чем я. Хо-хо-хо!

Теперь, когда он встречается с нами, он не может удержаться от смеха. Но мы и без этого пуза попробуем устроиться, и нам наплевать на его смех. Вчера ходили в лагеря к командиру 196-го запасного батальона, но не застали его. Это не мешает нам сходить туда ещё раз.

В Москве беспорядки, фабрики бастуют, в газете (ах) нет ничего, кроме дутых воззваний к благоразумию. Нельзя быть благоразумным, когда впереди голодная смерть. Торговцы и купцы обезумели в алчной погоне за наживой. В Твери тоже хотят бунтовать из-за дороговизны. Мясо стоит тридцать копеек, крупа – девять копеек фунт, хлеб тоже подорожал. Купцы дерут за всё и со всех, припевая:

– Война! Что делать?

А городские власти ничего не предпринимают к ограничению разывавшихся аппетитов. Недовольство растёт. Набор девятнадцатилетних парней привёл население в отчаяние. Все новобранцы выглядят мальчишками, безусые, узкоплечие. Бабы режут. 8-го июня ещё набор. Призы-

¹ Арцыбашев – командир 196-го запасного батальона.

² Бунякин Тимофей Васильевич – полковник, командир 57-го запасного батальона.

ваются льготные двадцатилетние и 16-й год. Все знают, что на позициях плохо, а между тем видно, что новые силы слабы и что это последние силы.

3 июня

Всё дождь да дождь. Никак не можем попасть к батальонному командиру Арцыбашеву. Он уехал в Москву и не приезжает, как нарочно. Андрей уехал к дяде Ване¹, мечтая о Л. Первая любовь проходит в очень поэтической и идейной обстановке.

5 июня

Я и Елена – добровольцы действующей армии. Ур-ра! Странно свыкаться с этой мыслью, сказочным кажется исполнение наших мечтаний, но сны наяву – не счастье ли это? Что-то волшебное, что-то сказочное, и мы сами – главные действующие лица этой сказки. Вчера пошли в лагерь. Лёгкие летние тучи иногда брызгали дождём и проходили, подгоняемые сильным ветром. Было шесть часов вечера. Трава неслась по ветру цветущими кончиками, рожь волновалась порывистыми вздохами. Грустно было. Настроение: «Ничто меня не тешит, ничто не веселит»... Песчаные холмы, сосновый низкий лесок, Волга, как синька, – скучно было смотреть на всё это. Пришли в Старую Константиновку. Зелень у изб, балкончики, крытые парусиной, дачная публика в дезабилье. Направились к дому батальонного командира. Девочка и какая-то женщина, выбивающая на крыльце ковёр, встретили нас враждебно. В дверях показался старик в военной шинели и пригласил нас в комнаты. Это и был Арцыбашев, наше главное начальство.

– Чем могу служить?

– Мы идём добровольцами в армию, – начала Елена, – и явились к вам от воинского начальника. Он указал нам на вас, так как вы сможете помочь нам достать нужную нам одежду.

– Так, так... Ну, что же прекрасно, можно, можно... – совершенно неожиданно для нас с готовностью согласился Арцыбашев.

Мы думали, что нам придётся его убеждать и «уламывать», но ошиблись.

– Вам придётся принести документы и записочку от воинского начальника, а, впрочем, и мы сами теперь имеем право... – Он не досказал, на что именно он имеет право, но, наверное, принимать в добровольцы.

Арцыбашев даже как-то обрадовался.

– Приходите завтра с документами к одиннадцати часам утра, – сказал он, вставая.

Мы вышли, и как только его дом скрылся из виду, дали волю бешеному восторгу, который выразился в диких криках, прыжках, и бросании зонтика

¹ Жданов Иван Алексеевич, учитель русского языка в Духовном училище города Переславль-Залесский.

об землю. Редко, почти никогда, я не испытывала такое радостное неистовство.

Нынче к одиннадцати часам мы были опять у Арцыбашева. Его не было дома, но нам сказали, что он сейчас придёт. Сели на крыльце ждать. Белый индюк напирал на нас, чихая и спуская нос до земли, но мы храбрились и не отступали. Потом подбежала свинка и с тихим хрюканьем хотела почесаться об меня. В это время за изгородями мелькнул ряд зелёных фуражек, приближавшихся к дому командира.

– Он, – шепнули мы друг другу, – и с целой кучей!

Действительно, к нам подошел командир с четырьмя офицерами. Мы встали, он спросил наши документы. Мы подали ему паспорта.

– Подождите минутку, – сказал он, – входя вместе с офицерами в дом. Мы переглянулись.

– Совет в Филях, или Ставка верховного главнокомандующего, – шепнула я.

На крыльцо вышел молодой офицер:

– Командир просит вас к себе.

Мы явились в комнату.

– Пожалуйста, садитесь, теперь вы свои люди, – обратился к нам командир.

– Вот этот, – указывая на черноусого офицера, добавил он, – вас «обмундирует».

– Да, я вас экипирую... – подтвердил черноусый офицер и в сторону сказал: – Возможно изящней. Вот видите, чтобы облегчить ваше положение, вы будете получать повышенное содержание, по шесть копеек в день, и офицерский паёк. Для этого у нас есть добавочные суммы. Вы будете в офицерской команде.

– Да, в офицерской команде, – подхватил офицер.

– Благодарим вас, – ответили мы, – сохраняя серьёзность.

– Итак, во вторник вы приезжайте сюда, здесь в лагерях теперь и останетесь для обучения, а потом отправим вас в армию, – сказал командир.

Значит, мы будем учиться. Это великолепно! Офицеры засели за книги и стали нас вписывать, мы вышли, себе не веря... Мы – солдаты. Скажем маме, что уезжаем на дачу к подруге. Мы решили ни в чем не отставать от новобранцев, даже изнемогая от усталости, и не балаганить, а вести себя, как настоящие солдаты, – серьёзно, и подчиняясь дисциплине.

6 июня

Начинают поговаривать о мире. Германия согласна отдать Польшу и уничтожить завод Круппа, но с условием сохранить прежний торговый договор с Россией. Говорят, что бунт в Москве произошёл после привоза закованных в цепи русских офицеров и генералов, продавших Перемышль. Николай Николаевич зарубил собственноручно десяток изменников, причём командир крепости стрелял в него и ранил в руку. В Твери – усилен-

ная охрана губернаторского дворца¹. Губернатор немец и боится нападений², около его сада³ поставлены два стражника на конях. Вывешено обязательное постановление, карающее убийство, кражу со взломом и поджог военным судом. Солдаты 57-го запасного батальона⁴ хотят избить батальонного командира за ужасное обращение и встать на сторону народа. Вызваны два полка в Тверь на всякий случай. В конюшни слабой команды помещён взвод конной стражи. Стражникам приходится спать вместе с лошадьми.

Нынче мы ходили в город, закупили всё нужное для похода в лагерь. Аптечные медикаменты играют немалую роль, начиная валерьянкой и кончая касторкой. Расплатились за ялик, встретились с сестрой Кацовской, поговорили: она жаловалась на свое житьё-бытьё и завидовала тому, что мы имеем возможность уйти.

На верхушках соснового леса догорает розовое солнце, туман между ветвями становится гуще, и ряды сосен колоннами уходят далеко-далеко в вечернюю лесную тишину. Мох забрызган утренним дождём, висят капли на белых звёздочках скромных цветов, кукует где-то в туманной низине кукушка, стихает птичий свист над головой. Старое дерево, вывернутое с корнем, лежит на земле. Папоротник веером разросся около, зацвёл красными точками упругий мох.

— Если б здесь был домик, — говорит Михаил и не доканчивает.

Мы сидим на поваленном дереве и смотрим, как идёт вечер. Ты ска- зал:

— Я и народ — одно. И буду вместе с ним добиваться того, чего он лишён. Вы же принадлежите к войску, охраняющему порядок.

— Нет, я пойду вместе с народом.

У тебя мягкий характер, но тебя трудно сломить. Ты горд и потому не хочешь быть откровенным, но любимым ты всё скажешь и всё отдашь.

— Не говори ни одного худого слова об матери при мне, — писал ты сестре. — Я буду всегда её защитником, пока останусь в живых.

Но ты никому не говоришь, как ты любишь мать, как любишь свою родину. И эта скрытая любовь глубока и неизменна. Ты не скажешь и мне, как ты любишь меня, но ты на время забыл о своей родине.

— Меня туда почему-то теперь не тянет, хотя я сто раз мог бы туда съездить. Но почему ты туда не едешь, ты никогда мне не скажешь.

¹ Имеется в виду Императорский Путевой дворец, где с 1898 г. размещалась резиденция тверских губернаторов.

² С началом войны все германские подданные, а также «русские немцы» оказались под подозрением. Тверской губернатор Н.Г. Бюнтинг — выходец из древнего остзейского дворянского рода, родился в Санкт-Петербурге. Мать происходила из старинного нижнесаксонского рода, отец — представитель прусской дворянской фамилии.

³ Губернаторский сад находился к востоку от дворцового сада, напротив бывшего дома губернатора. Его естественной границей стал Волжский спуск — проезд к наплавному мосту (ныне это часть Городского сада).

⁴ Запасной пехотный батальон, в дальнейшем — полк, находился в Твери. Офицерских чинов — 36, классных чинов — два, нижних чинов — 3995 (данные на декабрь 1914 г.).

Вспоминаю содержание нашего прошения к командиру: «Его высокородию, господину командиру 196-го запасного батальона прошение А. А. Ж. и Е. А. Ж. (адрес): «Пылая ревностным желанием послужить на пользу дорогой родине, покорнейше просим Ваше Высокородие зачислить нас добровольцами в ряды действующей армии». Когда один офицер упомянул о записке (?) от воинского начальника, командир сказал:

– Это у них есть. Было уже представление.

Хотя не было ничего подобного.

Ветки душистые белой акации. Прости, прощай...

10 июня

Вспомню каждое твоё слово, потому что теперь ты далеко, потому что мне легче станет. Вечером ты сказал мне:

– А нас во вторник отправят. Нынче пригоняли шинели.

Мы спускались по зелёной горке Отроча монастыря. Ты был в зимней гимнастёрке, в зелёной фуражке и сапогах. Жёлтый пояс туго стягивал талию. Пахло кожей и едва-едва табаком. Твой смуглый профиль с сердито сдвинутыми бровями выделялся на фоне синей Тверцы. Золотистый загар оттенял глубокие карие глаза. Мы прошли мост.

– Теперь наши дела плохи... И что наш народ смотрит? Запас пошёл – это справедливо, они должны служить. А девятнадцать лет должны бы отказаться. Ну да всё равно им не сдобровать... И из-за чего столько народу гибнет? Конечно, известно было, что не победить правительство немецкое. А теперь царю не удержаться на месте. Артиллерия говорит, что орудий не отдаст, если только пехота поддержит и ружей не бросит...

– Вот пригонят шесть корпусов из Сибири, а вдруг Китай поднимается. Если бы нам японцы войска прислали, справились бы. У нас только там победа, где японские орудия.

Так мы разговаривали, вышли в поле. Уходила туча, вечер тихий, тёплый сиял над рекой и лесами. Розовые дали постепенно синели. Ты говорил об окопах. В траве мы <...> ты <...> . И я сказала «да», что «да»? «Все: <...> объясню и скажу».

– А вот что, как ты любил раньше?

– То есть как? Очень просто.

– Нет, ты расскажи.

– Влюбился я шестнадцати лет и любил полгода, а потом стал служить на пароходе, она начала проводить время с <...>

18 июня

Полный запаха мокрый пыли врывается ветерок после ушедшей грозы. Уже девятый час вечера. Как душно было перед бурей. Лежала и читала весь день пустяки. На что уходит время? Дня три тому назад встретились с одним высланным из Риги. Он нам показал, как мы отстали от

времени, как мы опустили умственно. Он учил нас окончательно, как ударом молнии осветив окружающий нас туман, и опять ушёл неизвестно куда. Мне вспоминается этот вечер. Мы сидели на берегу. Плыли барки. Чужой из другого мира человек сидел рядом и говорил, смотря бесцельно вперед. И он говорил просто, с западным наречием эстонец, о вещах, имеющих громадное значение. Ясность мысли, точные и ясные ответы на каждый жизненный вопрос, вера в свои слова – не зажгли меня. Мне было только грустно. И я теперь должна была быть такой, но что я? Какова моя сущность, во что верю я, что знаю? Ведь он, этот эстонец, насколько он выше меня по своим умственным запросам, он применил свои убеждения к жизни, теория у него слилась с жизнью и родилась из неё. Мы не сумели сделать так, для нас теория и жизнь оказались несоединимыми. В моей душе ничего нет, в голове тоже. И почему вышло так? Конечно, по моей вине. От меня зависело знать, и я могла не засорять своей души ненужными для меня увлечениями. Когда мы пришли домой после этой встречи, тяжело было на душе, тяжело и для самолюбия, и грустно за свою отсталость. Далека показалась было мысль об уходе в добровольцы, звал иной мир полезной работы, но теперь я опять хочу туда и жду, пока придёт ответ от командира. Хочу войну видеть, хочу о себе позабыть, чего не будет там, на сходках и собраниях.

Знаю я, что не мне учить тому; нет у меня этого таланта, знаю я ту громадную ответственность, которая ляжет на меня и измучает мою совесть. Ведь самой надо учиться, самой познать и растворить в мозгу полезность своей проповеди. Тюрьма меня не пугает, но не могу я сейчас быть одинокой, не могу быть вдали от борьбы. Если сейчас я чувствую себя, как в тюрьме, что же будет, если передо мной встанут каменные стены острога, решётки одиночной камеры. И за что? Ведь не могу я сейчас быть полезной тем, кто меня зовёт в свои ряды, начну учиться у них, и волю свою погублю. Не хочу; хочу на позиции. Как неразумное дитя, твержу я: «на позиции», и ничто, ничто меня больше не удовлетворит. Завтра – месяц, а это стремление не даёт мне покоя ни днем, ни ночью. И мне кажется, что неудача не существует для меня. Если даже командиру ничего не удастся, если он не выдаст нам одежду, я не кончу так. Не могу я здесь жить, не могу жить, не увидав войны. И что меня тянет туда? Душа моя там, и её найти надо, обрести спокойствие, вернуть душу. Там она идёт вместе с рядами войск, там она с дерзким отчаянием кидает вызов наступающим вражеским силам, там она страдает вместе с народом. Туда, туда. Судьба! Помоги же мне. Я не прошу, я требую!

20 июня

Ходили в лес. Жарко. Набрали ночных фиалок. Белые кисти, цветы, как из сахара, запах – пьяный. Чудесные виды. Трава не скошена и цветёт, рожь выше человека с массой васильков, белые стволы берёз на опушках и цветы, цветы везде – море цветов. Теперь вечер, и идёт дождь.

Розовеет радуга, слабо сияя. Ночью мы ходили в поле, в мужских костюмах. Лежали во ржи, над рекой. Кричали птицы. Так как мы острижены, то никому не внушили подозрений своим видом. Светало уже, когда мы влезли в свое окно. Так хорошо спалось под впечатлением июньской душистой ночи. Нетерпение моё доходит до высших пределов. С какой завистью прочла я в нынешней газете о женщине-добровольце, которая попала к нам в плен. Она имела офицерский мундир и право на производство. А нам трудно попасть даже в солдаты законным образом.

Тяжело будет попасть на позиции нелегальным путём. Теперь въезд в некоторые области Польши и города совершенно запрещён. Из Риги, Виндавы и из прибалтийских городов¹ высылают жителей сотнями почему-то в Псковскую губернию. К нам в Тверь пришла партия мужчин и женщин, прилично одетых. Их под конвоем отправили в острог. Это подозрительные, по мнению полиции, люди, высланные из прибалтийского края. Я не могу думать ни о чём ином, как о нашем намерении. С прошлым всё порвано навсегда.

Рисунок без подписи

21 июня

Терпение лопается. Ждём почты, считаем карточки из «оценки», работали пять рублей, читаем, а терпенье лопается. Василий² прислал письмо, указывает источники, завтра придёт переговорить, а терпенье лопается. В бешенстве прочла в газетах о русской женщине-добровольце, она училась до позиций в казармах. По коему лешему нам не повезло? Дороговизна страшная. Сахар — двадцать копеек фунт, а терпение лопается. Чёрт! Чёрт, и всё тут!

22 июня

Пятница. Как в волнах, ныряю от надежды к отчаянию. Снился очень радостный сон про командира, он устроил всё, заехал к нам и велел приезжать. В конце записки поставил: «Весна, о, родина святая». Так хорошо было на душе, хотя за окнами шёл дождь. И нынче пасмурно и тяжело. А вдруг ничего не удастся? Что тогда? Как действовать? Вчера заходила

¹ Отступление Русской армии вызвало волну стихийного беженства, а также принудительную депортацию людей. В тыловой Тверской губернии было размещено почти 30 тыс. беженцев, в основном евреи, немцы, латыши, поляки. За счет казны эвакуировались правительственные учреждения и объекты государственного значения, фабрики и заводы, учебные заведения, служащие и их семьи.

² Личность не установлена.

Настасья Григорьевна, говорит, что подаст в штаб прошение, и о нас сказала, что расспрашивала прапорщика из лагерей. Он сказал, что командир испытывает нас. Но Настасья Григорьевна трудно верить. И так, что решить? Достать одежду не значит попасть на позиции. В других городах могут вернуть. Но, впрочем, надо попробовать. Как и где? Прежде всего — деньги. Заложим жён, детей своих заложим. Хотя их и нет, но замену их можно сделать, продав ялик и одежду. Бездействие меня угнетает. И так зависеть от людей. Не возмутительно ли это? В Твери тревожное настроение. На 24-е ожидают бунта против дороговизны. Многие возбуждены, даже самые инертные и пустые, вслушиваясь в горячие возмущённые разговоры, говорят: увлечёшься, пожалуй, и сам к чёрту на рога пойдёшь, была не была. Торговцы и мещане очень недовольны приездом государя. Они ожидали приличного духу времени «слова», но «слова» не было, он приехал любезничать с дворянством. Скоро будет набор ратников второго разряда¹ за четыре года. Будут брать единственных сыновей в семьях с отцами.

Заметно на гуляньях громадное количество барышень, они ухаживают за жалкими остатками «кавалеров», как настоящие Дон-Жуаны. Преподаются им цветы, завязывают разговоры, приходят на дом с визитами. Для них наступила голодовка. Несмотря на дороговизну, туалеты шикарны. Предложение превышает спрос namного. Уроды чувствуют себя царьками. Австрийские офицеры имеют успех. Они пожинают при путешествиях на базар и в купальню целый фейерверк улыбок, взглядов и благосклонного внимания. На безрыбье и рак рыба!

24 июня

Из-за нашей цели порвали с подпольной работой². Приходил К. Мы сказали, что не готовы, не в курсе дела. Указали отрицательные черты жизни, работы и п. Наёмные санитары, чрезмерная конспирация, стремление к власти, набор людей с бору по сосенке, могущих подорвать престиж подпольной работы и нанести ущерб общему делу. Распростились с ними окончательно. Было тяжело, но мы отрезаем себе всякие пути к отступлению: ничто не должно мешать нашей цели.

Андрея заела рефлексия и самоанализ, не может «самоопределиться», нервничает. Ему надо больше гулять и спать по ночам. Их товарищество поставило перед собой так много вопросов, для разрешения которых требуется головоломная работа. Голова может закружиться у всякого. Мы Андрея поддерживаем, хотя у самих на душе неважно.

¹ Солдаты государственного ополчения (запас Вооружённых сил). Ратниками считались военнообязанные (кроме офицеров) запаса 1-й и 2-й очереди, числящиеся в ополчении.

² Подпольная работа связана с участием сестёр и Андрея Жданова в социал-демократических кружках учащейся молодёжи. Начиная с 1912 г. А. Жданов и другие члены кружков занимались изучением марксистской литературы, большевистской газеты «Правда», организацией подписки. В 1915 г. Андрей занимался пропагандистской работой в рабочих массах, писал, печатал и распространял листовки Тверского комитета РСДРП(б).

Очень плохи наши дела на фронте. Очевидно, германская армия хочет кольцом обойти Варшаву, она прёт на Холм, Люблин и Брест-Литовск¹. Наши отступают, и помощи ждать неоткуда. Между тем правительство отказывается от гласной помощи японцев, заводы, работающие на армию, в руках немцев, и вместо того чтобы конфисковать их в пользу казны, правительство ещё думает только «расследовать» дело.

В Твери намечены магазины для разгрома. Эти магазины преимущественно ювелирные, еврейские. Хотят бить Зингера, Леддера, Золотинского².

Старые бабы пророчествуют пришествие Антихриста и Анчутки беспятого, свержение царств и «бедствия народны». Всякое необычное явление в природе рождает зловещие толки. Грибы рано пошли – войне конца не видать, и тому подобное. А мы здесь сидим... Когда же, когда же?

Над городом спустился вечер. Улеглась пыль, поднятая тысячной толпой, которая шла за крестным ходом, падала перед иконами в пыль, ныряла под мощи, ожидая исцеления, исполнения заветных дум. Вчера на паперти собора при свете свечей паломницы лежали целыми десятками и спали, чтобы утром ринуться за крестным ходом и приложиться к мощам.

Нынче в саду гулянье. Идут туда разряженные девицы, приказчики, реалисты и гимназисты. Как чужда мне эта толпа. Я не понимаю и удивляюсь ей. Как можно в такое время смеяться, думать о флирте, нарядах? У каждого из нас должно быть сознание страшного горя, которое легло на душу после наших поражений на войне. Тут не до смеха, не до гулянья. На сердце тяжелая тоскливая дума об одном мешает жить. Наши гибнут, наш народ страдает. Не могу я видеть эти спокойные лица, эту радость и веселье, каким-то кощунством кажется оно мне, пляской над могилами любимых, шутовством и кривляньем людей, у которых природа отняла разум и душу. Содрать бы с них эти светлые тряпки, только чёрный цвет теперь приличен, показать бы им вместо пошлой и подлой толпы ряды могил и трупов, вместо музыки – вой орудий... И оставаться среди них. С ненавистью слушать их пустые разговоры... Хуже этого наказания придумать нельзя. Аль у сокола крылья срезаны, все пути заказаны? Нет! Впереди ещё дорога. Стучите, и отворится... Стучи во всю мочь, и баста! О, какое было бы счастье!

¹ Имеются в виду ожесточённые и неудачные июньские бои в Галиции после Горлицкого прорыва, оставление Русской армией Ярославля, Перемышля, Львова. Холм – город в Холмской области Привисленского края. Люблин – крупный город на р. Быстрица (Царство Польское). Во время Первой мировой войны город занимали германские и австрийские войска. Брест-Литовск – уездный город на р. Западный Буг в Гродненской губернии.

² Летом 1915 г. в Твери создались в силу ряда причин предпогромные настроения – дороговизна продуктов часто связывалась у местного населения с евреями торговцами, кроме того прибыло большое количество евреев, беженцев из Прибалтики.

Леддер – торговец велосипедами (ул. Миллионная), владелец механической мастерской. Зингер – эскалатор шпионмании привела в Тверской губернии к репрессивным методам в отношении известной кампании швейных машин «Зингер» – не только в силу её немецкого происхождения (на самом деле она была американской), но в связи с подозрениями, что её местные отделения могут быть источниками сбора военной информации.

27 июня

Третьего дня были в «вертепе». Пили чай, пели, потом пошли провожать Юлию. Было уже светло. Прошли через Берговскую фабрику¹, любовались на пруд. В нём отражалась утренняя заря и громадная звезда, не успевшая погаснуть. Нас было шестеро. Познакомились с Шурой. Производит впечатление очень нервной и хрупкой девицы. Народ в сущности очень хороший, но мы перед ними слишком взрослые. «Зелено, молодо», что называется. У одной канавы сидел городской и спал. Шум наших шагов его разбудил. Он уставился на нас. Митяга обратился к Андрею:

– Что, мой милый?

Городовой ответил:

– Ась?

Поспав немного, мы пошли к командиру добиться живота или смерти. Было двенадцать часов дня. Командира не было, нас послали к адъютанту Глебову. Мы сели на террасе деревенской избы и стали ждать Глебова, который ушёл обедать. Через полчаса (пришли) два офицера, из них один был Глебов, и мы долго разговаривали с ними о нашем деле. Выяснилось из некоторых намёков, что у офицеров с командиром очень натянутые отношения. Адъютант говорил, что сделать ничего невозможно, другой офицер робко сочувствовал нам, но подтверждал, что такое новое дело, как наше, нельзя устроить, можно получить нагоняй от начальства, что дело поведено слишком явно, а гласность очень опасна, когда бригада и штаб против, что закон указывает об устранении всяких посторонних лиц от общения с нижними чинами. Мы назвали их формалистами.

Приехал командир. Адъютант вместе с нами пошёл к нему. Командир через адъютанта передал нам, что бригада категорически отказала и ничего сделать нельзя. Адъютант посоветовал нам приобрести одежду, а он под строжайшей тайной известит нас о начале ружейных приемов, и нас тайно обучат стрельбе, а потом он переговорит с начальником эшелона и нас отправят в особом вагоне с маршевой ротой. В общем, мы пришли к тому же, откуда начали. Что же, будем действовать! По крайней мере рассеялось гнетущее чувство неизвестности.

Вчера гуляли с целой кучей учительниц, бывших Елениных одноклассниц. Болтали чушь. Голованкина сказала нам, что бежал из Твери тапёр² синемаатографа Рихтер, немец.

¹ Фабрика товарищества Рождественской мануфактуры П.В. Берга. При мануфактуре вблизи промышленного корпуса располагались школа, родильный приют, больница, театр. Здесь же в 1905 г. был возведён жилой квартал из трёх четырёхэтажных корпусов казарм. Прифабричный комплекс поставлен вдоль дороги, ориентированный на Христорождественский монастырь.

² Музыкант в синемаатографе, исполняющий музыкальные произведения до сеанса и во время показа фильмов.

*О, родина! К тебе,
Залитой кровью, я руки
Простираю. Возьми же жизнь мою
И душу, я не смогу тех ран
Кровавых видеть, которые зияют
На тебе. С оружием в руках я
За тебя пойду. И если ляжет
Враг от пули моего ружья, я
Буду знать, что долг исполнен
Мой...*

Перед побегом он долго шептался с каким-то толстым тевтоном на немецком языке. <...> Рихтера задержали в Петрограде. Кроме того, с помощью русской офицерши бежал австрийский полковник, достав мундир русского офицера. О его побеге не знали три дня, стража почему-то не заметила его исчезновения. Сами офицеры за обедом смеясь, спросили у часового:

– А где же полковник?

Его и след давно простыл. Офицерша арестована. Все возмущаются таким послаблением пленным со стороны начальства. Бабы думают, что в плен к нам идут неспроста. Один беглый австриец из Сибири был задержан, у него оказалась точная карта Сибири. Запрещено принимать немцев и австрийцев в русское подданство. Для них это одна фикция, в душе – они враги России.

Наши дела на фронте немного лучше, но газетам верить нельзя. Я чувствую себя спокойно. Опять за дело, снова в бой!

Приценивались, сколько стоит обмундировка. Сукно – четыре рубля аршин, летние гимнастерки по тридцать копеек за аршин, фуражки – рубль пятьдесят штука, сапоги на толкучке – пять рублей. Если шить самим, то обмундировка обойдётся в четырнадцать рублей. Аля обещает нам достать задаром. Увидим.

29 июня

Вечер. Свежо и тихо. Пахнет сеном. Будет когда-нибудь чёрная звёздная ночь. Будут свистки паровоза и говор толпы, будут фонари красные и белые, приблизится и сбудется то, о чём я думаю... Этот месяц не должен пройти даром для меня. Я чувствую, что душа моя окрепла и закалилась, но крылья ещё коротки. Для этого надо верить в себя, то есть не делать того, что считаешь скверным, знать, что если захочешь, что не будешь делать; надо уважать себя, это достигается не уважением других людей, а достигается внутренним равновесием, сознанием собственной правоты перед самим собой. И сознав свою силу теперь, надо приложить эту силу для того чтобы жить дальше сознательной, светлой жизнью... Крылья вырастут только тогда, когда я вернусь с войны. Там я позабуду презирать людей, которые остались здесь, пойму прелести

тихой труженической жизни, к которой теперь я отношусь с отвращением, там я забуду своё личное страдание. Хотя оно и скрыто глубоко, но в минуты слабости оно вдруг овладевает мной. Это бывает редко, но бывает. Я страдаю за свои ошибки, сожалею глубоко о том деле, сознаю, как хорошо было бы начать всё сначала, страдаю, думая о потерянной репутации, страдаю, встречаясь с людьми и слыша от них ядовитые намёки. Они, эти люди, стараются теперь осветить наш уход в добровольцы совсем с другой стороны.

– А вы там не будете кутить с офицерами? – спросила одна...

И то, что мне теперь смеют предлагать такие вопросы, тоже заставляет меня глубоко страдать. Вот это страдание хочу я забыть и забуду только там. Здесь мы стоим, как на маленьком острове, на который хлынули волны ядовитой сплетни и враждебности, там мы будем забыты, там вновь мы найдём человеческие отношения к себе.

Помнишь ли ты, как горели туманные звёзды, как глубока и тиха была чёрная ночь. Помнишь ли ты, как с безмолвным тоскливым прощанием мы вышли, может быть, видя любимых последний и тягостный миг! Помнишь ли ты, как сжималось болезненно сердце, слыша беспечный весёлый мотив. Мамины руки по клавишам быстро бежали, она не взглянула и нас не пошла проводить. Помнишь ли ты, как Андрей, полулёжа в кровати, тихо спросил нас, куда мы так поздно идём... Поняли мы, как глубоко и прочно их любим, как тяжело нам расстаться, быть может, на век. Помнишь ли ты Александру, склонённую к лампе, нам не сказала она ничего, ничего. Так мы ушли. Мы не знали, не думали раньше, как тяжело нам оставить любимых душой. Грустная чёрная ночь опускалась над нами, к ужасам, к буре мы шли и не раз оглянулись назад. Помнишь ли ты, как свистал паровоз над лесами, в окна вагона глядели, алея, огни. Помнишь ли ночь с этим грустным, ужасным прощанием, с этой безумной и страстной, как пламя, тоской?... Можешь ли ты согласиться на это страданье, думай скорее... Доброволец.

1 июля

Дождь, а вчера был очень хороший вечер. Когда я проходила мимо сада, играли вальс «Белая акация». Грустные звуки пели о примирении, стало хорошо на душе. Придя домой, я сидела в окне, доносилась музыка из сада. На балконе расположились хозяин с женой, а на улице квартирант Шутов и мальчишка-доброволец. Сначала говорили о выплывшем трупе солдата. Он утонул перед приездом государя, потом перешли к газетным известиям. Хозяин категорически утверждал, что в наши войска брошена банка с чумой. Один наш учитель предложил в Петрограде проект: дать ему сто аэропланов и на каждый аэроплан по сто банок с чумой; проектировалось разбросать чуму по Германии. Проект не мог быть выполнен от отсутствия аэропланов. Чиновник возражал против факта о брошенной в войска чуме, потому что в Германии чумы нет, хотя, быть

может, в университете её культивируют. Было замечено, что Америка выступила, и Германии – конец.

– А японцев провезли, слышали? – сказал хозяин.

– Да, через Тверь провезли японских солдат, а из Сибири – боевые припасы.

Говорят, из Аргентины, а некоторые думают, что припасы японские. На днях маршевую роту в Сибирь отослали. Как бы Китай не стал воевать. В разговор вмешался мальчишка-доброволец. Он был два раза в Польше. Один раз его вернули из Люблина по этапу вместе с двумя другими мальчишками, другой раз он из Ново-Георгиевска уехал сам. Ему, по его словам, пятнадцать лет, но наверное, не больше двенадцати.

– Эх, вот если б Вильгельма захватить, – вздохнул он. – Мы бы его с Николем Николаевичем помучали. Я бы его за усы привел.

– Сначала в Тверь надо, нам показать.

– Нет, я бы по закону; сначала к Николай Николаевичу, а после уж показывать.

Мальчишка хочет ехать третий раз с обозом, который отправится через две недели прямо на позиции.

5 июля

Наступление немцев продолжается. Очень вздорожала цена подённых работ. Мужчинам платят по два рубля, на огородах – по восемьдесят копеек в день. Совсем нет рабочих рук.

Эх, эх!..

8 июля

Нынче по газете ясно видно, что начало действовать положение о цензуре, и действовать очень энергично. Везде досадные пробелы, даже в таком ничтожном сообщении, как депутация Тучкова и К⁰¹ в ставку главнокомандующего. Немцы прут. Заняли Красностав² и, наверное, берут Литаву³ и Новогеоргиевск⁴. У нас нет боевых припасов и снарядов, а на одной храбрости не уедешь. Об этом должно было думать правительство, посылая миллионы на смерть. Остальные наши союзники спят и грезят.

В Англии промышленный кризис.

Вчера уехала в Сибирь ещё одна маршевая рота. Она уходила из Твери с музыкой.

¹ Правильно: Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический и государственный деятель, один из создателей и лидер партии октябристов; депутат и с 1910 г. председатель III Государственной Думы, в 1917 г. – военный и морской министр Временного правительства; один из организаторов выступления генерала Корнилова; с 1919 г. в эмиграции.

² Красностав – уездный город Люблинской губернии на р. Вепра.

³ Литава – правильно Либава – город, порт в Курляндской губернии.

⁴ Новогеоргиевск – крепость возле д. Модлин Варшавской губернии на реке Висла. 7 (20) августа 1915 г. была захвачена германцами.

Крестный ход

Мы начали действовать. Сшили себе брюки; скоро, как только вышибем деньги из оценки, будем шить гимнастёрки. Первый раз в жизни шьём, но выходит недурно, нужда научит. Много читаем, я начала заниматься по-французски. Быстро летит время! Действовать надо, действовать!

15 июля

Нынче было молебствие о даровании победы. Крестный ход прошел от собора¹ на Волгу. Городовые были расставлены один за другим. На пути оказалась куча навоза, лавочник

стал подбирать её в решето руками, а городовой, не обращая внимания на свои белые перчатки, подмёл навоз метлой. Городовые долго ждали, когда начальство соизволит снять фуражки, и смотрели зорко друг за другом.

Показались, золотясь на солнце, хоругви, ряд за рядом прошли хоругвеносцы, певчие в польских синих поддёвках, с позументом, наконец попы и архиерей. В жарком пыльном воздухе жидко раздавалось пение... Молитва... О чём была она? Неужели все эти люди веруют ещё в какую-то силу, которую можно умилистить этим пением, этими грубыми стягами и иконами? Какому богу они молились? Уж не тому ли, который говорил: «Не убий», огненным словом завещал: «Прощать врагам»? Нет, не ему, потому что слышалось в молитвах желание кровавой победы с рядами трупов перед ней. Они просто играли в веру, глупо и ненужно. Народу было мало.

Царское село.

Радость моя, счастье мое, неоценённая моя Нюлочка.

Я плачу от счастья, читая твоё письмо, я не знаю, что мне делать от радости. Пускай теперь опять посылают на войну, пускай меня убьёт, я ничего не боюсь: у меня есть подруга, которая, я так думаю, не откажется умереть со мною, нам смерть не страшна! Как она ничтожна перед всемогущей любовью, как она мизерна, прямо так и гадко подумать.

¹ Спасо-Преображенский собор на Соборной площади в Твери.

Но она, то есть любовь, сильна, и с нею можно смело идти в бой, когда чувствуешь, что рядом с тобою идёт твоя верная подруга, которая делит с тобою все невзгоды и лишения.

Нюра, я знаю, что ты следуешь за мной, если меня опять туда пошлют, и я теперь спокоен и до остального мне дела нет, ты со мною, а остальное всё ничто. Но до этого далеко, я сейчас напишу теперешнее положение.

<...> комиссия, меня хотели освободить домой, но председатель комиссии запротестовал, и меня пока назначили в слабосильную команду, где я буду до следующей комиссии, а там будет видно, но только я смело могу сказать, что я не пойду в действующую армию, и если меня не отпустят домой, то я остаюсь в команде писарем, только мне передавали следующее: когда я вышел из комнаты, где была комиссия, то все врачи были против того, чтобы меня отправили в команду, и тогда им председатель сказал, что в следующую комиссию постарается меня освободить, да не скоро будет эта комиссия, вероятно, через месяц, как-нибудь помучаюсь эти дни, а там будет видно.

Нюра, как я хочу видеть тебя, быть с тобою, целовать тебя до бесконечности, возможно ли будет это счастье. Если меня освободят, то я во что бы не стало приеду в Тверь, хоть на один день.

Нюра, я вероятно тебе уже надоел; но всё-таки пишу опять: пришли карточку, дай мне возможность хоть этим насладиться.

Милая Нюрочка, мне скучно без тебя, я не знаю, как мы устроимся в будущем, думай и пиши мне.

Дорогая Нюра, я с этого дня считаю тебя своей невестой и, даст Бог, кончится война, я буду свободен, тогда ты моя жена. Одно только меня смущает: захочешь ли ты связать свою судьбу с человеком, который, может быть, останется калекой на всю жизнь. О ты, война, я тебя проклинаю и между тем благодарю; не будь ты, я бы не видел и не знал моей Нюрочки.

Нюра, о, если бы это исполнилось, о, если бы это могло быть, когда ты будешь моею навек! Ещё одно меня смущает, как твои родители отнесутся к нашему союзу? Если они будут против, тогда как ты поступишь? Относительно своих могу сказать, что они мне ни в чем не отказывают.

Пока, до свидания, мое счастье, Нюра.

Твой навеки. Михаил.

12 часов ночи. Я страшно устал, руки устали, много работы, рота, в которой я писарем, только что сформировалась, так что приходится всё заводить заново, руки дрожат, да и в голове полнейший абсурд, не могу писать: буквы прыгают со строки на строку.

P.S. Мой адрес: Царское село, команда выздоравливающих, четвёртая рота и мне.

20 июля

В доме – баталия. Призывают весь 1917 год безо всяких исключений, в том числе и единственных сыновей. Андрей тоже попал под приказ. У него с мамой страшная ругня. Андрей подал прошение об отсрочке в воинском присутствии, мама едет в Москву, чтобы подать прошение в высшее учебное заведение о принятии Андрея, так как студентам даётся отсрочка до окончания образования. Разговоры об этом носят, как и всегда, самый повышенный характер, доходя до отчаянной брани. Стены дрожат и двери хлопают.

Дела на фронте плохи. Поговаривают об отдаче Варшавы¹ без боя и призывают население к спокойствию, благоразумию и жертвам. Приехали выселенные из польских городов. Их поместили в здании, где сначала были австрийские офицеры, высланные в Вятку. Много маленьких детей. Юноши в особенных шапочках со значками, вышитыми шелком, и в стоптанных башмаках. У высланных общая столовая, бродят, как мухи, и очевидно скучают.

Начались заседания Государственной думы и нападки на правительство. Недовольство растёт. Оно заметно и по тому, что посты министров все почти заняты новым составом. В Думе требуют амнистии.

А мы, кажется, едем, и уже окончательно. Так трудно верить в осуществившуюся мечту.

На этом рукопись обрывается.

¹ 26 июня 1915 г. началось наступление германских войск (Томашевское сражение), затем Красникское (1–8 июля). 13 июля – наступление у Прасныша. Командующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев ещё 5 июля получил разрешение отводить войска из-под ударов и очистить Польшу. Медленное отступление русских армий сопровождалось ожесточёнными боями, продолжавшимися три месяца. В первых числах августа русскими войсками была оставлена Варшава.

Записки из исчезнувшего города

В Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ) в составе фонда № 114 Истпартотдела Калининского обкома ВКП(б) хранится дневник Анны Александровны Ждановой¹, датированный 1910 годом. Дневник семнадцатилетней Анны относится ко времени, когда семья Ждановых проживала в маленьком уездном городке Корчева Тверской губернии. Сюда в начале 1900-х годов главу семьи – деателя народного образования, магистра богословия Александра Алексеевича Жданова – перевели на работу в качестве инспектора народных училищ Корчевского, Кашинского и Калязинского уездов. С ним приехали его жена Екатерина Павловна и их дети Татьяна, Анна, Елена и Андрей.

Города, в котором прожили Ждановы почти десять лет, давно уже нет на географической карте. Корчева, расположившаяся на правом берегу Волги по обе стороны впадающей в неё речки Корчёвки, известная с XVI века как село и получившая в 1781 году по указу Екатерины II статус уездного города, просуществовала до середины 1930-х годов. В связи со строительством канала «Москва – Волга» и плотины Ивановского водохранилища город попал в зону затопления и был уничтожен вместе с десятками других населённых пунктов. Основная часть жилых домов была перенесена в город Конаково (бывшее село Кузнецово Корчевского уезда), туда же переселяются и жители. Каменные дома и церкви Корчевы взрываются, сады и леса вырубаются.

В этой связи дневник Анны Ждановой является ценным историческим источником не только для изучения жизненного пути членов её семьи, но и истории исчезнувшего города, на улицах которого уже не появятся люди, не развернутся народные гуляния и празднества, по мостовым не проедут повозки, не причалят к пристани пароходы.

К сожалению, история попадания на хранение в ТЦДНИ дневника Анны Ждановой до сих пор остаётся загадкой. Есть основания предполагать, что дневник мог быть передан ещё в 1920-е годы истпарту – комиссии, созданной в 1922 году при Тверском губкоме РКП(б) с целью собирания документов о революционном движении и его участниках, старых партийных работников.

¹ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 163.

Так, в фонде истпарта сохранились материалы об Андрее Жданове, а также краткая автобиография старшей сестры Анны Татьяны Ждановой от 19 сентября 1921 года¹.

Есть аргумент и в пользу другой версии попадания дневника на хранение в архив, связанный с тем, что в послевоенный период собиранием материалов личного происхождения людей, имевших отношение к революционному движению и длительной партийной работе, активно занимался партийный архив Калининского обкома КПСС – один из предшественников ТЦДНИ.

Интерес к дневнику Анны Ждановой появился у исследователей в 1990-е годы, но он носил скорее эпизодический либо поверхностный характер. Дневник цитировали в нескольких статьях, отдельные фрагменты были использованы на выставках документов. Детальное изучение данного исторического источника началось с 2012 года. В 2014 году подготовлена первая публикация текста «корчевского» дневника Анны Ждановой. В настоящем издании текст рукописи публикуется в сокращении по современным правилам орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей.

Проживая в Корчеве, Анна Жданова получила домашнее образование. По воспоминаниям старшей сестры Т.А. Ждановой, образованием детей в семье в основном занимались родители. Отец преподавал им русский и немецкий языки, арифметику, философию, психологию и логику, много внимания уделял физическому воспитанию (гимнастике и гребле), экскурсиям и дальним прогулкам с образовательной целью, во время которых дети собирали гербарии, коллекции насекомых, знакомились с животным миром. От отца дети переняли и симпатию к народническим, социалистическим и революционным идеям. Александр Алексеевич хорошо рисовал красками, карандашом, пером и углём, и это умение передалось детям, в частности Анне, чей дневник прекрасно проиллюстрирован рисунками на различные темы. «У каждого из нас, детей, – пишет Т.А. Жданова, – был альбом своих революционных стихов и песен, рисунков, дневники революционных событий, иллюстрированные карандашом и красками. Мы все много читали, рисовали и беседовали с отцом о политике».² Мать учила детей истории, географии, французскому языку. От неё дети переняли и любовь к музыке.

Много времени с детьми проводила няня Александра Михайловна Белова (1849–1932), часто упоминаемая в дневнике Анны Ждановой под именем Александры. Как вспоминала Т.А. Жданова, няня «была по существу членом нашей семьи. Александра Михайловна прожила в нашей семье до 1932 года и скончалась в городе Перми Уральской области около 83 лет от роду. Мы, все дети, находились под большим влиянием Александры Михайловны. Она была очень добрым, сердечным и любящим человеком. Она была совершенно неграмотна, не умела считать деньги и всё «жалованье» прятала обычно в чулок. Деньги Александра Михайловна почти ни на что не тратила, и только когда из Московской губернии приезжал её брат Прохор Белов – бедный крестьянин-батрак, она со слезами встречала его и, не считая, отдавала ему все свои сбережения и кое-какие вещи. Александра Михайловна имела силь-

¹ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 62. Д. 62а.

² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 75. Л. 12.

ный, звучный голос, в молодости была запевалой на селе и любила петь старинные русские песни».¹

Семейное счастье омрачилось в марте 1909 года, когда вернувшийся из служебной командировки Александр Алексеевич Жданов пожаловался на сильное утомление, слёг и через несколько дней умер. Забота о детях, их последующем благополучии и образовании легла на плечи Екатерины Павловны. Остро встал вопрос: как жить и на что существовать. Для детей смерть отца стала настоящим потрясением. 17 марта 1910 года Анна написала: «Уже год прошёл. Долго, а чем дальше, тем острее и невыносимей то, что камнем лежит на душе».

Сёстры решили поступить работницами на одно из известнейших производств художественного фарфора — Кузнецовскую фарфорово-фаянсовую фабрику, располагавшуюся недалеко от Корчевы, но получили отказ в отдельных видах на жительство как несовершеннолетние.

Вскоре младший брат Александра Алексеевича Иван Алексеевич Жданов, или «дядя Ваня», как называет его в дневнике Анна, проживавший с семьёй в Переславле-Залесском Владимирской губернии и занимавшийся преподавательской деятельностью, предложил кому-либо из племянников переехать к нему. Старшая сестра Татьяна уехала к дяде и стала учиться в гимназии. Анна, Елена и Андрей начали готовиться к поступлению в учебные заведения Твери. Именно этот этап их жизни и отражён в дневнике Анны 1910 года.

Дневник Анны Ждановой представляет собой толстую тетрадь в триста двадцать четыре листа небольшого формата, в тёмно-коричневой потёртой обложке, с пожелтевшими от времени страницами, испещрённую мелким почерком, наполненную интересными наблюдениями, юношескими переживаниями, мечтаниями и надеждами в попытках найти себя и самоопределиться. Дневник охватывает период с 2 февраля по 30 августа 1910 года. Записи Анна вела почти каждый день, иногда с перерывами в один-два дня, но ничто не ускользало от внимания безусловно впечатлительной и умной девушки: ледоход на Волге, забавные происшествия, прогулки, катание на лодке, различные встречи, городские праздники, и конечно, события, о которых она регулярно читала в газетах, — забастовки, демонстрации рабочих, выступления социал-демократов, деятельность Государственной думы. В дневнике также много стихов, в основном написанных самой Анной и посвящённых тяготам жизни простых людей, красоте родной природы, ситуациям из жизни автора.

С юности Анна Жданова отличалась радикальными взглядами, по характеру была человеком самодостаточным, целеустремлённым, начитанным, имеющим и способным отстоять своё мнение, одновременно эмоциональным, романтичным, творческим, склонным к необычным для девушки занятиям, например, к занятию боксом. Ведение дневника было для Анны не просто привычкой. Это была потребность выразить своё отношение ко всему, что её окружало, причём границы мира Анны простирались далеко за пределы уездного городка. Её интересуют события в Твери, Петербурге, Москве, Екатеринославе и даже в Германии, Бельгии, Италии. Вести полноценный личный дневник, тратя на это время и силы, день за днём фиксируя происшествия и

¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 75. Л. 3–4.

переживания, будет не каждый. Для этого нужен прежде всего соответствующий склад характера и «состояние души». Определённо, что такое «состояние души» было у Анны Ждановой.

Листая пожелтевшие страницы, вчитываясь в местами плохо сохранившийся текст и расплывающиеся чернила, мы знакомимся с некоторыми фактами из жизни семьи Ждановых. В тот период семья решала один из главных вопросов – вопрос о поступлении в учебные заведения Анны, Елены и Андрея. Выбор учебного заведения был продиктован в том числе финансовыми соображениями, поскольку семья была не богата, а после смерти отца на какое-то время вообще лишилась финансовой поддержки. Пенсия Екатерине Павловне и её четырём несовершеннолетним детям, учитывая заслуги Александра Алексеевича Жданова, была назначена осенью 1909 года. Записи Анны отразили напряжение и волнение за своё будущее и будущее сестры и брата. «Уже скоро надо будет подавать прошения, а к 15 мая являться пред очи экзаменаторов. Теперь счастьем можно назвать выдержку экзамена, потому что собственная радость и облегчённый вздох со стороны родных составит порядочный триумф», – пишет Анна 7 марта. «От Андрея что-то долго нет никаких известий, мы начинаем беспокоиться. 11-го он должен приехать, если не придет и не пришлёт известий, надо будет «бить сполох», – пишет она 10 мая. Определившись, сёстры усиленно готовились к предстоящим экзаменам в Тверскую Мариинскую женскую гимназию: читали, решали задачи по геометрии, учили церковно-славянский язык. Андрей занимался французским и немецким языками, готовясь к поступлению в Тверское реальное училище. Свободное время они проводили вместе: катались на лодке, рисовали, разучивали пьесы на рояле, участвовали в различных забавах, играли в карты, читали и обсуждали прочитанное. Среди книг – произведения классической литературы, например, «Айвенго» В. Скотта, произведения А.М. Горького и А. Серафимовича, а также публицистика, серьёзные работы по философии, психологии, политэкономии: «Капитал» К. Маркса, «Наши цели» А. Бебеля, «По ту сторону добра и зла» Ф. Ницше, «Ценность жизни» Е. Дюринга и другие. Не оставались без внимания стремящейся к познанию Анны и периодические издания: журналы «Русское богатство», «Современный мир», газета «Русское слово». «18 лет скоро! – пишет она, – а многого не знаю, да вообще-то не знаю почти всего, хоть бы специализироваться на чём-либо! Да уж очень всё интересно». На страницах дневника Анна много рассуждает на общественно-политические темы, о нравственности, любви, долге, смысле жизни, высказывает мнения о прочитанных книгах и статьях, что характеризует становление личности девушки, видящей смысл своей жизни в совершенствовании себя, полной самоотдаче, самопожертвовании и полезном труде. Несмотря на резкие насмешливые высказывания о церкви, священниках и православных традициях, Анна стремится к святому для неё благородному и бескорыстному служению людям. «До старости мы будем бороться, осуществлять наши убеждения на деле, может быть, мы погибнем в борьбе за правое дело, не дожив до старости. Да и даже постараемся погибнуть, потому что жизнь наша должна принадлежать только народу», – пишет она в дневнике.

Безусловно, интерес вызывает характеристика, которую даёт Анна брату Андрею. На момент написания дневника ему четырнадцать лет. Он немного

Большая улица в г. Корчева

неуклюж и в чём-то робок, но уже беседует с рабочими из мастерских, заводит разговоры с пришедшими из деревни крестьянами о их жизни и политических убеждениях. Он готовится к поступлению в реальное училище, а свободное время проводит со старшими сёстрами, участвует с ними в прогулках, походах, забавах, и даже в дерзких, хулиганских выходках. Так, например, Анна подробно описывает, как она, Елена и Андрей дразнили полицейского надзирателя. Сёстры с братом часто развлекали себя необычными прогулками, изображая из себя рабочих. Анна и Елена переодевались в мужскую одежду, подкрашивали себе и брату усы, и щеголяли в таком виде по улицам Корчевы, вызывая интерес и удивление прохожих. Последний случай был проиллюстрирован Анной в дневнике. Она изобразила себя, Елену и Андрея переодеванными в рабочих.

Дневник Анны Ждановой знакомит нас также с повседневной жизнью тихого уездного городка Корчева и его жителей. В начале XX века в Корчеве проживало около двух с половиной тысяч человек. Население занималось садоводством и огородничеством. Большинство жителей держало рогатый скот, а некоторые занимались рыболовством и охотой. Город был преимущественно деревянный, в нём было несколько церквей (Воскресенский собор, Преображенская, Казанская и Острожная церкви), Торговая площадь, улицы Большая (на ней жила семья Ждановых), Дворянская, Бутырки и Набережная, пристань, несколько небольших промышленных заведений, лавки, постоянные дворы, тюрьма, больница, женская гимназия, мужское училище, типография. В двенадцати километрах от Корчевы находилась знаменитая фарфорово-фаянсовая фабрика Кузнецова.

Анна пишет о городе с добротой, в то же время несколько иронично, подсмеиваясь над провинциальностью, суеверностью, доверчивостью его жите-

лей. Так, записи в дневнике рассказывают о появлении в небе над землёй кометы Галлея, прохождение которой было зафиксировано астрономами в мае 1910 года, и о том, как жители Корчевы ожидали этого события.

Запись от 5 мая: «Прохождение хвоста кометы через землю. Ждём этого прохождения и в два часа ночи пойдём смотреть на комету. Все говорят о ней с тайной мыслью «как бы чего не было». Ожидают урагана, грозы и вообще чего-то страшного. Интересно ждать, что вообще будет, какими явлениями будет сопровождаться прохождение хвоста».

Запись от 7 мая: «Заря светлела всё больше, у Преображенья ходили гимназистки в шляпах-«барабанах», синие от холода, в ожидании светопрестваления, одна бегала от дома до реки, говоря, что ждёт с раннего вечера чего-то и совсем замёрзла. Другая в бурке сидела верхом на лавочке, по-видимому, решив, что такое положение наиболее приличествует для встречи кометы. Тянулись, как тени, пьяные солдаты с бутылками водки в карманах, все были унылы перед смертью, мы одни только хохотали над комизмом этих фигур...».

Отметим также, что Anne Ждановой было свойственно подмечать красоту в различных её проявлениях, чувствовать её, что нашло отражение в подробных описаниях природы в окрестностях Корчевы и природных явлений – нехата, грозы, радуги, солнечной погоды, заката.

Без внимания нельзя оставить ещё одну особенность дневника. Он интересен в художественном отношении: наполнен рисунками и цветными иллюстрациями, выполненными акварельными красками, карандашом и чернилами, поражающими техникой, мастерством, вдохновением, эмоциональностью, смыслом. В дневнике насчитывается более ста восьмидесяти изображений. Перед нами жители Корчевы: рабочий парохода, каменщик, почтальон, кочегар, дворник, молодые барышни. Много зарисовок на бытовые и отвлечённые темы. Проиллюстрированы случаи, которые либо происходили с автором дневника, либо Анна была их свидетелем. Каждому рисунку дано название, например «Крестьянин», «Рабочий», «Свадебная тройка», «О ночь волшебная!», «Масленица», «Унылые фигуры» и другие. Помимо рисунков дневник содержит вклеенные фотографии из газет, изображающие сцены из жизни рабочих. Анна сама увлекалась фотографией и даже была обладательницей фотоаппарата «кодак».

Завершает дневник Анна записью от 30 августа:

«Приехали из Твери на праздники. Учимся в Твери. Экзамен по-славянски сдали «превосходно», как нам объявил директор, экзаменовавший нас. С 18-го стали ходить в классы. Завожу новый дневник для Твери, а этот останется недописанным. Нельзя везти лишнего в Тверь. Вот как решилась наша судьба: по-нашему. Я вполне удовлетворена... Хорошее чувство. Подробно буду писать в новом дневнике...».

Для Анны Ждановой начинался новый этап жизни...

Селунская Е.А.

Юношеский дневник Анны Ждановой¹

Das Jangubuch²

2 февраля

Солнечный холодный день. Утро было пасмурное в 15° мороза, потом разъяснило. Встали в 8 часов утра, проделали гимнастические упражнения, к чему мы стали мало-помалу привыкать. Опустили на почте письмо к Татьяне.³ Стали рисовать подарок к именинам тёти Лиды⁴ – традиционные цветы довольно сложного рисунка.

Именины тёти Лиды 25 марта. Хотим отослать рисунки в большом пакете, предварительно перевязав их пошлой сиреневой ленточкой, надушив фиалкой. Чтобы точка в точку всё было именинное и «благоухало». Кстати же, Елена⁵ рисует как раз фиалки.

3 февраля

Спалось плохо. Нынче гораздо теплее вчерашнего, к вечеру поднялось до 4° мороза.

Результаты выборов в сейм наконец окончательно выяснились. Социал-демократов – восемьдесят шесть человек, из них десять женщин.

Состав сейма мало разнится от недавно распущенного, что доказывает о неизменных симпатиях финского народа к своим прежним избранникам.⁶

¹ Публикацию подготовила ведущий архивист сектора информационной работы и создания информационно-поисковых систем ТЦДНИ, кандидат исторических наук Е.А. Селунская. Подлинник находится на хранении в ТЦДНИ, Ф. 114. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–324. Дневник охватывает период с 2 февраля по 30 августа 1910 года. Печатается с сокращениями.

² Предположительно, ошибочное написание Das Tagebuch (нем.) – дневник.

³ Здесь и далее Татьяна Александровна Жданова, старшая сестра А.А. Ждановой.

⁴ Тётя А.А. Ждановой, супруга младшего брата её отца, коллежского асессора Ивана Алексеевича Жданова. Дядя и тётя А.А. Ждановой жили в городе Переславль-Залесский Владимирской губернии, где И.А. Жданов занимался педагогической деятельностью. В семье И.А. Жданова некоторое время воспитывалась Татьяна Жданова.

⁵ Здесь и далее: Елена Александровна Жданова, младшая сестра А.А. Ждановой.

⁶ Речь идёт о парламентских выборах в Финляндии, прошедших 1–2 февраля 1910 г.

Подпись на обороте:
Браунинг. 2 ф. 1910 г.

Около Екатеринослава¹ в Щербинском руднике убили скрывшегося в старой шахте рабочего Борисенко. Убежав туда от преследования полиции, он держался в засаде десять дней, отстреливаясь при попытках полиции извлечь его из шахты. Он выпустил сто сорок патронов и ранил за это время нескольких стражников. Борисенко преследовался полицией, как один из совершивших нападение на почту.

Нынче к Андрею,² когда он шёл вечером в библиотеку, пристали двое хулиганов, из которых один служит в почтовом отделении, и поговорив, предложили ему за рубль подписаться в «Союз русского народа». Андрей зачем-то сказал: «С удовольствием». И они разошлись. В расспросах, с которыми хулиганы пристали к Андрею, чувствуется какое-то провокаторство.

5 февраля

*За десять вёрст, из-за дальних лесов
Слышно, как грустно гудок заливается,
Словно далёкий томительный зов
В душу открытую громко вливается.
В сумерках грустных картина встаёт
Трубы фабричные, все закоптелые...
Тихо рабочий, понурясь, идёт,
Думы на сердце тяжёлые, серые...
«Вечно терпи...» напевает гудок...
Мне же он думы приносит мятежные:
Эх, поднялись ещё бы разок
И расковали бы цепи железные.*

В Екатеринославских рудниках забастовки.

Нынче исполнилось одно из зимних желаний – покататься одним на лошади. Из Харитоново³ приехал Николай Вукалов⁴ с дровами и позволил нам покататься на одной из лошадей. Мы живо набились в дровни и

¹ Прежнее название города Днепропетровск.

² Андрей Жданов, младший брат Анны.

³ Населённый пункт в Корчевском уезде Тверской губернии.

⁴ Личность не установлена.

поехали по городу. Я правила. Кляча была не из рысистых, но всё же бежала. Мы воображали себя крестьянами. Было очень весело. На Дворянской¹ хотели было обесеть дровни мальчишки из приходского училища, но Елена отмахалась кнутом, восклицая сурово: «К чёрту, к чёрту!». Лошадь всё время ржала. Мы заметили, что она стремилась заворотить в каждые отворённые ворота и на наш двор влетела быстрой рысью. Покатались! После обеда пошли на каток. Народу было немного. А вечером переоделись в парней и прошлись по городу... Была комична Андреева папаха, которую мы соорудовали из трёх белых шапок. Это была какая-то тиара.² Но в общем было неузнаваемо...

Погода, как видно, долго будет тёплая.

7 февраля

Воскресенье. Всюду свадьбы. Толпы любопытных стоят у церквей и критикуют всё, что ни попадёт под руку. Невесты выходят поддерживаемые кучкой родных, женихи в белых воротничках и в растрёпанных причёсках дико блуждают глазами и, по-видимому, ничего не видят. Лошади украшены цветами, и ямщики нарочно бесят их для большей лихости. Какой-то оригинал в жёлтом бросается через дорогу подъезжающей к церкви тройки, крича мальчишкам «Ну-ка, сыпьте!» Мальчишки с визгом, почти под ногами лошадей, бегут за мужиком. Наверное, какой-нибудь неизвестный нам обряд, довольно дикий.

Нынче катались на катке. Лёд был хуже вчерашнего, но кататься было ничего себе, если бы только не теплынь на улице, с которой каждое быстрое движение бросает в жар. Было много глазеющей публики. Нынче в клубе вечер в честь А.П. Чехова. Будет представление, чтение и прочее. О значении А.П. Чехова прочтёт Симонов.³ Он нынче, встретясь с мамой, сказал, что школьная атмосфера изменилась к лучшему... Прибавил, что хотел бы почаще ревизий для «очищения воздуха». Посмотрим, что будет в гимназической жизни далее. Нынче погода очень тёплая, сырая, настоящий февраль, вчера голубели дали, сильно капает.

В Питер приехали французские депутаты, не знают ни слова по-русски, напоминают каких-то пошехонцев в освещении репортёров.

Тётя Анна⁴ недавно прислала письмо, конечно, кислая, тяжёлая, как постная отрыжка, нотация, «всем сёстрам по серьгам». Мама решила поэтому больше не заставлять нас писать ей письма. Ага, брат! Компромисс нам был тяжёл, но он доказал маме правдивость наших слов, что поповский мир слишком далеко стоит от нас, чтобы мы друг друга уважали.

¹ Улица в городе Корчева.

² Тиара — головной убор папы римского яйцеобразной формы, увенчанный небольшим крестом и тремя венцами и имеющий сзади две ниспадающие ленты.

³ Симоновы — знакомые семьи Ждановых. Вероятно, речь идёт об Алексее Николаевиче Симонове — педагоге, председателе педагогического совета Корчевской женской гимназии.

⁴ Вероятно, родственница.

Крестьянин. 6 ф. 1910 г.

«Ты находишь удовлетворение в христианском смирении, потому что ты раба: во-первых – выдуманного Бога, во-вторых – своего мужа, в третьих – мещанских традиций.

Просим не гордиться своими цепями; они слишком жалки и не нужны никому... «Рождённый ползать – летать не может...» Вот весь ответ, который можно от души послать ей, но... мы будем хранить «гордое молчание».

Мне почему-то в каждом сне снится одна мастерская на Большой улице.¹ Не понимаю, отчего она произвела на меня такое сильное впечатление, но факт налицо. Я мечтаю о лете, только в этих мечтах, как преграда, встают экзамены. Вот ежели бы выдержать! Это был бы фунт!! Моя самоуверенность хотя не имеет границ, однако поджигает хвост при мысли об этом Рубиконе.² «О, если б, если б...», вздыхаю я. Сквозь эту мысль всё же прорываются картины летнего раздолья, и уже я чувствую, что дикие силы, задремавшие во мне зимой, начинают действовать на меня, и вскоре моя личность вполне будет определяться нелестным прозвищем – «бесшабашного хулигана». Прискорбно, но надо называть вещи собственными именами. Нужна была бы железная дисциплина для моей размашистой натуры. Я найду эту дисциплину своим желанием – вступлением в нашу партию,³ будь это хоть через три года, а пока – «ветер свищет в голове».

10 февраля

Солнечный день, похолодало. Решили идти кататься на коньках, когда немножко за вечереет, так как солнце с каждым днём становится всё ослепительней и ослепительней, так что текут из глаз слёзы. Вечер был розовый и морозный... На катке было довольно много народа. Лёд оказался тяжёлым и при всём при этом нам совсем почти не пришлось кататься, так как к нам подседа Печетовская.⁴ Мы с ней преимущественно говорили об учёбе и о всяческих книгах. Довольно бессодержательный разговор. Катались вчетвером. На нас один раз налетело кресло, и Елена ушибла себе ногу. Толстый башмак спас её от синяков. Печетовская катается так же, как и мы.

¹ Улица в городе Корчева.

² Известное выражение «перейти Рубикон», означающее некоторое бесповоротное решение, готовность к решительным действиям.

³ Имеется в виду Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП).

⁴ Знакомая сестёр Ждановых.

Шли с катка вместе. Настали лунные ночи. Всюду белые снега, с одной стороны заря, с другой – месяц. На снегу лёгкие, едва заметные тени голубого цвета. Холодная картина. В газетах буквально нет ничего интересного.

*Залились бубенцы у голов нашей тройки,
Что, как вихрь, понеслася в морозную даль,
Промелькнули последние сбоку постройки,
Ты закуталась крепче в ковровую шаль.
Смутно сбруя блестит. Пристяжная согнулась,
Морда в пене, копыта стучат по пути...
Из забытья душа как-то сразу очнулась,
О, лети, моя тройка, лети!
Твоя шуба покрылась серебряной пылью,
Побелели ресницы тоскующих глаз.
Наконец-то мечты оказались былью,
Ведь об этом, родная, мечталось не раз!
Хоть могила весною тебя ожидает,
И другой уж любви никогда не найти,
Но теперь я с тобою, и сердце рыдает...
О, лети, моя тройка, лети!*

Фельетоны перемалывают однотонно всё старое: просвещение, трудность развода, произвол администрации да союзники. Надоело это всё до смерти. Одинаковые фразы, обороты и «пускание блеска»... Вообще мой сплин¹ не проходит по части чтения, перед каждой книгой зеваю, а потом уже приступаю к чтению.

14 февраля

Воскресенье и день рождения Андрея. Три дня бушует ветер с юго-востока. Иногда почти горизонтально летит острый снег. Нынче стало немного тише и теплее, но вчера и третьего дня погода была возмутительная. Деревья шумели, ветер бешено выл, заноса снегом дороги. Настало время февральских метелей. Вчера и нынче занимались выделкой ружья из бумаги. Вышло очень похоже, в натуральную величину. Повесили его на стене. Теперь висит, поблёскивая металлическими нашивками, заменяющими курок, спуск и украшение. Всё это мамина пряжка от пояса, из-за которой она уже ругается, пряжка от нашего кушака и часть швейной машинки, которую мама ещё не заметила, к счастью. Со стороны можно подумать, что ружьё только что выписано из магазина. Работа выполнена удачно, только неприятен конфликт из-за пряжки...

Нынче в городе суматоха. Разыгрывается в городской Думе лотерея в пользу недостаточных учениц гимназии. Все так туда и потекли, по

¹ Хандра, уныние, тоскливое настроение.

возможности в хороших туалетах и завитыми причёсками. Ходят стражник и полицейский, как будто для корчевского стада нужны собаки! Купцы ковыряют снег своими конями-гиппопотамами. Зрелище величественное, если бы только от великого до смешного не было одного шага. Мы поохотали во всяком случае от души. Завтра, наверное, придёт от Татьяны письмо. Она обещала прислать на нынче, но что-то «замешкалась».

Вчера у нас была баня. Поддавали пару вовсю. В газетах – затишье, ничего в волнах не видно. Занятия наши идут понемногу. Нынче я сделала две-три задачи по геометрии...

Недавно, а именно 8 февраля 1910 года, Августу Бебелью¹ исполнилось 70-летие, которое праздновалось им. Пришлось праздновать в самый разгар борьбы ревизионистов с ортодоксами,² когда в числе других Август Бебель подвергся жестокому политическому обстрелу... Социал-демократы России послали Бебелью приветственную телеграмму...

15 февраля

Мама, оказывается, принимает наше ружьё за настоящее, хотя мы ей возвратили злополучную пряжку. Но она так поражена, что расспрашивает втихомолку только у Андрея, откуда мы взяли его. Сохраняем пока таинственность.

Нынче погода солнечная с ветром, довольно холодная. Всё же порядочно погуляли...

16 февраля

Солнечная тихая погода, гулять прямо великолепно. Мы после обеда пошли в поле на ту сторону Волги и дошли до Колякова.³ Некоторое время шли лесом. Картина леса была очень хороша. Ели и сосны со снегом на ветвях зеленели на вечернем солнце, а в глубине уходящих стволов ложились густые, но мягкие синие тени. Широкая дорога вилась среди розоватых снегов и между хвойной зелени в заманчивую даль, но надо было возвращаться домой. Прошли вёрст восемь взад-назад. Вечером написали Татьяне письмо. Завтра опустим на почту. Занимались изрядно. Я думаю иногда, что гениев нет на свете, и прихожу к тому выводу, что целая масса понятий совершенно... условны. Потому я отбросила размышления по поводу таких отвлечённостей, как нравственность, добро, долг и противоположности тому подобным понятиям. Вообще на мораль я смотрю

¹ Бебель, Фердинанд Август (1840–1913) – деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Социал-демократической партии Германии.

² Ревизионисты – последователи ревизионизма, провозглашающие необходимость пересмотра (ревизии) идей марксизма, отступающие от исходных его постулатов. Ортодоксы – люди ортодоксальных взглядов и убеждений, приверженцы основ какого-либо учения. В данном случае речь идёт об убеждённых сторонниках марксизма.

³ Населённый пункт в Корчевском уезде.

всё более и более недоверчиво, особенно на её предписания и уставы. Приходит некоторое разочарование в метафизике¹ по этим интересным вопросам; я вижу везде только одни предположения, ни на чём почти не основанные и имеющие только одно достоинство – логичность изложения. Но не всё правильно, что логично. Опыт и пример – вот что может мне внушать почтение, и потому с сожалением я перехожу от этики и философских теорий к физиологии, биологии, естествоведению и математике. С сожалением, потому что мне нравились красивые рассуждения и выводы, которых я не найду в «опытных» науках. Мне хочется, чтобы мне «ничего не казалось», а всё было бы основано на настоящей доказанной правде.

Одно только, во что я верю без всяких сомнений, это – победа социализма в будущем, в других же отношениях я – атеистка до maximum'a.

Давайте купим револьвер!
10 ф. 1910 г.

18 февраля

Погода очень хорошая, утром было пасмурно, но потом тучи ушли. Солнце светило до самого вечера, сильно капало, тротуары на южной стороне все в лужах. Небо бледно-синее, какое-то безмятежное. Вечером перламутровые облака столбами тянулись по небу и была красивая оранжево-розовая заря, вся в узоре ветвей. Капелла² сияла в самом зените, а на юге в белой дымке уходящих облаков тревожно переливался всеми цветами радуги Сириус.³ Звёзды, казалось, висели в потемневшем прозрачном небе, тишина – невероятная. Мы, само собой понятно, много гуляли. В газетах ничего нет. Сообщается, что в Корчевском уезде завелась новая секта «подпольников», которым покровительствует какая-то московская богатая купчиха. Мы что-то не слыхали. Я читаю «Айвенго» Вальтера Скотта.⁴ Довольно интересно... «Рыцарь, Лишённый Наследства, положительно таинственничает, как бы с целями, и упорно прячет лицо своё под забралом...».

¹ Метафизика – философское учение о сверхчувственных (недоступных опыту) принципах и началах бытия. В истории философии термин «метафизика» часто употреблялся как синоним философии. В марксизме понятие «метафизика» обозначает противоположный диалектике подход к действительности.

² Самая яркая звезда в созвездии Возничего Северного полушария.

³ Звезда в созвездии Большого Пса Южного полушария неба.

⁴ Вальтер Скотт (1771–1832) – британский писатель. Считается основоположником жанра исторического романа.

*Так без разрешения
не продадите? 10 ф. 1910 г.*

19 февраля

*Нынче дали крестьянам свободу,
Девятнадцатого февраля,¹
Лишь не дали землицы народу,
Ведь нужна со свободой земля.*

Нынче тепло, идёт всё время снег хлопьями, капает, 0,5° мороза. Гуляли не особенно много. Тяжёлая дорога и тротуары мокрые. Марья² о нашем ружье, которое увидала нынче, говорит, что Андрею надо будет из него стрелять дроздов. Сначала она подумала, что ружьё ещё было куплено папой, но Александра³ уверила её, что это мы на днях выписали. Поверила, старая баба! В Государственной Думе идёт вопрос о смете Синода.⁴ Церковная жизнь освещается речами прогрессивных депутатов как нельзя лучше. Всплывают все её мерзости и «скверны»...

Нынче утром почти всё время я решала геометрические задачи, сделала только две, исчертив предварительно страницы три-четыре в тетради.

21 февраля

Воскресенье. Татьяна прислала письмо, в котором пишет, что надежды наши держать экзамены в Переславле-Залесском вряд ли осуществимы. Бабушка напрямик против этого, дядя Ваня⁵ таинственно молчит и совершенно бездействует на счёт <...> собрания <...> разных сведений. Мы Татьяне ответили, чтобы она скорей наваляла маме письмо о невозможности держать в Переславле, чтобы нам можно было свободнее разузнать о вакансиях в других местах. Ну и катавасия! Бабушка пи-

¹ Речь идёт о крестьянской реформе 1861 г. в России.

² Прислуга.

³ Александра Михайловна Белова (1849–1932), няня в семье Ждановых.

⁴ Синод – высший орган церковного управления.

⁵ Иван Алексеевич Жданов, младший брат отца А.А. Ждановой. Коллежский асессор И.А. Жданов окончил Московскую духовную академию. Свою педагогическую деятельность начал в Харькове. Преподавал греческий и русский языки в Переславском духовном училище. С 1914 г. заведовал созданной по его инициативе местной земской библиотекой. По своим взглядам был социалистом. После революции 1917 г. И.А. Жданов стал начальником уездного отдела народного образования и активистом общества «Пезанпроб» (Переславль-Залесского научно-просветительского общества). В 1920-е гг. изучал Переславский уезд, проводил работу по организации краеведческого музея и «естественно-научной» лаборатории при нём, оставил немало тетрадей по местным растениям и местному народному фольклору. В доме И.А. Жданова неоднократно гостил его племянник Андрей Жданов.

шет дяде Ване таким образом: «Сашиним девицам держать экзамены в Переславле-Залесском неудобно. Заботой о них мы ничего не сделаем, потому что желания ихней мамы противоречат с нашими желаниями (это подчеркнуто). Нас озабочивает Андрюша более чем девицы, да что мы сделаем своей заботой, то ведь дело-то не подвинем, а девицам удобнее держать экзамены в той местности, где служил их папа, например, в Твери, там могут их принять, если не на полное казённое содержание, то хоть на полуказённое, а в другой губернии это сделать очень трудно, даже и невозможно. Я ценю вашу заботу, знаю, что она исходит от нежного доброго сердца, но осуществить её невозможно по многим причинам».

Ну, и сидите со своими добрыми и нежными сердцами! Посмотрим, что будет далее.

Нынче – спектакль в гимназии. Симонов занёс маме входной билет, и она пошла туда. Когда придёт, разузнаем о ходе спектакля. Мы сидели вечером на лавочке... Татьяна,¹ шедшая откуда-то, с нами немного поговорила. Оказывается, в Корчеве деятельно стараются об открытии мужской гимназии. Богач Солодовников² завещал капитал на три губернии с тем, чтобы на этот капитал были устроены женские гимназии. В состав трёх губерний вошла и Тверская. Корчевитяне хотят сделать такой памфлет. Затребовать капитал на открытие женской гимназии, построить на эти деньги здание для гимназии и всю обстановку, а бывшее здание гимназии сдать под мужскую. Интересно знать, удастся ли им что-нибудь сделать на этот счёт. Дело в том, что те лица, у которых находится вклад Солодовникова, очень крепко держатся за него, так что вышибить его представляет большие трудности.

Из Петербурга сообщают, что Нева вскрылась и пошла. Это очень рано. Пожалуй, Волга может пойти в середине марта. Вчера было четыре градуса тепла, нынче холоднее. Утром шёл густой, почти непроницаемой стеной снег. Дороги пожелтели. Вечером ветер переменял и подморозило. Ветер сильный, юго-восточный. Нынче утром после обеда были на кладбище. Поехали назад на извозчике за десять копеек. Ехали быстро, так что мальчишки заметили: «Ишь, тюфяки едут, а как быстро!». Лестное прозвище, чёрт возьми! Но не без юмора, если говорить откровенно...

Мы с Еленой решили изучать в совершенстве социальные вопросы и всё, что к ним относится. Елена начала читать «Женщина и социализм» Бебеля, я – «Философию истории» Маркса и Энгельса. Надо после этого основательно взяться за «Капитал» Маркса с целью узнать все мнения Маркса по многим вопросам социологии и политической экономии.

¹ Родственница прислуги Марьи.

² Солодовников Гаврила Гаврилович (1826–1901) – купец 1-й гильдии, предприниматель, домовладелец, активно занимавшийся благотворительностью. На его средства были построены театр в Москве на улице Большая Дмитровка (ныне Государственный академический театр «Московская оперетта»), клиника при медицинском факультете МГУ, ряд домов для бедных в Москве, сиротский приют, несколько училищ в четырёх губерниях России.

*В тюрьме Шлиссельбургской,
в казарме глухой,
среди дисциплины и будничной
прозы, я всё вспоминаю
те чудные розы... 14 ф. 1910 г.*

В газетах говорится о маскараде, который устраивает «Сатирикон»,¹ он идёт нынче. Воображаю, что там теперь такое! Весь юмор Радаковых и Аверченко² будет пущен в ход. Я бы хотела там побывать.

В Берлине были демонстрации социал-демократов. В одном из садов собралось двести тысяч человек протестующих против настоящего избирательного права и требующих его реформы. Собрание произошло без дозволения и разрешения полиции, после того как полиция отказала социал-демократам в этом.

Вот это ловко!

23 февраля

В Государственной Думе недавно шли прения о внутренней политике правительства. В газете пишут, что такой критики, какой подвергнули депутаты правительство, вряд ли бы пожелало какое-нибудь государство в мире. Я запишу речь Н.С. Чхеидзе³ и часть речи Родичева,⁴ как наиболее резкие и интересные. Н.С. Чхеидзе: «Мы выслушали представителей почти всех фракций, и в том числе изящную речь депутата Маклакова⁵, который говорил, что правительство провалилось на экзамене реакции, а общество — на экзамене революции. Всякое государство состоит из правительства и общества: очевидно, провалились все, а с ними вместе и депутат Маклаков с своими воззрениями на реакцию — вероятно в этом и источник его разочарования. Я вообще удивляюсь, откуда взял господин Маклаков, что общество авансировало правительству безграничное доверие; я по-

¹ «Сатирикон» — русский еженедельный сатирический журнал, издававшийся в Петербурге с 1908 г. В 1913 г. часть сотрудников основала журнал «Новый сатирикон», выходивший до 1918 г.

² Радаков Алексей Александрович (1879–1942) — художник и редактор сатирических журналов «Сатирикон», «Бегемот», «Смехач»; Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) — русский писатель, сатирик, театральный критик, редактор журналов «Сатирикон» и «Новый сатирикон».

³ Чхеидзе Николай Семёнович (1864–1926) — политический деятель России и Грузии, один из лидеров меньшевиков. Депутат Государственной думы III, IV созывов.

⁴ Родичев Фёдор Измаилович (1854–1933) — российский политический деятель. Депутат Государственной думы I, II, III, IV созывов. Один из основателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). Считался одним из лучших думских ораторов.

⁵ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — российский адвокат, политический деятель, депутат Государственной думы II, III, IV созывов, один из популярных думских ораторов.

лагаю, что депутат Маклаков сам авансировал это доверие, а общество об этом и не думало. Факт был простой: правительство восторжествовало, благодаря штыкам и пулемётам, и народу был зажат рот. Депутат Маклаков взывал к той фракции, которая три года только тем и занимается, что прислуживает правительству. Неужели он не понимает всей тщеты своего обращения. Напрасно депутат Маклаков думает, что все провалились на экзамене. Есть и такие, которые блестяще выдержали экзамен революции, а блестящий экзамен реакции выдержало правительство и господа, сидящие справа.

Господин Крыжановский¹ не захотел ответить на вопросы господина Маклакова, но за него ответил господин Марков.² То, чего не договорил господин Крыжановский, от его имени договорил Марков. Подводя итоги прошлогодней политике правительства, социал-демократы приходят к заключению, к которому они приходили неоднократно: отказать правительству в утверждении сметы, выразить ему этим полное недоверие и обратиться с этой трибуны ко всем живым силам страны с призывом объединиться, организовать для решительной борьбы с правительством, которая одна только может вывести страну из того тупика, в котором она находится».

В речи Родичева интересен только конец, а именно: «... горе стране, если она не сумеет заставить правительство повернуть с этого ужасного пути...».

Спектакль в Корчевской гимназии прошёл, по маминому мнению, хорошо <...> Представляли «Снегурочку» А.Н. Островского. По-видимому, содержание самое пошлое и сентиментальное: любовь, весна, пары, смерть из-за любви и тому подобная дичь, которая только и может казаться привлекательной от той мишуры, которой облачают её поэты. Маме, однако, понравилось. Представляли гимназистки, из которых большинство нам известны.

Мы с вчерашнего дня начали «обжорную неделю». Я на первых порах побила рекорд – съела двадцать блинов и почилла на лаврах. На этот день меня хватило только до двенадцати штук. Началась масленица. Некоторые стали печь блины уже с субботы. Катанье предполагается с четверга. В субботу был рыбный базар на всю Корчеву. Разговоры были весь день только о рыбе. Все закупили рыбы, по крайней мере, до пуда каждый, мы купили двадцать три фунта разного сорта.

Погода нынче хорошая, особенно хороши были ночь и вечер. Было тепло и ясно. Почерневшая дорога подмёрзла, и гулко стучали по ней сани извозчиков.

¹ Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) – российский государственный деятель, юрист, товарищ министра внутренних дел, соратник премьер-министра П.А. Столыпина.

² Марков Николай Евгеньевич (Марков II) (1866–1945) – русский политик правых взглядов, крупный помещик, монархист, один из лидеров черносотенцев («Союза русского народа»). Депутат Государственной думы III, IV созывов.

Мария В., 14 ф. 1910 г.

Подробности о демонстрации в Берлине: демонстрация носила грандиозный характер, несмотря на запрещение полиции. В демонстрации участвовало более двухсот тысяч человек. После того как президент полиции объявил о своём нежелании допустить демонстративные прогулки по Трептовскому парку¹, социал-демократический организационный комитет выпустил воззвание с приглашением собраться в Тиргартене², но только часть организованных рабочих была осведомлена о новом месте демонстрации. Поэтому толпы рабочих пешком и по городской дороге направились в большой Трептовский сад. Здесь они были встречены густой цепью пешей полиции, вооружённой браунингами. Толпа стала напирать на полицию с криками: «Да здравствует всеобщее избирательное право!»... Тогда отряды конной полиции произвели несколько атак на толпу и заставили демонстрантов разбиться на несколько групп, которые потом были разогнаны. Полиция, однако,

этим не ограничилась и силой заставила публику удалиться из ближних ресторанов. При столкновениях с полицией многие из толпы получили серьёзные поранения. Демонстрации у Тиргартена сосредоточились главным образом у парламента. Полиция действовала здесь так же, как и в парке.

Главная масса демонстрантов была рассеяна. Теперь отдельные группы рабочих продолжают демонстрировать на окраинах... В Кёльне собралось сто пятьдесят тысяч. Демонстрация прошла в полном порядке.

Бал «Сатирикона» прошёл хуже, чем этого ожидали. Газета эпитирует петербуржцев «твердокаменными». Вполне приятно. Климат не из тёплых!

24 февраля

...Нынче много гуляли. Погода пасмурная тёплая... Мама нынче купила рыбы кеты и зернистой икры. Теперь у мамы, как она говорит, в животе прямо раскалённые щипцы, сиречь, ужасные колики. Мама приписывает их действию кеты и блинов.

¹ Трептов-парк – знаменитый парк в Берлине, расположенный в восточной части города.

² Район Берлина.

...К Александре нынче явился её брат Прохор. Пришёл наполовину пёхом из Сергиевского посада. Совершенно бессловесный с посторонними, крайне робкий мужик. Одежда такая, что когда он вошёл, Александра протянула ему блин, как нищему. Бедность у него в деревне ужасная. Лошади и коровы нет. Наверное, пробудет у нас два дня, а может быть и до воскресенья. Примчала Марья: «Ах, Александрюшка, а я было – за тобой! Приятно вам покушать! Это кто такой сидит?» – «Мой брат!» – «Не может быть! Врёшь! Что ты, Александрюшка, шутишь!» – «Верь не верь! Верно брат, говорю!» – «Глаза похожи у вас да и нос походит!». Бесцеремонно разглядывает Марья Прохора. «У тебя, Александрюшка, глаза такие хорошие, ясные! Ты что же? Пешком пришёл?» Прохор молчит, как могила. Александра отвечает за него. «Ну погости, погости!» – разрешает мило-стиво Марья и уходит. Теперь кухня представляет из себя осаждённую крепость. Впрочем, неизвестно, кто более осаждён. Из нашей комнаты только один выход на кухню и часто ходить неудобно, принимая во внимание, что Прохора от каждого движения «бар» бросает и в жар, и в холод. Совершенно забитый человек...

*Тянет меня веселиться прочь из глухой Корчевы
В шумный поток развлечений нашей столицы Москвы.
Синематограф весёлый с пёстрою лентой живой,
Смейся, смотри, ужасайся, слушай гармоники вой.
Если гармоники звуков, а не гармоник игры
Хочешь послушать с избытком в оперу, братец, иди.
Скрипка там выведет песню, уши гобой протрещит,
Контрабас на месте уложит и фортопьян умертвит.*

25 февраля

Андрей утром говорил с Прохором в сарае, где он точил ножи, и узнал его политические убеждения. Мы начинали пить чай, когда Андрей вошёл в залу и стал выкладывать нам разговор с Прохором по земельному вопросу: «Отобрать всю землю от бар. Нигде таких законов нет, чтобы баре одни владели землёй. Заставить бы их самих пахать на мужицких десятинах.

Правительство теперь за бар, а о крестьянах и не думает. Работают на своих наделах, а прямо около удельные и казённые земли, и к ним нельзя притронуться... Готовятся к забастовке. Все деревни бастовать будут. Уж больно невтерпёж. Почисте 1905 года будет. Все пойдут. Особенно, если война будет. Тогда много солдат откажутся идти на войну и пойдут с крестьянством заодно». Вот приблизительная передача Андрея...

Нам особенно понравилось, что «больше 1905-го будет». Мама заявила: «Что вы особенно радуетесь-то! Ведь пенсию-то отнимут!»¹ – «Вос-

¹ Пенсия семье Ждановых была назначена после смерти главы семьи, бывшего инспектора народных училищ Тверской губернии, статского советника Александра Алексеевича Жданова (1860–1909) осенью 1909 г.

хваляй Бога, что жить-то дадут, помилуют безвредную вдову!», – парировали мы, на что мама, растерявшись, совсем нелогично, отвечала: «Я им сама помилую!» Мы признали её сложившей оружие.

Занятия идут плохо. Неизвестно <...> где держать экзамены. Подорвала последнюю энергию долбить чёртovsky учебники со всеми их дьявольскими глупостями и размазнёй. Я многого из этих учебников не знаю, а время идёт да идёт, и чем больше учить, тем меньше уверенности в знании. Какая-то «каббала». И сейчас вместо того чтобы учить о видах драмы, я пишу сюда...

Я вчера кончила читать «Философию истории» и начну читать Бебеля: «Наши цели».¹

26 февраля

Утром ушёл Прохор. Мы купили его детям конфет для масленицы, и Александра их уложила в мешок, куда набрала всякой всячины из старой одежды. Дала ему двенадцать рублей, почти весь свой капитал. У него же двадцать рублей недоимок, и 10 марта вместе с другими недоимщиками он пойдёт в Александров² отсидывать в кутузке свой срок за неплатёж. Это уже вошло в обычай...

Весна мало-помалу даёт себя знать. Уже, говорят, прилетели на поля грачи. На дороге показались лужи, которые подмерзают к вечеру и приятно хрустят под ногами.

Нынче солнечный день, хотя и тёплый, но с сильным ветром. Не особенно хорошо гулять. Началось катанье. Катающихся не особенно много. Есть тройки в цветах. По углам – кучи праздного народа, смотрящего на катанье. Как-то нудно. Нет ничего весёлого. Все замкнулись в рамках мещанских традиций, и всё идёт словно по расписанию. Нужно, чтоб народ стоял по углам – стоят, нужно проезжать именно по Думскому, а потом по Каланчёвскому переулку³ – едут...

Вообще обычно, а потому и скучно. В газетах ничего нет интересного. Возмутительны корреспонденции из Италии по «громкому» делу преступной кокотки из высшего общества – Тарновской. Корреспондент стоит за оправдание Тарновской и негодует на толпу, которая выражала ей своё презрение. «Всё же это О' Рук, потомок Стюартов...»⁴, пишет корреспондент. Какие крепостнические рабские взгляды! Как будто может оправдать кого-нибудь родословная низкой развратной знати, из которой каждый достоин по меньшей мере виселицы. Нечего щадить буржуев в их мерзостях и разврате, нечего опять выпускать лисицу на волю...

¹ «Наши цели» – один из главных трудов Августа Бебеля. Вышел в свет в 1870 г.

² Город во Владимирской губернии.

³ Названия улиц в городе Корчева.

⁴ Стюарты – шотландский знатный род, королевская династия в Шотландии и Англии.

27 февраля

В Китае отменили рабство.¹ Нынче разгар катанья. Обозы так и тянутся по улице. На Дворянской кишит толпа гуляющих. Тёплая сырая погода. Есть ветер. Пьяные купцы катаются на тройках и кричат «ура». Нынче мы не занимались. Плохо спится. С понедельника надо будет приняться с новыми силами за учёбу. Татьяна не шлёт письма. Значит, там свирепствуют. Скоро весна настанет, вскрыется река и зазеленеют деревья. Хочется, чтобы скорей шло время.

28 февраля

Воскресенье. Татьяна прислала письмо. Сообщает о своих успехах. В самом конце советует маме выбирать гимназию и подавать вскоре свидетельства. Мама, конечно, «выбирает» Переславскую после краткого разговора. Она бы даже не обратила внимания на эту приписку, если бы я ей не напомнила. Так называемая «политика», которая ведёт к тысячам писем, раздражению обеих сторон и к «печальному концу». Придётся ответить так же, как и вначале, то есть повторяться без конца, пока наконец получится решительный ответ. Прямо об стену горох. Я положительно бешусь. <...> А ну, ладно!

Нынче погода пасмурная, сырая. Сильно тает. С неба сыплет мелкий мокрый снег. Несмотря на это, катающихся было очень много. Под вечер и мы наняли извозчика. Проехались на тридцать копеек.

В Государственной думе был порядочный скандал. Когда читал резолюцию трудовик, правые, с целью сорвать кворум, стали удаляться друг за другом из зала заседания. Когда остался из правых один, на кафедру вошёл октябрист и предложил оштрафовать правых за оставление заседания по неважным причинам с предосудительной целью сорвать кворум. Председательствующий назначил перерыв, в который октябристы соединились и сговорились, так что после перерыва в зале заседания они составили кворум. Правые, особенно попы, узнав, что в зале голосуется предложение об оштрафовании отсутствующих, помчались к своим местам при страшном хохоте центра и оппозиции... Большинство голосов было принято оштрафовать правых по двадцать пять рублей с рыла. Марков II кипятился и брызгал слюной во все стороны, аки водочкачка, но на его увещания был ответом оглушительный хохот. Провели! Вот так удалились! Вперёд будут осторожней.

Великопостные мотивы

*Проходит пьяная неделя, надеюсь, будет пост трезвей,
Смиреньем сократятся люди до положения свиней.
Уже гудел в ушах докучно вечерни постной постный звон
И сразу делается скучно. Ведь семь недель пробудет он.*

¹ Окончательную отмену рабства в Китае провозгласили 10 марта 1910 г.

*Портнихи бешено заснуют, причастные костюмы «шитья»,
И мне сошьёт верблюжью кофту подруга верная моя.
Она готовит ежедневно из-за причастного вина
И ухитряется, родная, всегда напиться дольяна.*

Вот, значит, проходит и масляная неделя, озаменованная небывалым обжорством. На прилагаемом рисунке вполне ясно обрисовывается весь ужас и безобразие человека, служащего по преимуществу мамоне¹. Его этика покоится на непрочных основаниях: он видит главную нравственную цель в уничтожении громадного количества блинов, это он считает своим долгом, без этого его совесть тревожится <...> угрызениями, вином он заливает остающуюся в нём способность двигаться; для него эстетичен только вид румяного блина и янтарный отблеск рябиновки после сочной чёрной икры. О, несчастный! Как много в тебе того, что считают обычаями старины и беспощадного избиения жидов за веру, царя и отечество!

2 марта

Вторник. Вчера была тёплая погода, таяло, но за ночь напал снег. Был сильный ветер. Нынче погода гораздо лучше, иногда проглядывает солнце, очень тепло, сильно тает. Небо синее с весенними лёгкими облаками. Деревья слегка качаются при лёгком ветре; но они уже давно утратили способность что-нибудь нашёптывать, как это было в другие вёсны. Мы много возились на дворе, играли в снежки, стараясь сбить друг друга шапки, кидали в цель и бешено мчались в сени, когда кто-нибудь хлопал калиткой... Нынче составили расписание на март, завтра «полезем в хомуты». Андрей принёс вчера из библиотеки «Русское богатство»². «Богатство» не особенно богато интересными статьями, а русским вряд ли можно назвать романы Джона Гельуорса³ и Якова Вассермана⁴. Острит Редько по поводу перевоплощения и переселения душ Фёдора Сологуба. Кто подумал бы, говорит он, что в 1910 году будут думать о аэропланах и о переселении душ. «Какая в самом деле идиллия: полетят дирижабли, монопланы, бипланы; на них – победные воздухоплаватели, а вокруг них – пернатые мамы и бабушки в перьях: щебечут, свистят и ловят корм из рук своих сыновей». Сологуб измыслил, что он когда-то был собакой, вообще старается доказать, что душа бессмертна. Что же! Только трусы утешают себя в своём бессмертии! Как будто хотят окружить себя опять беспросветной мглой диких суеверий и ничего не знают об анато-

¹ Мамона (маммона) – слово в Новом Завете, олицетворяющее богатство, сокровища, земные блага.

² «Русское богатство» – ежемесячный литературный и научный журнал, издававшийся в Петербурге в 1876–1918 гг.

³ Имеется ввиду Джон Голсуорси (1867–1933) – английский писатель и драматург, автор знаменитой трилогии «Сага о Форсайтах».

⁴ Вассерман Яков (1873–1934) – немецкий писатель.

мии и физиологии человеческого тела, как самые тёмные дикари, но при этом с извращёнными и истерическими понятиями обо всём, что только может их расшевелить и дать им известность. А Триродов в «Новых чарах»¹ уже и на луну улететь от полицейского следствия хотел.

По моему, его привлекал жёлтый цвет луны, как имеющий некоторое сходство с известным «жёлтым домом», куда он и годился бы со своими авиаторскими наклонностями. Глупее Сологуба² ничего быть не может, да и подлее, если принять во внимание, что половина его произведений списана у француза господина Соссей... Так это и я с удовольствием! Смажу-ка из Тургенева что-нибудь, да тисну! Перевоплощение, мол!

Что ж тут поделаешь! Потом в «Русском Богатстве» Елпатьевский³ жалуется в тяжеловесных слоновьих выражениях, что «пропала правда», какая, ей-Богу, сам чёрт не разберёт! Да и сам автор, как видно, не знает. Вообще январская книга журнала имеет в себе мало интересного.

У Александры всё время болят зубы, теперь это вроде эпидемии. Много народу ходит с завязанными щеками.

О масляной

4 марта

Настоящая весна. Капает с крыш. Снег рыхлый и уже грязный опускается и тает. Дороги мокрые, жёлтые. Шуршат тающим тяжёлым снегом ноги, слышны шаги ещё издали. Все поговаривают о Волге, когда она может идти. Предполагают, что в конце или в середине марта. Вчера шёл мелкий дождь. И было, как и нынче, 5° тепла. День становится длиннее. Шесть часов – не веришь, так светло на дворе. Мы нынче счищали снег с крыш. Привязали к шесту лопату и все трое возили его по крыше. Снег так и сыпался. Мы дружно напирали на шест с гомоном и отступали обратно. Было смешно. Разучиваем с Еленой на рояле вальсы: «Моя царица», «Зелёный остров» и «Лесная сказка». За утренним чаем, который мы с Еленой распивали одни, так как встали очень поздно со своей гим-

¹ «Новые чары» – первоначальное название романа Фёдора Сологуба «Творимая легенда»; Триродов – герой романа, учитель и поэт.

² Сологуб Фёдор (1863–1927) – русский поэт, писатель, драматург, публицист. Один из виднейших представителей символизма.

³ Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933) – народоволец, писатель, врач. Сотрудничал в изданиях «Русское богатство» и «Русский вестник».

настикой, вели друг с другом дебаты по поводу распределения прибыли между рабочими в социалистическом государстве. Бебель говорит, что прибыль будет распределяться между рабочими сообразно пользе. Мы разобрали, что польза – очень неопределённое понятие и потому распределение прибыли согласно ей может повести только к раздорам. Решили, что пользу надо заменить трудностью работы: кому трудней работать, тот больше получает. Трудность более видима, чем полезность.

*Весна настаёт, пролетела зима,
Смотрю равнодушно на смену.
Невольную радость равняет печаль,
Как вспомню я мая измену.
Он в классные стены заточит меня
И потом холодным заморит,
С экзаменом мне и весна не весна,
Мне радость провал объегорит.
Я в мрачном раздумье пророческий взгляд
В неведомы дали бросаю
И вижу: гимназии лестница вдруг,
По ней я ступени считаю!*

5 марта

Мороза ночью не было. В 8 часов утра оказалось 2° тепла. С крыш так и льёт. На дворе громадная жёлтая лужа воды. Мы первый раз видали грачей. Они уже садятся на гнёзда. Волга намокла. Ломают лёд для погребов. У съезда на лёд – озеро воды. Вся теплушка для полоскания – в воде. Поле на том берегу уже кое-где чернеет землёй. Мы говорим, что если бы мы не знали времени, то можно было бы подумать, будто сейчас 20-е число марта.

Мама в конце концов совсем чумеет. Сказала Марье, кухарке Корфа¹, что она страшно влюблена в её барина Корфа и хочет объясниться с ним – женится он на ней или нет. Марья передала этот разговор нашей Александре. Что-то скандальное, если уже не говорить о нашей тревоге. У мамы нервное расстройство всегда было на эротической подкладке. Мы боимся, не начало ли это преславского² помешательства. Мама только и твердит, что ей скучно без мужского общества, и целые дни проводит в уединении, лёжа на кровати и чему-то улыбаясь. Говорить с собой уже стала громко. Надо ко всему готовиться при таких обстоятельствах.

¹ Барон Корф Дмитрий Николаевич (1881–1924) – русский офицер, политический деятель, землевладелец. Корчевской уездный предводитель дворянства. Депутат Государственной думы IV созыва от Тверской губернии.

² Семья Ждановых жила в селе Преслав Бердянского уезда Таврической губернии в 1899–1900 гг., где директором учительской семинарии работал глава семьи, Александр Алексеевич Жданов.

В Государственной Думе опять был грандиозный скандал из-за неприличных слов Пуришкевича¹. Сыпьте, народные объедалы!

...Нынче гуляли не особенно много: очень сыро... Талый снег замечательно хорош для увесистых и мелких снежков в «шапочку» или «в косу», и мальчишки великолепно пользуются этим, избирая мишенью каждого, кто им не понравится и кто в бессильной злобе обогатит обширный репертуар ругательств, имеющийся у них. Третьего дня у нас уже была порядочная схватка с двумя такими. Сначала снежок был запущен издали. Ноль внимания. Слышим – догоняют и наконец приближаются на сажень. «Меть в шапку». Слышится зловещий шёпот, но снежок ударяется мне в пальто. «А, вы так-то!»— завопила Елена и скачком тигра помчалась ураганом на мальчишек... Один мальчишка с шумом влетел с дороги в сугроб, а другого Елена нагнала и ткнула кулаком в спину, так что тот подлетел жогом на сажень и распластался по дороге. Немногочисленная публика, состоявшая из трёх баб, молчаливо смотрела на расправу. Вот тебе и «Меть в шапку!»...

Доканчиваю «Айвенго» Вальтера Скотта... Остановливаясь или оглядываясь на прочтённое раньше, я вижу, что в общем весь роман состоит из длиннейших разговоров при самой бессодержательной фабуле.

6 марта

Сижу после жарчайшей бани, совершенно ошалев. Вечер. Спится невыносимо. Рука «дрожит и цепенеет». Нынче 6° тепла. На дворе воды всё больше и больше. Мы прорыли спуск в огород и гнали туда воду метлой. Потом пошли на Волгу. Она взбухла, у берегов синие намеси на закраины, по дорогам стальными полосками блестит вода. Мы смеялись над одним парнем в «изящном, но простом костюме», который, берега свои ботики, метался у лужи, не зная, как попасть на берег. Он вздумал проводить одну девицу, на Волгу-то съехал на лошади, а назад пришлось пёхом. Он кидался из огня да в полымя, закинув назад пальто, причём массивная томпаковая цепочка² от часов эффектно бросалась на животе в разные стороны. Фигура была неподражаема!

В газетах слышно, что председатель Государственной Думы Хомяков³ официально отказывается от председательствования после скандала с Пуришкевичем и Милюковым⁴. Вообще, после скандальных и непри-

¹ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – русский политический деятель ультра-правого толка, землевладелец, монархист, черносотенец. Депутат Государственной думы II, III, IV созывов, один из лидеров фракции правых.

² Томпак – разновидность латуни, медно-цинковый сплав.

³ Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925) – российский государственный деятель, октябрист, депутат Государственной думы II, III, IV созывов. Первый председатель Государственной думы III созыва.

⁴ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – российский государственный и политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии. Депутат Государственной думы III, IV созывов, глава фракции кадетов.

Парень на Волге

личных слов, оскорбляющих женщину, Пуришкевич должен чувствовать себя плохо. Ес-деки и трудовики заявили, что они при выходах Пуришкевича будут адски шуметь и кричать, не давая ему говорить. Все газеты чествят этого сутенёра на все корки (говоря послебанным слогом).

7 марта

Воскресенье. Утром шёл дождь крупными каплями с большими перерывами. Было 1,5° тепла, а затем поднялось до 4°. Пасмурная погода. Волга посинела и резко выделяется из более белых берегов. Заросли растут. Нынче на базар съехалось очень много народу, так как ожидается в скором времени совершенная порча дорог. Чёрная земля на полях уже виднеется большими слоями. Вечером, когда солнце спустилось до самого леса, оно вдруг осве-

тило всё розовым живым светом, словно бенгальским огнём. Весь пейзаж заалел и стал как будто прозрачным. Через минуту весь эффект пропал.

...Татьяна прислала письмо. Экзамены держать можно. Пишет, чтобы мы ждали более подробного письма. Да! Уже скоро надо будет подавать прошения, а к 15 мая являться пред очи экзаменаторов. Теперь счастьем можно назвать выдержку экзамена, потому что собственная радость и облегчённый вздох со стороны родных составят порядочный триумф.

10 марта

Весна идёт да идёт. Восьмого числа первый раз проехала телега. Забелелась верба на нашем огороде. У спусков на реке ставят мостки, так как лёд очень непрочный: рыхлый и тонкий. Немного задерживают скорое вскрытие реки ночные морозы. Нынче, например, было 8° мороза. На дорогах показались камни мостовой во многих местах, кое-где сгребают навоз, но ещё незаметно громадной толпы баб и мужиков с громким стуком лопат по дороге.

...Вчера мама купила нам калоши.

Нынче набивают погреб снегом за счёт барона Корфа. Он сказал маме через Марью, что заплатит сам за всё, несмотря ни на какие возражения, могущие произойти по этому поводу. Я бы на месте мамы всё же настояла на плате пополам.

Нынче солнечная погода... Ночью плохо спали. Луна сквозь штору прямо светила на моё лицо, как будто наставила прожектор... Нынче уже мы ходили в драпе.

12 марта

Есть много кое-чего записать про различные известия из газет, про движение весны и т. д.

...Теперь о весне. Одиннадцатого она показала «обратную сторону медали». Открыв занавеску, мы увидели, что вся картина бела от падающего снега. И хотя было тепло, но ветер размашисто качал ветками деревьев. Мы всё же пошли на Волгу... После вчерашнего, 10-го числа, арестанты сгребли навоз с мостовой и теперь хотя и мокро ходить, но везде камни мостовой. Приятно. Как в апреле. Снега осталось везде немного. На полях даже меньше, чем в городе. Нынче к вечеру вода в реках стала быстро подниматься, и Корчёвка уже обвернула нижний мост. Когда пройдёт на ней лёд, мы предполагаем ловить рыбу вершами¹, как нам посоветовал сапожник Сопелкин. Уже комбинируем, как мы будем лунной ночью бежать за ворами нашей рыбы, ударяя по надутым мешкам для иллюзии ружейных выстрелов. Андрею как раз на днях сшили новые сапоги, и теперь нам всем можно будет ставить вершу в сапогах...

Волга, как ожидают, пойдёт со дня на день... Вечер был нынче очень хороший, тёплый. Едва морозило. Иногда вода фонтаном «вылетала из-под копыт», забрызгивая всё на версту в окружности. Площадь представляет из себя море разливанное. Как-то загадочно поблёскивает вода в сумерках, то синяя, то розовая. Эх, если бы можно было передать это всё в сочных и живых красках. Я бы очень хотела рисовать маслом...

17 марта

Весна за всё это время с 13 марта казала свою обратную сторону. Сырость, снег и прочая дрянь. Только нынче выдался солнечный денёк, купленный десятью градусами мороза утром. Теперь пять часов, 7° тепла на солнце. Солнце тёплыми летними пятнами озаряет нашу комнату. За окном звонят плавно и тихо. Самочувствие у меня из рук вон плохо. Забило нос, в горле – скипидарное жжение, иногда из ноздрей непроизвольно вытекает «субстанция» – результат переменчивой весны. Глаза глядят рак-раком и губы пересохли. Смешливо-сонное настроение, и в мозгу красивые картины лета.

Нынче были в церкви на панихиде. Уже год прошёл.² Долго, а чем дальше, тем острее и невыносимей то, что камнем лежит на душе. Хорошо, что этому равносильны стремление к борьбе и крепкое убеждение в высоких идеях социализма. Личное горе всё же ничтожно перед всенародным горем... И это отвлекает мысли от мрачного и тяжёлого, откуда выход – только выход из жизни. Я могу писать только о своих ощущениях, писать же о том, что было год назад, было бы равносильно переживать весь ужас тех дней.

¹ Вид рыболовной снасти из ивовых прутьев.

² Речь идёт о годовщине со дня смерти отца А.А. Ждановой Александра Алексеевича Жданова.

Солнце всё больше и больше склоняется к западу. Небо безоблачное, тихое. Сосна перед окном недвижно застыла на синем глубоком фоне...

Лежать бы сейчас на горячем песке под горячим вечерним солнцем у моря. Тихое синее море сонно и ласково ворчит у ног, то подбегая шелковистой пенистой волной, то вновь откатываясь назад. Даль белая безбрежная... Лучи солнца дробятся в воде. Солёная приятная свежесть от мелких задорных брызг, кайма белой пены на песке... Вечно бы оставаться там. Меня опять тянет к морю, даже к Азовскому, на котором мы жили¹, хотя оно и мелко. Тепло, хорошо. Надоел север с его континентальной погодой!

Опять неприятности из-за экзаменов, но не хочется описывать всей процедуры взаимного раздражения. Как-нибудь да кое-как уладится!

Вчера посадили цветы. В комнате был невообразимый хлев.

19 марта

Манифестом в этих числах марта Николашка второй² (хорошо, если бы и последний) передаёт Думе рассмотр финляндских дел. Вся оппозиция Думы против принятия законопроекта, так как ясно, что правые (хотя) посягнуть на конституцию Финляндии. Правые приняли законопроект и передали его в новую комиссию.

Со дня на день ожидается вскрытие реки. Корчёвка стала разливаться. Снегу везде очень мало. Мостовая стала просыхать. Как хорошо будет ходить по камням в апреле в одних башмаках. Мы предполагаем говеть³ на пятой неделе.

...Собственно гадко думать, что придётся совершать всю лицемерную процедуру говенья⁴, но между тем это кажется таким неважным делом, что не хочется ругаться с мамой по этому поводу. Глупо спорить как-то. Однако надо будет «говеть» так, чтобы это не пошло в ущерб занятиям. Отзвонил, да и с колокольни долой! А то расспросы кумушек, ой-ой, провоцируют так... а конспирация!?

Мы решили летом и весной попробовать на себе крестьянскую работу. Выйдем в поле «на пашню», но только не «в рубашонке босиком» и не «к деду». Остановимся столбами перед какой-нибудь пашущей бабой, весёлой с виду, и будем терпеливо стоять и час, и два... Разговор заведём, конечно, о трудности работы, а затем спросим, нельзя ли нам попробовать

¹ В 1890-е гг. семья Ждановых жила в городе Мариуполь Екатеринославской губернии и в селе Преслав Бердянского уезда Таврической губернии, расположенных на берегу Азовского моря, по месту службы главы семьи А.А. Жданова.

² Император Николай II.

³ Поститься и посещать церковные службы, готовясь к исповеди и причастию в установленные церковью сроки.

⁴ Говение — приготовление к таинству причащения, заключающееся в посте, воздержании, посещении церковных служб в продолжение по крайней мере одной недели и выполнении домашних молитв по указанию молитвослова.

«попахать?» В сенокос привяжемся к бабе Анне, чтобы она нас взяла с собой.

...Уф! Наконец-то! Насчёт экзаменов наших «атмосфера улучшилась». Из Твери, куда мы 17 марта сделали запрос, нынче пришёл ответ, в котором выясняются условия денежного взноса при экзаменах. Если мы будем держать на поступление, то платы никакой не требуется, также не надо и фотографических карточек, которые нужны в Переславской гимназии, по-видимому, только потому, что там боятся одного даже слова «вакансии» и «поступление». Мама решила, что мы будем держать в Твери на поступление. Татьяне надо написать, что дело улажено лучше, чем мы ожидали. Жаль, что она часто пишет под диктовку дяди Вани, который как-никак, а всё же многого не понимает в наших семейных отношениях. У нас прежде всего искренность, на которой построено всё. Между тем дядя Ваня во многих фразах наших писем оскорбительно ищет хитрой двусмысленности, желания рисоваться и тому подобное. Я краснею от горячего стыда, когда вспоминаю один случай... О, о, о! Мы написали как-то Татьяне, спрашивая у неё мнения о любви. Мы с Еленой говорили между собой, что она не ответит. Так и вышло. Она сказала нам его, приехав на Рождество.

– Знаете, почему я вам не писала? Я, собственно, написала, но письмо вышло очень резкое. И знаете, что дядя Ваня сказал: «Вот обыкновенно так-то! Нет около молодых людей, так сразу – разговоры о любви!».

Это до того, до того оскорбительно и пошло, что не будь у нас такого равнодушного отношения к мелочам жизни, за это можно было бы только ненавидеть! Разве можно так говорить, не зная нашего мнения по этому вопросу? Можно подумать об этом, но высказывать это сестре...

И она написала «разнос», и какой разнос! Буду я теперь что-нибудь писать туда о себе? Да ни за что в жизни! Всё хорошее и искреннее перетолковывается наоборот. А зачем, для чего? Любящее ли это сердце, любя, старается «показать жизнь, как она есть» или что-нибудь другое? Я этого не понимаю и – *sapienti sat!*¹

21 марта

...Нынче воскресенье, ярмарка и великолепная весенняя погода. Небо синее чистое. Птицы заливаются в ветвях. Скворцы, прилетевшие числа 15-го, 16-го, поют вовсю. Пейзаж чудесный. Чёрная мокрая земля резко виднеется из белого снега, на припёке снег отливает муаром. Деревья погустели на южной стороне улицы – все почти лавочки заняты. Пекутся на горячем солнце, сонно поглядывая на проходящих.

...Вчера взошли наши цветы...

¹ *Sapienti sat* (лат.) – латинское крылатое выражение, означающее в переводе «умному достаточно» и соответствующее русскому аналогу «умный поймёт».

25 марта

С часу на час ждут вскрытия Волги. Она, вся тёмная от набухшего льда, так и потрескивает всюду, давая трещины от берега до берега. Лошади уже не ездят, и возы перевозят люди по возможности вскачь, но и это редкость... Поднимается она с каждым часом. Иногда нижний лёд вдруг выныривает, ломая верхний, поэтому на льду образуются конусы из сломанного льда.

После обеда шёл дождик. Парило. Пахло мокрой землёй и особенной свежестью дождя. Мы, промолив всю обувь, которая только была, решили надеть сапоги и идти на Коновалово поле. Так и сделали. Снег в поле почти весь стоял. Мы дошли до хижины Кузмы Петровича¹, пели во всё горло «Марсельезу»².

Вечер пасмурный, несколько серый. Тихо, только зловеще иногда стрельнёт лёд на реке, да кружатся с гомоном вороны над окраинами. В воде там плавают целая масса каких-то личинок страшного вида, некоторые с крыльями так и бороздят лодочками по течению. Наверное, развились из навозных куч, сваленных на реку. Невдалеке от этого скопища дряни водовозы берут воду. Ну и санитария!

Появились весенние костюмы, шляпы и каскетки. Всё кажется изящнее после толстых шуб и меха. На набережной расчистили дорожки, теперь там можно хорошо гулять. Мы однако предпочитаем сидеть около Преображенья³, так как тут созерцательное настроение не прерывается видом хихикающих гимназистов и гогочущих хулиганов. Читаем Серафимовича⁴. Хорошо пишет...

Татьяна недавно прислала письмо. Прилагает одно стихотворение «От павших твердынь Порт-Артура»⁵, (его) хорошо можно петь, и содержание «красное».

У меня на глазу ячмень от солнца, так и горит. Особенно вспух после нашей возни вчера. Мы на Корчёвке мастерили плот из брёвен и досок. Плавать на нём можно, но надо сохранять равновесие. Елена и Андрей поплавали, а меня всё время сносило в лёд. С Андреем даже случилась катастрофа. Он после чая вздумал кататься один и стал отпихивать плот руками. Плот выехал из-под них и Андрей влетел за плотом в воду по пояс

¹ Бакенщик.

² «Марсельеза» – французская революционная песня, государственный гимн Франции. В России в 1880–1890-е гг. в среде рабочих и интеллигенции была распространена революционная песня, исполнявшаяся на мелодию «Марсельезы» и получившая название «Рабочая Марсельеза». Русский текст на эту музыку, не являющийся переводом с французского, был написан П.Л. Лавровым в 1875 г. «Рабочая Марсельеза» в течение некоторого времени после Февральской революции 1917 г. использовалась в качестве гимна России, наряду с Интернационалом.

³ Преображенская церковь в городе Корчева.

⁴ Серафимович Александр (1863–1949) – русский советский писатель.

⁵ Стихотворение «На Родине» написано Т.Л. Щепкиной-Куперник под впечатлением расстрела манифестации петербургских рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г. и стало народной песней.

и пробежался по воде шага четыре. Пришёл домой вдрызг мокрый. Воображаю картину такого рода «плавания»!..

26 марта

Тронулась Волга. Мы не видели... В четыре часа приехал водовоз и сказал нам, что Волга трогалась. Помчали... День солнечный, тёплый и тихий. Прямо прелесть. Корчёвка поднялась вдруг и бурно захлестала через нижний мост. Быстрота воды стремительная. Началось весеннее половодье. Наконец-то! В половине восьмого вечера пришли на берег Волги и остановились. Тихо плеснула грязная большая льдина, грузно задвигалась в воде, что-то зашуршало, и лёд тронулся весь от берега до берега... Мы, насторожившись, следили, как он столкнётся и соединится с другим полем. Ближе, ближе... Край в край, угол в угол соединилась перерванная дорога, тропинка, изгибы первоначального слома, с шумом полез лёд дальше, обламывая поля с боков... Стоп... Затихло зловещее шуршание, только лениво двигались у берегов мелкие льдины, да и они скоро остановились... Ветра не было, лишь с реки вдруг иногда тянуло острой волной вечерней сырости.

...Мама, пришедшая к нам, стала напоминать Андрею очень часто о занятиях, и мы ушли с берега. А было бы интересно постоять... Хорошо стоять у большого моста. Свободной струёй несётся, грохоча, Корчёвка, разбегаясь по пруду чёрными со стальным отсветом волнами. Отражения вечерней зари и деревьев неясно колеблются в воде... А наверху спокойная серая мостовая, по которой глухо постукивают шаги. Вечером я занималась по геометрии, Елена – по арифметике.

27 марта

Погода очень тёплая, солнечная. Был утром мороз. Мы совсем почти не занимались нынче. Александра рано утром ушла к причастию, разбудила нас. Сквозь штору виднелось ясное небо и озарённая солнцем берега. Перевернувшись на другой бок, ещё немного подремали, а затем решили вставать. Погимнастировали. Окатили друг друга водой в 17° тепла. Было уханье и возгласы: «скорей», когда холодная струя хлестала на спину. Отпили чай. «Ну что же пойдём заниматься на двор». Солнце так приветливо светит, Корчёвка поблёскивает голубыми струями. Сели у обрыва на лавке и всё время оживлённо раздобарывали¹. Подсвистывали и освистывали исправника², следили, как с весёлым хохотом по большому мосту ходила девица в каскетке и красной кофточке вместе с другими гимназистками, а когда кто-нибудь глядел в сторону нас, я говорила: «Молчание и усиленные занятия»... В общем-то не выходило ни то, ни другое.

¹ Растабарывать (устар. – раздобарывать) – разговаривать о том о сём; от безделья рассуждать о чём придётся.

² Глава полиции в уезде в Российской империи.

Леди Смит

Потом пошли на Волгу без Андрея. Волга не шла ночью, но утром всё же немного двигалась. Идёт, что называется, через час по чайной ложке. На Коноваловом поле бежал, колеблясь, пар над землёй и дали дрожали под горячим солнцем, как живые. Мы пошли туда. Прошли версты три, были у избышки Кузьмы Петровича, смотрели оттуда движение береговых льдин и выискивали реликвию, которую можно было бы утащить «на память». Самой подходящей оказался громадный булыжник, обвязанный верёвкой. Я взялась за конец верёвки и повезла камень за собой. Мы хохотали страшно. Положили камень на место. Елена предлагала отодрать доски у заколоченного окна и взвалить на плечи анкер для установки бакенов, чтобы оттащить домой.

Шли назад, распарившись. Хохотали много. Жара на солнце порядочная...

После кое-как съеденного обеда опять умчали на Волгу и сели на брёвнах у берега. Волга без нас опять немного двигалась. Пришёл Андрей с двумя мальчишками-нищими Иваном и Николаем. Тоже уселись на брёвнах. «Что ж это Волга всё не идёт? Но, но, пошла!»...

Скоро Андрей с ними со всеми спустился к самой воде, а в это время подъехали арестанты, или «арестантюги», и свалили около самого нашего носа телегу с навозом... Городское управление, нанявшее их сгребать навоз с улиц и валить на берег, думает, что Волга унесёт его с собой, но сего не предвидится даже в самом отдалённом будущем. Арестанты привезли одну телегу на себе, так как лошадей не хватает.

«Что же? Покурим...» – сказал один из них с резким загорелым лицом и лукавыми чёрными глазами. «Давайте!» Все стали вынимать бумажки и табак... «Что это вы курить рано вздумали? – подошёл конвойный. – Ну, едем!» Один арестант схватил оглобли. «Э, круто заворачиваешь!»... Уехали, подхватив телегу...

28 марта

Солнечный день. Волга медленно, с остановками, часть за частью продвигается вперёд. Много народу стоит на берегу. Нынче воскресенье, и потому толпы отличаются многоречием и шумливостью. Нынче не особенно приятный день по впечатлениям. Когда мы были после обеда на набережной, к Андрею пристал с разговорами какой-то полоумный старик, воображивший, что мы дети Франца Ивановича Ге¹. Когда он стал

¹ Ге – фамилия владельцев стекольных заводов в Корчевском уезде.

делать замечания над прохожими вроде: «Ишь пошла душа в рай, только хвостиком завияляла, пу!», мы решили удалиться, но он задержал меня за пуговицу драпа: «Постой, что я тебе скажу, у тебя, знаешь, жидига»...

– Ну, уж просим ко мне не приставать, – сказала я, отстраняя его...

– Нет, знаешь, у тебя жидига, я тебе любя говорю, – сказал полоумный старец, указывая себе пальцем на глаз.

– Не жидига, а ячмень! – отрезала я и только хотела прибавить, что ему до этого нет никакого дела, как подошёл стражник и сказал старику, чтобы он не приставал. Старик сразу обратился с разговорами к стражнику, а мы улетучились. Особенно было неприятно прикосновение пахнущей водочным перегаром руки к моему драпу.

Вечером, когда мы сидели на лавочке против Собцова¹, произошло своего рода «столкновение с полицией».

За толпой гимназисток шагал петухом полицейский надзиратель. Андрей сказал громко: «Конвоир», а мы захихикали. Когда надзиратель возвращался назад, Андрей опять сказал: «Конвоир». Надзиратель вдруг обернулся и страшно побагровев, сказал длинную бессвязную речь, из которой мы расслышали: «Это вы говорите в последний раз, молодой человек... Вы ещё молоды... стыдно!» Всё это обращалось к Андрею. Андрей сказал: «Ладно», а когда тот отошёл, прибавил: «Мы тебе ещё покажем, сволочь поганая!» А я угрожающе провела: «Ну, ну!» Надзиратель ещё раз хотел воротиться, но впереди сидели его знакомые – Иордан, Волков, Степанов, Трубников и ещё кто-то. Надзиратель сел на перила с Волковым и Степановым и, как ни в чём не бывало, стал громко ржать. И тут-то случилось нечто невообразимое. Прямо сон наяву. Вдруг раздался оглушительный треск, страшный крик, мы обернулись на крик и увидели, что надзиратель летит вниз головой по откосу к реке, подминая под себя Волкова и Степанова. Мелькнули высоко лакированные сапоги и скрылись за откосом. Деревянная перекладина гнилой загородки не выдержала и сломалась от тяжести трёх туш. Нечто поразительное! Все, кто видал это, стонали от хохота. Прибежали две девицы горничные или вообще прислуга, и мы нарочно, чтобы было больше смеха, острили, так что девицы звонко покатывались от смеха, стучая друг друга по спинам, в знак осторожности, так как «кувыркнулся-то, кажется, сам исправник»... Затем «пёсники» искали в снегу

Kem

¹ Купец. Предположительно, имеется в виду место напротив его дома или лавки.

ската очки, калоши и шапки за достаточное вознаграждение. Надзиратель подпрыгивал на носках, после того как вылез на сухое место, и принуждённо хохотал. Волков стоял без шапки, совершенно ополоумев, так как летел всё время под надзирателем. Ну и ловко! «Герой положения», так сказать, да вверх ногами!...

30 марта

Вторник. В Киеве, по сведениям сыскного отделения, возродилась вновь эсеровская организация.¹

Волга пошла ночью, 29-го числа, вчера весь день шёл лёд, нынче тоже! Ну, значит, готово дело. Нынче уже перевозят на тот берег на лодках. Воды очень мало, только вечером стала подниматься и пошла в Корчевку. У Преображенья поставили лодку для перевоза...

Вчера катались на плоту и загнали его довольно близко к мосту. Шедшие из училища мальчишки разлакомились покататься, перерезали верёвку и втроём, топя друг друга, помчались на плоту вниз по течению. Собралась большая толпа. Александра просила мальчишек отдать плот, пока он цел, но те побожились, что плот их: «Не греши, тётка! Лопни глаза, плот наш!» Пришёл с Волги Андрей и тоже увещевал охотников покататься, но на плот уже засел Алимов² и раскатывал по пруду, пока учитель Орлов строго и начальственно ни приказал ему слезть с плота. Примчала мама к месту происшествия, и в результате бывшие поблизости «арестантюги» разобрали плот и водворили к нам на двор за гривенник. Эпопея кончена!

Нынче страшно и на редкость тепло. 11° тепла в тени. Вечером портниха примеряла нам юбки. Завтра опять придёт. Томительная процедура!

31 марта

Среда. Нынче были у обедни, Андрей всё время хохотал. Иногда даже в голос.

Ожидается нынче первый пароход. Льду на реке уже почти нет, только иногда проплывает, белея, мелкое поле. Ветер. Стала зацветать верба.

1 апреля

День дураков. Вчера в одиннадцать часов ночи приходила «Кострома» с пассажирами. Нынче ждут привоза Кашинской пристани. Готовят мостки.

¹ Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) – левая политическая партия в России, сформировавшаяся в 1901–1902 гг. Эсеры участвовали в работе Государственной думы. Одним из методов их революционной борьбы был признан террор против представителей высшей власти. С этой целью была создана Боевая организация, осуществившая ряд громких политических убийств.

² Учащийся местного училища.

...Вечером на набережной нас пробовали обманывать, да и мы тоже не уступали. Одна девчонка подбежала к нам с криком: «Смотрите, смотрите, платок уронила!» Андрей оглянулся, но на это послышался смех и слова: «На первое апреля!» Затем прошла Печетовская: «А вы видали, из Твери мотор приехал?» – «Нет!» – «Башилова на нём!» Мы поняли, что это тоже на первое число... Мы обманули... мальчишку, шедшего с подсолнухами. «Что-то сыпется за ним!» – сказала я. «Поясок развязывается!» – подхватил Андрей. Мальчишка усиленно стал оглядываться назад и щупать пояс, но поняв, в чём дело, громко захохотал.

Вечер был пасмурный, тёплый. На том берегу «вкусным пятном» сверкал костёр. На каланче стали бить часы. Мы ушли с набережной в восемь. Были у вечерни. Мы теперь становимся за иконами у левого придела. Там можно вместо коленопреклонения становиться просто на корточки...

Начался разлив воды. Корчёвка сильно прибывает... Волга разливается тоже всё шире и шире. Слилась с озером у кладбища. Воды, хотя и меньше, чем в прошлые годы, однако течение очень быстрое.

Мама достала из полиции удостоверение о нашем звании, нужное для подачи при прошении о экзаменах. Удостоверение выдали дичайшее, которое никогда вообще не выдаётся. «Входя в ваше положение... нам пришлось тут выдумывать...», сказали в полиции маме. Подписались, однако. Комично в общем-то!...

2 апреля

Вода всё выше и выше. Затопила наш огород наполовину. Отражения огней вечерни очень красивы. Утром отражается забор, деревья, берега... Утром привезли из Стариц ялики для продажи. Привёз «Отважный» Кашинскую пристань. Красиво смотреть на розовую громадину парохода, быстро несущегося почти вровень с набережной, как по воздуху. После обедни вздумали покататься на лодке у перевоза через Корчёвку, мужик охотно отдал лодку, но кататься почти не пришлось, так как то с того, то с другого берега кричали: «перевоз, перевоз» и всё время пришлось перевозить. Вёсла неудобные, лодка тяжеловесная. Перевезли раза четыре и ушли. Елена едва-едва справилась с лодкой, выгребая...

...Отослали прошения, а сами бросили заниматься. Уж с этими чёртовыми обеднями далеко не уедешь. Как отговеем, нажмём. Ведь только месяц! Увы, увы, глаголюще! Впрочем, в месяц хорошо можно подтянуться... Увы, увы, глаголюще!

Зацвели подснежники. Вчера видали их.

2 апреля

Исповедь. В четыре часа ударили (колокола), и мы направились в церковь. Приходим, попов ещё нет. Мы встали у иконы левого придела, где обыкновенно исповедует поп Иван. Скоро он пришёл, и началась комедия. Мы сначала посмотрели, каким образом исполняется эта процедура,

Свет Христов просвещает всех!

когда принято креститься и когда падать ниц. Затем пропихнули Андрея. Отпущение его грехов совершилось очень быстро. Он вышел из-за иконы, ухмыляясь. Затем пришла моя очередь. Поп Иван, пыша табаком и бегая глазами, стал перечислять по обычному шаблону греховные случаи. «А книжек грехов-

ных, противузаконных, кои сеют вражду между людьми, наводят на дурные мысли и дела, не читаете?». Я гробово молчу, хотя на другие вопросы отвечаю сокрушённо: «Грешна, батюшка, грешна». Проехало благополучно, <...> раздалось: «И аз недостойный иерей...» и я очутилась под епитрахилью¹.

Елену отпустили также очень скоро, и мы ушли из церкви, чтобы напиться чаю до всенощной².

У всенощной читался акафист³, причём слышалось: «Радуйся, идолище..., радуйся, лестница, радуйся, поясница...» и тому подобные нелепые возгласы...

Когда вышли, камни мостовой блестели от дождя, было сыро, и сумерки затуманили пейзаж. Зашлёпали по грязи... Пришедши домой, готовились к причастию, так как для него надо вставать в пять часов утра.

3 апреля

Причащались. Народу было мало. Купечество говело большей частью мелкое... Андрей во время причастной молитвы сел, так как ему страшно жали башмаки-хром. Сын отца Михаила, когда Елена взяла кружку с теплотой, удержал кружку, сказав: «Постойте, я вам подолью», и вбухал вина до краёв.

Он считает себя более или менее знакомым с нами, так как во время говенья он с Андреем обменивались страшными рожами и обоюдным смехом. При целовании креста дьякон поздравил нас с причащением. Ушли. Утро было серое, но потом разъяснилось. Переодевшись, пошли на перевоз у Корчёвки. Катались и перевозили народ. Жарко. Лодка пахнет смолой, только от воды идёт освежающий запах...

¹ Часть облачения священника, расшитый узорами передник, надеваемый на шею и носимый под ризой.

² Богослужение в православной церкви, совершаемое вечером накануне воскресных дней и праздников; объединяет службы вечерню и утрению.

³ Наименование особенных хвалебных песнопений в честь Спасителя, Божией Матери и святых. Исполняются молящимися стоя.

*Над рекой запылает весенний костёр
На заре при мерцающих синих звёздах.
Улетела зима, навсегда пронеслась
С вечным холодом в белых снегах.
Как на солнце тепло, не манят небеса:
На земле хорошо, на земле чудеса.
Разливаясь, река заливает поля,
Голубая, как день в золотистых лучах.
Вьются чайки над ней с вольным криком весны,
С серебром на широко раскрытых крылах,
Зеленеет трава под весенним теплом,
Жизнь и счастье как будто разлиты кругом.*

Вода как будто бы заснула. Чудесное резкое отражение так и врезалось на её чистой глади. Отражались далёкие облака, звёзды, ряды поникших деревьев, полных весеннего сока, дома с огнями в окнах. Было жаль, что эта картина навсегда уйдёт неувековеченной. Пахло едва-едва цветущей вербой...

4 апреля

Воскресенье. Вода страшно быстро убывает. На Волге вода убавилась на пол-аршина, на Корчёвке ещё более. Утром пошли было в лес за еловыми ветками для могилы. Увидали на Волге пристани, которые вёз буксир. Мы помчали к городу, так как подумали, что это «Самолёт»¹. Но это – провезли в Кимры. Корчевская пристань «Самолёта» что-то запоздала...

После обеда пришло два кашинских парохода «Кострома» и «Отважный». Андрей пошёл первый и разговорился с одним из рабочих «нашей» мастерской...

Мастерскую держит Третьяков, он хотел поставить дело на сорок человек, но мало в Корчеве народу, и потому в их мастерской работает только пятнадцать. В Кимрах дело пошло бы шире. Работают они сдельно. Им хозяин платит по рублю с десятью копейками за пару башмаков. Многие работают и в воскресенье для большей полочки. На стол в день выходит сорок две копейки, причём в неделю заработок доходит до пяти с полтиной, так как в неделю шьётся по пяти пар. Работает мастерская на Москву, заведена с 1 октября 1909 года.

5 апреля

Ночью была гроза часа в четыре утра, как говорила Марья. Гром был глухой, но довольно частый. Стала распускаться черёмуха и бузина. Лопнули почки. Трава везде ярко зеленеет. Нынче погода свежая.

¹ Пароходное общество пассажирских перевозок, основанное в 1853 г.

Мы решили много заниматься. Сделали пять уроков. После обеда играли в крикет¹ на дворе. Шары заменились булыжниками, молотки – палками, досками, лопатами и вальками для белья, а ворота – прутьями с деревьев. Играли, иногда ожесточённо споря по поводу того, прошёл ли булыжник в ворота или промчал мимо. Когда после чая сели заниматься, Андрей объявил нам, что привезли пристань «Самолёт». Мы окончили урок и пошли посмотреть. Сфирыч² и Рыбин³ поубавили летних жиров, и у Сфирыча появились кудри, по-видимому, болел какой-нибудь сильной болезнью. Они оба ставили якоря, тянули канаты и вообще улаживали дело. Около берега страшно грязно, и им приходилось тонуть почти по колёно...

Нынче лунная хорошая ночь. Очень тепло. Над рекой вспыхивают зарницы. Пришёл «Отважный», пронзительно свистя и отражаясь яркими бликами в широкой воде. А затем мы ушли домой и слышали, как «Отважный» пересвистывался с «Глинкой».

...Завтра решили идти жечь костры на Волгу. Хотим устроить грандиозное палево...

6 апреля

Ветер, но погода хорошая. После обеда играли в наш «крикет», а потом пошли на Волгу жечь костёр. Уже вечерело. Серые облака иногда закрывали солнце...

Мы набрали кое-какой щепы и сухой травы и почти у самой воды на сыром ещё от недавнего разлива берегу запалили костёр. Дым буйной синей волной летел по земле, мы решили прокоптить себе одежду и стояли в дыму, как на облаках. В конце концов всё на нас стало пахнуть дымом...

Мимо прошла «Голубка», и после этого наш костёр полетел в воду, подпихиваемый кольями. Мы колотили при этом волны от парохода палками, причём Елена сама чуть не свалилась в воду, разъехавшись ногами по скользкой траве.

Пошли на набережную, где была мама. Мы сели против (дома) Собцова. Мама пригласила Симоновых посидеть. Говорили о студенчестве. Мама настаивала: «Нет, как хотите, Алексей Николаевич, а всё же нужна совершенно не позволяет многим студентам заниматься. Это постоянное беганье по копеечным урокам, недоедание...» «Нет! Я не могу с вами согласиться, Екатерина Павловна! Я не говорю уже про крайности, но тот уже факт доказан, что бедные студенты самый способный талантливый народ...

¹ Имеется в виду крокет – спортивная игра, которую часто путают с крикетом. Крикет – игра, командный вид спорта, в котором используются бита и мяч.

² Прозвище пристанщика Мартынова, знакомого Ждановых.

³ Пристанщик.

Возьмите «белоподкладочников»!¹ Так, ведь, это не стоить и сравнивать. Не нуждаясь ни в чём, они и учатся кое-как». «Ну, однако, после университета, — настаивала мама, — получая места в провинции, все эти студенты во что превращаются? Их совсем заедает жизнь...» — «Заедает слабых, — парировал Симонов, — это — закон. Жизнь — борьба. Если бы каждый делал хоть частицу своего дела, общее дело бы процветало»... «Но не все же могут быть сильными личностями! Маленькие винтики выполняют своё дело в сложной машине так же, как и маховое колесо»...

Солнце зашло. Вечер стал сырым. Луна озаряла реку белыми лучами. С неё неслась пронзительная сырость. Андрей, бывший в одном костюме, окончательно замёрз, и пришлось уходить по домам...

*Тихо грохали колёса, глухо
вздрагивал вагон. 31 марта*

7 апреля

Страшно жаркий летний день. 15° в тени утром. Солнце так и палит. Недаром вчера с жужжанием летали майские жуки. Мы копали утром гряды под хвалебные панегирики попа Ивана, которому очень нравится, что мы занимаемся физическими работами. Обделали одну гряду, и Марья сразу налетела со своей редиской. Мы согласились посадить её под тем условием, что «разнесём» её, когда она поспеет. Марья согласилась, может быть, потому, что надеется на нашу скромность, но мы исполним свой договор блестяще...

Нынче в Твери, по слухам, срок роспуска Морозовской фабрики². Говорят о причинах этого дикого поступка капиталистки Морозовой. Город запретил сливать нечистоты в Тьмаку³, так как краска заражает воду, идущую для питья. Управляющий не внял этому разумному постановлению, его засадили в тюрьму на три месяца, а Морозова закрывает фабрику, выбрасывая на улицу двадцать тысяч рабочих. Пускай-ка город содер-

¹ Так во 2-й половине XIX — начале XX вв. называли студентов из богатых аристократических семей, носивших мундиры на белой шёлковой подкладке, какие не могли позволить себе студенты-разночинцы.

² Морозовская фабрика, «Тверская мануфактура», фабрика Морозовых — крупное предприятие в Твери, основанное в 1858 г. В 1859 г. членом товарищества стал С. В. Морозов, представитель династии видных купцов и промышленников России. Морозова Варвара Алексеевна (1848–1917) — директор правления Товарищества Тверской мануфактуры, потомственная почётная гражданка, благотворительница.

³ Река в Твери, приток Волги.

жит эту оравищу! Предполагают, что рабочие разнесут фабрику. Ведь, это прямо что-то возмутительное!...

8 апреля

В 8 часов утра была гроза. Сильный удар грома, и ослепительная молния осветила комнату синим огнём. Затем пошёл несильный дождь. В комнатах было темно... Бузина совсем почти распустилась. Густой куст с красными бутонами на ветках.

Вчера мы ходили в Мошковский лес, ближайший от города по почтовой дороге. Мы пели песни, а в лесу кричали отчаянными голосами: «Караул, грабят, режут!» Визг и крик гулко разносились по лесным далям. К опушке прибежали арестанты спасать «погибающих», но, поняв в чём дело, сами заорали дикими басами: «Грабля-я-т!».

Мы пришли в лес за еловыми ветвями на папину могилу. Срубив шесть густых хороших ветвей, зашли на кладбище и украсили ими крест и могилу.

11 апреля

Воскресенье, и при этом же вербное. После двух дождливых дней радуется своим солнцем. Блещет зеленью коротенькая густая трава, погустевшие вершины деревьев буйно качаются от сильного ветра, белые кучевые облака, плоско срезанные снизу, тянутся какой-то декадентской полосой на краю горизонта. Я в тихом ожидании экзаменов. Дело выходит так: на днях из Твери прислали обратно документы Андрея с объяснением, что вакансий в Тверской гимназии не будет.

Мама вчера встретила с Шокиным¹ и объяснила ему свои затруднения. Шокин посоветовал маме везти Андрея в Рыбинск, где держать очень легко и всегда есть вакансии. Так как делать больше нечего, то мама решила послать прошение в Рыбинск и ехать с Андреем туда, а я и Елена одни поедem в Тверь. Мы с Еленой долго, не без комичных предположений, развивали нашу поездку. Решили явиться к Трубниковой² на Косую улицу³, так как она может нам посоветовать много важного, потому что хорошо знает Тверь. Мы одни там будем «проваливаться» и «фигурировать». Высоцкая прислала открытку, в которой объясняет, что, когда в Твери вывесят объявление об экзаменах, она нам напишет...

Нынче в лесу набрали букет подснежников. Они уже осыпаются.

Елена, кажется, опять погружена в думы о М.С.⁴ Весна настала! А я? Я всё отвлечённой! Называя всякое чувство собственным именем, я невольно на каждое своё чувство смотрю, как посторонний суровый наблю-

¹ Личность не установлена.

² Личность не установлена.

³ Имеется в виду улица Косая Новоторжская в Твери (ныне – улица Новоторжская).

⁴ Возможно, что речь идёт о пристанище Сфирыче, которого, вероятнее всего, звали Михаил Спиридонович.

датель. Не хочется ничего в этом смысле, всё смешно и как-то глупо. Ни сожалений, ни стремлений – одна «прокламация», как выразился трубочист, осматривая недавно вычищенные трубы.

Сколько живых криков несётся в комнату! Верещат птицы, грачи, звонкий стук молота бухает где-то. Корчёвка так сверкает огнями струй, будто что-то перебирает. Белым ослепительным ковром лежит разлившаяся от дождей вода. Всё живёт, движется, как-то ликующе и бессознательно... Разве хмурый, потрясённый горем человек заметит этот обновлённый наряд земли? Нет! Его не существует для такого человека. В этом отношении природа управляется человеком: что он хочет, то она ему и даёт, а так, в общем, мимо идёт она, холодная и прекрасная, и ей нет никакого дела до того, что думает о ней человек. Легко, легко от этого, потому что чувствуешь беспредельную свободу своих дум.

12 апреля

Чудесная погода. Тишина, солнце и тепло. Ночью было ясно, и потому к утру ударил мороз, но он стоял при первых лучах солнца. Вечер был очень хорош. Пахло зацветающими тополями. Розовая заря с фиолетовой дымкой облаков заняла запад. На том берегу горела линия костров, и синий дым тянулся далеко по земле от них. Горели звёзды, дрожа и сверкая. Розовая лента воды у озёрника¹ резко тянулась в чёрных берегах. Мы гуляли по набережной, мечтая о лодке, но мама вставала грозным призраком в этих мечтаниях. И впрямь, если бы мы поехали, то при обратном причале совершенно наткнулись бы на неё...

Политические известия я теперь пишу в другой книге и делаю интересующие меня вырезки. Этот дневник не хочется понапрасну заполнять выписками из газет. Хочется, чтобы его хватило на всё лето. Буду записывать сюда только те известия, которые очень займут меня...

13 апреля

Утро было пасмурное, тёплое. Вообще весь этот день очень тёплый, даже жаркий. В два часа было 15° тепла в тени. Зазеленела ветла, пускаются всё больше и больше черёмуха, рябина, бузина... Зацветают красными звёздами тополя. Ещё немного, и облака зелени окутают Корчеву, всё зацветёт майскими днями, и мы поедем на парохоме пытаться судьбу. Ближе, ближе это время!

После обеда ходили на озёрник собирать недавно расцветшие медуницы или живучки, определённо не знаю, лилового цвета с довольно приятным запахом. Они лиловели по склону между кустов отдельными кистями.

...Решили ехать кататься на лодке, несмотря ни на что. Тёплый ветер слегка качал деревьями. С трепетом подошли мы к набережной,

¹ Группа озёр в старом русле Волги, где были хорошие песчаные пляжи.

откомандировали Андрея на пристань, а сами сверху стали наблюдать за «дипломатическими переговорами». Сфирыч кивнёт головой и улыбнётся, Андрей кивнёт головой и улыбнётся, в конце концов Сфирыч стал отыскивать уключины, и мы решили, что дело улажено. Спустились вниз, Сфирыч подвёл лодку к берегу, мы сели, качая её во все стороны и ринулись от берега. Мимо Сциллы и Харибды¹ – <...> от пристани на берег – проехали быстро и благополучно. Пришлось нагибать низко головы, а то бы здорово ударило по шее. Елена и Андрей гребли, я рулила. Мы ехали «вверх по матушке по Волге», которая вчера вдруг опять наполнилась водой. Было хорошо кататься. Около того берега чуть не сели на мель, слишком близко подъехали к берегу. Назад нас снесло довольно быстро, так что мы не успели «подрать глотки». Оказалось, как нам рассказал Андрей, что Сфирыч запросил сначала двадцать копеек, но сразу согласился на пятнадцать. Елена, как реликвию, приклеила пятак, данный Сфирычем сдачи, к своему дневнику.

...После пошли на Александровский² и вонзили между кольев изгороди, против окна мастерской, большой букет лиловых цветов. Уж очень много работают там, не видят и весны, согнув спины над работой. Впрочем, вряд ли они заметят букет.

14 апреля

...После обеда пошли гулять. Была настоящая летняя жара... Пыль вилась из-под ног, когда мы шли по дороге, и башмаки покрылись серым густым налётом. Мы прошли мимо Грабиловки...³ Поля, мимо которых мы проходили, все были заняты озимью, которая живым изумрудом весело зеленела на солнце и потому «оставь надежды, друг мой дорогой» – прошли к хижине Кузьмы Петровича. Целое стадо некрашенных металлических блестевших бакенов войском выстроилось на сухом берегу. Мы стали считать и насчитали двести тридцать штук. Потом мы сели на лавочку и стали ждать парохода. Подошёл к избушке Кузьма Петрович и некий Митрий Иванович⁴. Он сказал нам, что бакенов двести пятьдесят и их сюда поставили для дальнейшей развозки, а Кузьма Петрович спросил нас, можно ли теперь пройти казённым мостом мимо Преображенья...

Мимо прошли пассажир «Котя» и буксир «Самоед» с товарными пристанями «Евгения» и «Татьяна»...

¹ Выражение «между Сциллой и Харибдой» употребляется в значении: оказаться между двумя враждебными силами, в положении, когда опасность угрожает с обеих сторон.

² Переулок в городе Корчева.

³ Одно из названий деревни Ново-Яковлевская, которая находилась на правом берегу Волги в Корчевском уезде. Предполагают, что такое название деревня получила из-за частых ограблений в этом месте или же её жители славились изготовлением граблей. В связи с образованием Ивановского водохранилища в 1930-е гг. деревня была переселена. О её существовании в настоящее время напоминает остров Грабиловка.

⁴ Бакенщик.

В поле помощник кузнеца ставил изгородь и пригласил нас помогать. Мы согласились, сказав, что придём вечером. Отпив чаю, мы тронули «на работу». Никого на месте не было, и мы стали городить на свой риск и страх. Вскоре вдвали замелькала массивная фигура Страхова и Прохора Иксовича¹. Он ещё издали размахивал руками и кричал: «Вот это я понимаю! Деловой народ! Вот деловой народ!» Страхов мрачно с топориком в руках постукивал по жердям. Работа быстро закипела под хвалебные панегирики Прохора... Мы вили «восьмёрки», накладывали жерди, подавая иногда реплики. Иногда вся компания зычно хохотала. «Вот не думали, что к вечеру кончим, на завтра хотели отложить, а теперь и покурить не придётся, работа-то кипит. Ну и народ, деловой какой! Вот ежели бы кто со стороны посмотрел». «Наверняка ахнули бы», – подхватывает Андрей.

– «Вот будет воинский начальник изгородь ставить, нанимайтесь к нему!»

– «Мы у воинского начальника не желаем работать», – парировала я...

Загородка была окончена через два часа, и мы удалились, потные и разморённые. Нас утешало то, что со Страхова и с Прохора пот тоже лил градом, хотя они были в одних рубашках...

17 апреля

Вот уже и Великая суббота². Деревья зеленеют едва заметной нежной фатой. Чудные переливы красок: розовые кусты бузины, яркая зелень черёмухи и тёмно-красный тополь весь в цветах так и просятся на картину. В траве золотом рассыпались какие-то жёлтые цветы, в солнечном воздухе так и разносится пронзительное пение петухов...

Но увы, мне всё спится... Губительный катар желудка кладёт меня в лоск, а Пасха завтра... Нужна непременно диета, но окорок... но яйца... но пасха... но куличи... Нет! Аскетизма не хватит. Нынче собираемся к «светлой» заутрене, чтобы обделать одно дело. Не знаю, выйдет ли. Мы хорошо прибрали свою комнату. Кровати представляют из себя что-то «свадебное». Нынче красили яйца в огненную <...> краску, да воспляшем пляску! <...> Какой хороший воздух иногда врывается в открытое окно! Ведь около распускается раскидистая берёза клейкими листиками, а внизу смородина. Многие фигурируют в одних платьях. Бабочки выются, выделяясь на ослепительно белых густых облаках... 17° тепла...

Нынче утром проехало в Корчеву пять троек с бритыми приказчиками, не приказчиками, а так что-то. Может быть, наиболее зажиточные рабочие с Морозовской мануфактуры.

...Вчера читала «Капитал» Маркса о товаре. В случае чего буду так «резать» при спорах, чтобы на всё был логичный ответ, хотя, собственно, я логику признаю только в математике, в других же отношениях она как-

¹ Личности не установлены.

² Последний день перед Пасхой.

то искусственна и часто брешет. Притом же логически можно построить всякую ерунду, особенно о тех вещах, которых ещё человек не узнал точно. Это заметно во всех философских теориях самых различных направлений. Каждая теория имеет тенденцию выражаться логически, и между тем выводы по одному и тому же вопросу совершенно различны между собой. Что правильно и что неправильно, где критерий истины, этого не рассудит сам чёрт. У К. Маркса всё, от строчки до строчки, дышит железной логикой, основанной на точном исследовании предметов и понятий, а не на пустом словопрении. Сразу видно, что только опыт мог создать это великое произведение...

В Великий четверг прислали Андреево прошение из Рыбинска за неимением там вакансий. 15-го же дьяконница дала посадить на могилу красный флокс и нарциссы.

18 апреля

Пасха. Просветитесь людиё и тому подобное. Зеленеют молодые берёзки под жарким солнцем. Всё наполнено перезвоном, как будто встречает пробуждение земли. Небо бирюзовое, прекрасного тёмного цвета с белыми кучевыми облаками. Эффектно на солнечных лучах блестят белые платья разрядившихся девиц, раскалённо сверкают шелковистыми складками красные рубашки у парней. Лица покрыты лоском от жары, пыль ложится на сапоги и туфли густым слоем. Мы были у заутрени. С 10 часов вечера, до первого удара пушки, сидели на набережной и смотрели на подошедший с низу самолётский пароход. Он спустил донки¹ и выбросил пар для долгой стоянки. Оказалось, что он отойдёт только тогда, когда кончится заутреня. Ночь была чудесная. Громадные звёзды искрились в чёрном небе. Тёмные облака отражались в реке. Запад едва светлел не сгоревшей ещё зарёй...

И вдруг загремели железные цепи тревожно и тоскливо, послышался топот многих шагов, и при свете фонаря мимо прошли конвойные с сверкающими штыками, сурово покрикивая на арестантов. Они почти бежали, светились звенья наручников, бледные лица с резкими тенями были неподвижны. Их гнали на пароход... Сразу стало тяжело. Кандальный звон и звон колоколов христианского праздника! Христос Воскрес под это угрюмое звяканье цепей, при свете отточенных штыков.

И когда в церкви шёл поп с трёхсвечником, приветливо зауценно улыбаясь, повторяя: «Христос Воскресе!», мне всё вспоминались бледные лица и торопливый топот шагов: «По двое, по двое! Не отставать!», звучало в ушах. Мы пошли в церковь после второй ракеты, которая высоким столбом рассыпалась над нашими головами. Мы бешено заматались, хоча, из стороны в сторону, но дело обошлось без катастрофы...

Была такая тихая ночь, что пламя у свечей почти не колебалось.

¹ Якорь.

Радуга бенгальских огней висела над толпой. В церкви было жарко, много народу. Виднелось много хороших лиц. Мы ушли, когда началась обедня. С нами шла какая-то баба, желающая попользоваться нашим огоньком в фонаре, который нёс Андрей. Она толкалась со мной плечо в плечо, говоря о красотах крестного хода. Потом она зажгла свою свечу и скрылась во тьме. В три часа пришла Александра, святившая кулич. Мне всю ночь не давал спать надоедливый перезвон колоколов, и я проклинала близость церкви.

*Опять ожидается вечер чудесный,
Да только не знаю, как время провести:
Гулять ли по полю иль мумией дикой
В народном гулянье на лавочку сесть.
Полна наша комната запахом листьев
Едва зеленеющих тонких ветвей:
То с первым теплом зеленеет берёза...*

20 апреля

*Весна наступила, и солнце смеётся, и лес отдалённый шумит.
А молота стук в мастерской раздаётся, работа кипит да кипит.
Света не видим мы, вечно трудясь, отдых наш – только могила.
С нами сурово судьба обошлась, счастье о нас позабыло.
Мы долго молчали, мы долго терпели, довольно!
Настал уж желанный исход;
Мошенники долго спокойно сидели и сытая сволочь терзала народ.
Нам больше народных тиранов не нужно,
Довольно ты крови напился, вампир,
За лучшую долю поднимемся дружно,
На новых началах построим мы мир!
С царского трона слова закона, правды не жди –
Воля народа, честь и свобода – наши вожди!*

Солнечное тёплое утро. Веет горячий ветер, доносит бряканье плохого трезвона. На траве блестит мелкими капельками роса. Цветёт ветла и ива. Всё полно её медовым запахом. Липа почти совсем распустилась. На нижних ветвях листики красиво просвечивают на солнце. Я сорвала ветку и кладу её в эту книгу на память об этом весеннем утре.

Я думаю о рабочих, о том, как дорого мне их счастье, думаю о Татьяне и понимаю, что без веры в человека, без веры в будущее скверно жить. Как безотрадно звучали слова: «Нет! Я знаю, вы их идеализируете. Там разврат, пьянство и большинство их – тёмный народ. Я не верю, чтобы они что-нибудь сделали... А мы? Состаримся и старухами будем вспоминать мечты молодости и наши идеалы».

– Как? – завопила я, – состаримся – да! Но до старости мы будем бороться, осуществлять наши убеждения на деле, может быть, мы погибнем

в борьбе за правое дело, не дожив до старости. Да и даже постараемся погибнуть, потому что жизнь наша должна принадлежать только народу.

– Послушай! Не кипятись! – перебила Татьяна. – Больно разве хорошо сгнить в тюрьмах безвестной, о тебе даже и народ не вспомнит, а на баррикадах, если логично размыслить, умирали на них смешно.

Я никак не могу забыть этих слов, так как я их слышала от Татьяны, которую я считала товарищем, непоколебимым в своих убеждениях. Ей, значит, стал безразличен этот народ как будто потому, что он пьян, развратен и тёмнен в большинстве. Она не хочет бороться за него, так как он не поймёт её жертвы, в партии она будет несчастна.

«Мы там ничего не найдём. Да я вообще-то не желаю, чтобы кто-нибудь гораздо глупее и ничтожней повелевал мной», – говорит она.

Для чего же тогда существовать, что тогда делать? Разочарованным Чайльд-Гарольдом¹ знать только «свой шесток» и горько проповедовать о скуке жизни вообще и бытия в частности?

Вчера произошёл такого рода случай. Мы послали Андрея на пристань нанять лодку, а сами остались на берегу следить за переговорами. Вдруг около пристани довольно далеко от берега с воды послышалось: «Спасите! Тону!» и мы увидали барахтающегося человека. Он беспомощно взмахивал руками и с каждой секундой ослабевал всё больше и больше. «Ой, смотрите! Человек тонет!», пронзительно завизжал кто-то. «Тонет, тонет», – загудел весь берег, и разряженная толпа зашумела и заволновалась. Кто был на лавках, все вскочили и, побледнев, смотрели на голову утопающего. «Ой, тонет, тонет. Я не могу!» Стонали дамы и девицы, с Кашинской пристани хотели бросить круг, но утопающего сильно несло по течению, и скоро он был далеко от пристани. В волнах замелькала одна только макушка, которая погружалась всё больше и больше. «Конец ему!», – почему-то оскалившись, весело говорил один мужик, загораживаясь рукой от солнца. Но это был не конец. Пристанщик «Самолёта» Михаил Спиридонович шаром скатился с мостков в лодку и <...> замечательной ловкостью проведя лодку между цепей и брёвен, был около утопающего. У того совсем скрылась голова и пошли круги, но Сфирыч погрузил руку в воду и при облегчённом вздохе всей толпы: «Спасён!» вытащил за волосы голову утопающего. Мы все ринулись с лестницы на пристань. Я с Еленой впереди всех, так как мы стояли на середине лестницы, когда хотели кинуться в лодку, если бы нас не перегнал Сфирыч. С пристани было видно, как Сфирыча несло по течению, а он держал за руку вытасченного наполовину из воды утопающего, который впал в беспамятство. Скоро подросла вторая лодка с мальчишками, которые подвезли Сфирыча к берегу. Как только утопающий, оказавшийся Ванькой Тихомировым, пришёл на берегу в себя, так сразу опять пытался влететь в воду, но его цепко держали руки пристанщиков. Шествие к пристани

¹ Чайльд-Гарольд – герой одноимённого произведения Джорджа Гордона Байрона.

по берегу было поистине трогательным. В старой сфирычевской куртке Тихомиров всё время стремился вырваться и выделывал изумительные «па» голыми ногами...

23 апреля

Егорьев день¹. Весь день наполнен какой то особенной радостью... Занимаясь, я положительно не могла оторвать глаз от окна, в которое, казалось, заглядывала сама весна. После обеда тихо-тихо нашла синяя туча, всё замерло, потемнело под липами, прохладный неподвижный сумрак лёг на землю. Радостно и стремительно вдруг вспыхнула синяя молния. За ней трескучими раскатами охнул гром, и по всему небу пошло грозное гуденье... Лошадь на мосту рванулась и пошла галопом, плащ у бабы затрепетал в воздухе от налетевшего, полного черёмухи ветра.

Так бы хотелось захватить горстью этот сладкий запах и захлопнуть в страницах этой книги, чтобы надолго осталось воспоминание об этом весеннем грозном ветре. Застучали первые капли дождя, но дождь шёл недолго и скоро опять всё засияло, только к вечеру стало свежее в воздухе. Нынче, как известно, праздник коров и выгон их в поле, хотя выгонять стали уже давным-давно. Всё время оглушительное мычанье раздавалось утром и слышалось: «Тпрусь, тпрусь, красotka!», или: «Пошла, пошла, рыжонка!»...

Газета «Современное Слово» опять стала выходить со вчерашнего дня. Дело в том, что пасхальный номер конфискован, заарестован и тысяча разных «аван» за письмо Короленко² к Льву Толстому. Ну и дела!

Нынче Александрины именины. Было много сластей и также наливка. Мы «приголубили» за обедом по две «рюмашечки», а потом я «опохмелилась» вечером, выпив полчашки. «Ни в одном глазу», что называется, так как наливка слабая. Александрины пироги всех привели в восторг. Вечером после занятий пошли сидеть на «ндрабережную», – Елене уж очень хотелось увидеть Сфирыча... Мы вышли с черёмухой и, конечно, не обошлось без просьбы «дать цветочков»... Пройдясь один раз, мы сели на самолётской лавочке. Перевидали целую массу народа, все стремились кататься на лодках и, конечно, лодок целой массе желающих не хватало... Сфирыч, к Лениному счастью, тоже всё время был наверху и даже отказался от благодатной чарки чаем, к которой сильно клонил один из его приятелей. Значит, Елена могла его лицезреть сколько угодно и изучать его «милую» улыбку. На лестнице один раз образовалась очень живописная группа из мужиков. Они стали сходить на пристань, как вдруг с реки звонко и стройно раздалось: «Накинув плащ, с гитарой под

¹ День памяти святого великомученика Георгия Победоносца, который почитался как покровитель земледелия, стад и пастухов. В этот день проводили обряд первого выгона скота.

² Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель, журналист, публицист, общественный деятель, заслуживший признание своей правозащитной деятельностью.

полою...»¹. Мужики замерли, как соляные столбы, и их позы, полные на-пряжённого внимания и немного восторга, так и просились на картину. Это были почти силуэты на светлом фоне реки. «Эх, если бы ещё баса два и хор бы пошёл!» – с восторгом промолвил один, когда пение немного за-тихло, и мужики сошли вниз, где на носу вскоре раздалось тихое: «То моё сердечко поет...»². Это пели они.

К нам подсел рабочий из Твери, едущий с праздников домой. Он нам разъяснил дело на Морозовской фабрике. Оказывается, фабрика закрыта до 4 мая, там будет производиться ремонт, а затем все рабочие, которые там работали, опять станут на места. Управляющего под арест сажать и не думали. Всё выходит не так мрачно, как расписывает людская молва. Ни один человек не уехал из Твери из рабочих мануфактуры...

25 апреля

Воскресенье. Вчера в десятом часу вечера решили выйти погулять в поле. Там было чудесно. Пахло травой, как летом, на западе догорала светлая полоска, тихо и между тем звонко кричала какая-то болотная птица; немного грустно в этой сероватой тиши звенел её голос. Город в тумане поблёскивал огоньками, смутно белели колокольни и загустевшие сады оттеняли их.

Я читаю «Капитал» Маркса и положительно зачитываюсь. Шумят липы, не мешая мне думать над прочитанным, ветер по очереди считает глянцевиные страницы, и я далеко уношусь думами от этой дорогой мне книги, я – в городе, в сёлах, в других странах, и всё величие мысли, обобщившей мировые законы, на которых держится современная жизнь буржуазии, встаёт передо мной, и это заслоняет <...> труд, этот могучий двигатель всего, который создаёт всё и создаёт свободу тем, кто трудится...

*Несётся, рокочет заводский гудок, он нас на работу сзывает,
Придём мы и тоже машины пойдут, они нашей силы не знают.
В морях, под землёю – везде мы царим, не будь нас, что станет с землёю;
Мы счастье народов куём на огне, куём дорогою ценою.
Богатства земные вещей и ума, что в мире оценки не знают, –
Всё это, рабочее, делаем мы, и тьму наши силы пугают.
Дрожит и трепещет пред нами она... Веками сплетая насилье,
Сама приготовила гибель себе не зная нужд камарилья...
Мы будто жалеем презренных сынов её векового болота,
Для них мы всё делаем, жизни губя, для них в этом мире – работа.
Заводы для пушек, свинца и ружей мы им отдаём без протеста,
Чтоб в случае стачки они, хохоча, всех нас уложили на месте!*

¹ Популярная студенческая песня XIX в. на основе стихотворения «Серенада» писателя и поэта В.А. Соллогуба, написанного в 1830-е гг. и положенного на музыку неизвестным композитором.

² «То моё сердечко стонет...» – русская песня на основе стихотворения поэта С.Н. Стромиллова. На музыку стихотворение положено А.Е. Варламовым в 1840-е гг. В народе песня известна под именем «Лучина» или «Лучинушка».

*Довольно! Всё наше по праву веков! Обжор и лентяев к расстрелу.
Дорогу труду, пусть осветит нам путь к великому общему делу!
Вставай, подымайся, рабочий народ, вставай на врага, люд голодный,
Раздайся крик мести народной! Вперёд, вперёд, вперёд!*

Занимаемся мы по подготовке к экзаменам ничего себе. Мама завтра хочет ехать в Тверь, но сетует, что нет модного туалета. Хочет как-нибудь устроить Андрея, а то он совсем «без места»...

Нынче погода с дождём... Утром ломали черёмуху. Нам помогала Татьяна, влезшая на дерево. Букеты составили хорошие. Отнесли на кладбище к папе на могилу. Там всё тенисто от зелени. Мы ходили под вечер, и в зелёном сумраке печально мигали красные огоньки лампад на могилах. Пахло берёзами и походило на ладан...

26 апреля

Праздник черёмухи. Вчера все буквально были с белыми её цветами. Купцы, хулиганы, девицы, даже мрачный Иван Гаврилович¹ торжественно шествовал с веткой. Теперь она кое-где уже осыпается.

Нынче была гроза, и молния ударила в Корчеве. Это уже не в первый раз. Гроза 23-го числа тоже принесла с собой разряд как раз на Корчеву. Молния ударила на кладбище и спалила одежду у Калерии Петровны Ивановой² и её сына. Нынешняя же никому вреда не принесла, но разнесла в одном доме на набережной зеркало, часы и <...> с иконами.

Комета Галлея³ видима простым глазом ночью, надо будет как-нибудь посмотреть на эту «знаменитость».

Мама уехала в Тверь.

28 апреля

Решили нынче фигурировать переодетыми. Всё приготовили, пропетитировали, как будет приблизительно выглядеть костюм, нашли, что вряд ли кто-нибудь может узнать нас. Мы были похожи на типичнейших рабочих довольно низкого роста...

Моё одеяние состояло из папиной чёрной рубашки без пояса, андреевых брюк, сапог, папиной фуражки и накинутого на плечи пальто, Елена оделась в андреев костюм, в синюю рубашку с широким чёрным поясом, чёрную шляпу, брюки в сапоги. Андрей был в синей блузе, папином пиджаке, накинутом на плечи, и в широких брюках, которые мы сначала предполагали оставить навывпуск, но потом Андрей решил их тоже запрягать в сапоги. Я и Андрей подкрасили себе усы, взяли папи-

¹ Личность не установлена.

² Личность не установлена.

³ Яркая комета, возвращающаяся к Солнцу каждые 75–76 лет. Названа в честь английского астронома Эдмунда Галлея. Хорошо видна невооружённым глазом.

росы и двинулись. Я пошла одна мимо Каланчёвского, а Елена и Андрей по Думскому с тем, чтобы встретиться на набережной... Выхожу на набережную, вижу – навстречу проходят Андрей и Елена быстро и лихо, якобы не узнаём друг друга, но потом, когда я иду за ними, Андрей размашисто протягивает мне руку, и мы поворачиваем назад, чтобы идти на пристань. Сходим: «Когда пароход придёт?». Рыбин долго всматривается в подозрительных людей, Сфирыч, любопытствуя, пододвигается ближе, и наконец в один голос отвечают: «В одиннадцать часов» – «А не запоздает?», – спрашивает Елена. – «Не должен запоздать», опять в один голос поют пристанщики. «Спасибо», – говорю я, и мы уходим, оставляя их в недоумении... Любопытствующих взоров было немало. Стражники оглядывались. Мы говорили о комете, и одна кучка каких-то полустражников с ясно вызывающим смехом иронически выпустила: «О комете говорят». Фыркание. Мы – ноль внимания, так как дело пахнет тукманками.

Пришёл пароход... Елена сошла на пристань, я и Андрей остались наверху. Народу было порядочно. Ещё горела смутная заря, пароход весь сверкал огнями, доносился оживлённый говор. Запах сирени и яблонь, расцветших недавно, стоял в сыром воздухе... В туманном небе едва мигали звёзды.

Мы свернули к Бутырмам¹, шли по каким-то буеракам и воображали, что это мы в фабричной слободе. В переулке городского училища долго высматривали сторожа, так как он со своей колотушкой часто ходит по нашему двору, и мы боялись напороться на него при входе в дом.

Наконец решили идти. Сторож дремал на крыльце у булочника и не обратил на нас внимания, мы радостно промчались поповой дорожкой и с облегчением постучали в окно. Александра отперла нам с руганью, так как сильно беспокоилась о нас. Было около часу ночи. И так мы вернулись чуть ли не побитыми грозными сторожилами, ненавидящими «заводских» до мозгов костей. С каким удовольствием я завалилась в постель, очень хотелось спать.

30 апреля

Были проводы Андрея в Тверь. Пришла от мамы открытка и известие из Твери, которые заставили нас поспешить с его отъездом. Мама писала, что 3 мая начнутся экзамены в реальном училище², что Андрей допущен туда держать в третий класс без французского с тем, чтобы к августу он был подготовлен по-французски, далее мама добавляла, чтобы Андрей выезжал немедленно. Известие же из Твери содержало в себе пиллюлю нам с Еленой. Там говорилось, что мы великовозрастны для V и VI классов и надо подать прошение не позже третьего мая в

¹ Отдалённые части города.

² Андрей Жданов учился в Тверском реальном училище в 1910–1915 гг.

педагогический совет гимназии¹, чтобы уладить дело. Мы живо снарядили Андрея, с тем чтобы он отвёз это известие маме, покипятились порядочно в торопливых сборах, так как пароход «Котя» должен был скоро прийти, и пошли на набережную. Парохода не было, он сильно запоздал <...> и нам его пришлось ждать очень долго. Был ветер, смягчавший жару солнечного дня. Мы сидели на лавочке, наблюдая за всем происходящим вокруг. Вон нищий без ног вползает оригинальнейшим образом по пристанной лестнице. Кажется, совсем изнемогает. Грузчик с лошадей, недавно колотивший свою лошадь камнем в брюхо, смотрит на него с сожалением: «Что, дед, давай я тебя донесу!» Поднимает деда и хочет взвалить его к себе на спину. Старик не удерживается и летит, валя на себя грузчика. Стоны и оханье. «Держись крепче!». Поднимается сконфуженный грузчик с земли. Дело налаживается, и старик едет на спине грузчика вверх по лестнице. Внесён благополучно, не может очухаться... К нам подседаёт золоторотец² и раздобарывает с Андреем с целью выбить деньгу. Андрей идет менять трёшницу, купил в лавке у Собцова подсолнухов, дал золоторотцу мелочи. В это время подошёл сверху пароход «Салтыков-Щедрин». Спускается целый ряд стражников с ружьями, по-видимому, едут в Кимры на первое мая. Золоторотец надоедает, как собака, хочется вытолкнуть его в шею... А он проповедует, разговорился об деревенских делах, о выборах непонятнейшим языком. С облегчением увидели мы «Котю» и поспешили скорей убежать на пристань от золоторотца. Ведь хочется поговорить о своём, что кажется важным и нужным, а тут кто-то бормочет с боку, как мельница. Я Андрея подпихивала в бок, но Андрей не осмелился отогнать докучную муху.

На пристани было уже много народу. Мы пожелали Андрею выдержать экзамен, он ушёл на пароход, а мы поднялись наверх. Андрей вышел на палубу, мы обьяснились знаками, выписывая в воздухе буквы. Наконец засвистал третий свисток и «Котя» отошёл. Мы гаркнули: «До свидания», а Андрей нам ответил: «Первого мая»... Уехал, значит. Мы с трепетом будем ждать известий о результатах экзаменов.

1 мая

Фигурировали в белом с красными лентами, были в поле, катались долго на лодке, была розовая гладкая вода. Мы вниз по течению не гребли, а качая лодку бок на бок, пели «Марсельезу». Звонко отвечало эхо... Одинокое раздавались боевые слова по волжской глади, но они всё же звучали былым призывом к борьбе против гнёта и насилия. Одна лодка с гимназистками, когда мы кончили «Марсельезу», отъехав немного, тоже попробовала изобразить нечто революционное, вроде: «Пьём за русский

¹ Тверская Мариинская женская гимназия.

² Бродяга, босяк, оборванец, арестант.

народ, и святой наш девиз: «вперёд, вперёд, вперёд»¹. Но пели робко и, соврав, засмеялись и бросили.

*Время не терпит, дружнее с работы,
Дрогнул престол самодержца царя.
Бросим о мелочных распрях заботу,
Полымем вспыхнула жизни заря.
Красное знамя взвилось над землёю,
Чудной картине не верят глаза.
Бурно несётся волна за волною –
это народного мщенья гроза.
Полные верою в правое дело,
С жаждой свободы в могучей груди
Рати рабочие гордо и смело
Красное знамя несут впереди.
Тот, кто сумел при мертвящем царизме
Душу живую в груди сохранить,
Кто не погряз в мелочном эгоизме,
Не разучился свободу любить,
Первого мая под стягом свободы
Смело в ряды становись, и вперёд!
Всюду давно пробудились народы,
Пусть же проснётся и русский народ!
Бодро снесём все страдания и беды,
Цепи невежества масс разобьём,
И перед ними как символ победы
Красное знамя своё развернём!*

4 мая

2 мая пришла от Андрея открытка с извещением, что доехал благополучно, пил на даровщину чай с каким-то «чинодралом». Пойдёт с прошением о нас насчёт великовозрастности вместе с мамой в женскую гимназию, мама просит выслать двадцать рублей. 3 мая отослали перевод в Тверь. Скоро и нас на цугундер! Нас страшно интересует, выдержит ли Андрей или нет, и мы страшно хотим этого. Мечтаем о прогулке на лодке в Кузнецово².

¹ Переделанная строчка из популярной студенческой песни XIX в. «Из страны, страны далёкой» (слова Н.М. Языкова, музыка А.А. Алябьева). Первоначальный авторский текст в студенческой среде сильно изменился и наполнился новым – революционным – смыслом.

² Кузнецово – село в Корчевском уезде, расположенное в 12 км от города Корчева. С 1930 г. называлось Конаково (с 1937 г. – город Конаково). С первой половины XIX в. село Кузнецово получило широкую известность благодаря крупнейшему в России производству бытового и художественного фаянса. В Кузнецово находился фарфоровый завод, купленный в 1870 г. купцом М.С. Кузнецовым.

Погода вчера и нынче прохладная, чаще пасмурная, нынче утром было 9° тепла, есть ветер. Вечером чистим дорожки между клумб, чтобы разогреться. Густые яркие липы шумели тихо.

После работы мы с Еленой пошли прогуляться. Жестоко поспорили с ней насчет её характера. Она говорила мне, что самое главное – видеть хоть мельком М.С., я сказала, что лучше она развила бы в себе гипнотизм, чтобы видеть вблизи, когда хочет своего М.С., тогда бы можно, говорю, заставить его переехать в Тверь. Но Елена возразила, что лучше разлука, потому что сейчас она сдерживает себя, а дальше может произойти «чёрт знает что». Гораздо лучше уехать и забыть всё, никого не любя. Я сказала, что она полюбит, как только забудет М.С., нового человека.

«Нет, не полюблю ни за что, я знаю, как плохо любить, вижу это и уже раз позабуду, то всякое новое чувство убью в себе при первом появлении», – спорила Елена. «Но если ты знаешь, что плохо любить, зачем же ты не разлюбишь М.С.?» – «Не могу, на это у меня нет воли». – «Ну, значит, у тебя чувства преобладают над волей и рассудком, потому ты никогда не убьёшь начинающейся любви и будешь любить непременно» – «Нет, никогда! Ты меня совсем не понимаешь!» – «Так давай держать пари!» Предложила я. Елена согласилась. Держу пари, что Елена после М.С. будет любить и очень горячо, не смотря ни на какие свои рассуждения... Посмотрим, чья будет правда...

В газетах о 1 Мая почти ничего нет: одни аресты и обыски.

5 мая

Прохождение хвоста кометы через Землю. Ждём этого прохождения и в два часа ночи пойдём смотреть на комету. Все говорят о ней с тайной мыслью, «как бы чего не было». Ожидают урагана, грозы и вообще чего-то страшного. Интересно ждать, что вообще будет, какими явлениями будет сопровождаться прохождение хвоста. Нынче и Андрей, и Татьяна прислали письма с извещением об экзаменах. У Андрея немецкий сошёл плохо, но в третий класс держит только один он на несколько вакансий, и, может быть, дело сойдёт. Пишет, что очень скучает и намерен приехать сюда 10 мая, когда будет перерыв на пять дней. У Татьяны дела, конечно, хороши. По алгебре выдержала с треском. Сейчас буду писать письмо.

7 мая

Опишу наши ночные похождения с 5 мая на 6-е, во время прохождения кометы. В полвторого ночи мы подняли Александру, которая не раздеваясь лежала на постели, затем Александра позвала с вышки Марьину Татьяну, которая две ночи уже спит у нас, так как у Марьи занял место какой-то едимоновский старый лакей. Вечером мы долго разговаривали о комете, пугая их разными примерами из былых прохождений комет.

«Может быть, удар молнии хватит по Корчеве и – конец...» – говорили мы. Татьяна относилась ко всему критически: «Не дано людям знать, что

я

когда будет, ничего этого не может быть», но всё же, когда Александра ночью крикнула ей: «Таня, идём!», Таня сорвалась с лестницы, как ураган, и сказала, что всё равно не спала. Мы накинули на себя одеяла, надели ватные пальто и вообще постарались закутаться, Александра пошла в шубе, Татьяна решилась «умирать» в лёгкой драповой кофте и белом шарфе и всё время щёлкала зубами, постеснявшись надеть драное одеяло, которое ей милостиво предложила Александра. Вышли... Луна низко-низко стояла над землёй. Море тумана закрыло верхушки деревьев, но звёзды виднелись сквозь бегущие волны тумана довольно ясно. Была странная сказочная картина. Фосфорический отсвет лежал всюду, лица виднелись ясно, но как-то по ночному бледно, всё слегка колебалось от передвижений туманных паров. Волга не была видна совсем. Молочная стена густо подымалась вверх. У пристани свистал пароход, ставший здесь с 12 часов, так как не мог идти дальше из-за тумана. В саду стоял густой запах тополей и берёз, сумрачно переплелись ветви над головой... В два часа туман стал подниматься, и над Волгой занялась голубая свежая заря, уходящая

зелёными переливами к звёздам. А напротив зари спускалась с красным отсветом печальная, как выразилась Александра, луна, вся в облаках тумана. Ушёл пароход. Мы прошли в третий сад. На кладбище щёлкал соловей. Звонко раздавались переливы его пения в свежем воздухе откуда-то из туманной дымки. Всё светлей и светлей становилось утро. Мы молча слушали соловья.

Нет ничего, даже признаков кометы. Вспоминается, как «вострили» здешние бабы насчёт её появления: «Может, она в юбке к нам придёт!», «А что если шляпу на себя напялит»... Татьяна вся полна едкого критицизма: «Никогда люди не узнают всего, им нет никакого дела до звёзд, нечего им и узнавать, чего Бог не хочет открыть». Вообще эта Татьяна консервативна до мозга костей. Иоанн Кронштадский святой¹ чуть ли не летает

¹ Иоанн Кронштадтский – священник, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Проповедник, духовный писатель, церковный и общественный деятель. Канонизирован в лике праведных.

по воздуху, а Лев Толстой ужасно «противный старик, который учит, чтобы все иконы рубить топорами и бросать в помойную яму»... Татьяна меня как-то удивляет. Совсем не хочет работать, стремится на лёгкую и дорогую работу какой-нибудь «подняни» у князей и баронов и околачивается, голодая, целый год без места, отказываясь от трёхрублевого жалования. Какой-то паразит жалкий. Разговаривает хорошо, любит чтение, крепка, по-видимому, в своей «вере» и хорошо знает «катехизис»¹ людей, стоящих за «Веру, Царя и Отечество».

...Мы заговорили об разных случаях в дороге. «А знаете, я слышала вчера, как пристанщик смешно ответил одной простой женщине. Она подошла к нему и спрашивает: «Сколько стоит билет до Углича?». Ну, он ей там сказал, а она потом и говорит: «А какой пароход будет?». Пристанщик сказал, а женщина спрашивает: «А что на Кашинской-то пристани какой придёт?». А пристанщик ей, так серьёзно: «Акулина придёт, а может какая и другая! Иди туда!» Вот смешно было». Мы узнали, что острил так Сфирыч.

Заря светлела всё больше, у Преображенья ходили гимназистки в шляпах «барабанах», синие от холода, в ожидании светопредставления, одна бегала от дома до реки, говоря, что ждёт с раннего вечера чего-то и совсем замёрзла. Другая в бурке сидела верхом на лавочке, по-видимому решив, что такое положение наиболее приличествует для встречи кометы. Тянулись, как тени, пьяные солдаты с бутылками водки в карманах, все были унылы перед смертью, мы одни только хохотали над комизмом этих фигур. Зелёная заря подёрнулась золотыми штрихами, звёзды скрылись, свистали птицы, а невольные страдальцы кисло шлепались по дороге с остановившимися глазами. Мы не видали буквально ничего, прямо-таки до странного ничего, и можно было подумать, что это-то ничего и есть что-то...

Ушли и с удовольствием завалились спать. В 8 часов завизжала в кухне Татьяна. «Да! Знаете, эта комета, я говорила, не дано знать лю-

Елена

¹ Краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов, официальный вероисповедный документ какой-либо конфессии; книга, содержащая основные положения вероучения.

Андрей

дям, так и вышло!» Говорила она Александре. «А тоже все пошли! Богу-то за царя молиться в церковь никто и не двинулся вчера, только двое было, а тут все сбежались!»... Я в кровати проклинала эту трещотку... После четырёх часов сна хотелось взять толстую палку, стоящую у моего изголовья, и хорошенько «почистить» говорящих. Вот все мои впечатления от прохождения хвоста кометы Галлея через землю.

В газетах написано, что в Пулкове¹ и в рефлаторы ничего не видали... Комизм прямо, сколько народа напрасно торчало ночью в ожидании чудес по всей России...

9 мая

Воскресенье. Стоят холода. Вчера было к вечеру 2° тепла, мы третий день закрываем свои цветы коврами, боясь холодных рос. Нынче утром запорхал небольшой снег, но он скоро перестал, и погода быстро изменилась к лучшему... Вот уже неделю холодная погода, утром коченеют носы и руки, что совсем неприятно чувствовать в мае. Опять хочется проклинаемой раньше летней жары. Мне нынче снился папа и барон Корф, который, как

оказалось, приехал нынче на «Серове». Только папы никогда больше не увижу.

Нынче на набережной слышались по поводу нас комплименты целых три раза. Две бабы идут: «Чьи это, такие красивые?» – «Ждановы.» – «Сёстры?» – «Да, две сестры». Потом две гимназистки: «Всё же очень хорошенькие». А потом какие-то мужики и парни проехали исключительно насчёт меня: «Вот барышня хороша, светлая, в кепке!» «Двистительно...», послышалось довольно громко, когда мы прошли мимо. Теперь вообще часто слышишь такие восклицания. Стыдно несколько как-то, гораздо лучше насмешка, когда чувствуешь себя неуязвимой, как-то смелей глядишь гордым оком на людей... А тут ни на кого не смеешь взглянуть, прёшь кое-как, только бы скорей скрыться от взоров, вообще чувствуешь себя не в своей тарелке. Хочется быть не красивой, а привлекательной, чтобы в случае разговора с кем-нибудь тот думал не какая красивая, а какая симпатичная, хорошая. Я видала несколько лиц, их нельзя было назвать «красивыми», но они неудержимо влекли к себе

¹ Речь идёт о Пулковской обсерватории близ Петербурга.

своим чудным выражением, которое с первого раза покоряет душу. Что-то обаятельное светилось в каждой чёрточке лица. Я хотела поклониться одной женщине с таким лицом, когда она грустно и светло взглянула мне в глаза своими прекрасными глазами, которых я теперь не забуду... К людям с такими глазами никто не посмеет обратиться с грязной выходкой, никто не вздумает пошличать, никто не будет думать, что можно влюбиться, вообще-то различать пол. Это глаза человека, которые делают всё лицо прекрасным, хотя в его чертах, может быть, не найдётся того, что зовётся красивым. Я бы хотела донельзя иметь такое лицо, я бы хотела быть человеком, а не женщиной для других, потому что дело, за которое я отдам жизнь, требует этого, требует, чтобы к борцам за это дело относились с захватывающим уважением, как к людям... Неужели я никогда не буду таким борцом, который представляет мой идеал? Неужели суждено видеть только животные взгляды?... Плохо быть с таким лицом, которое называют красивым, особенно тогда, когда ничего не требуешь от людей, кроме того, чтобы они тебя уважали. И я ничего не могу сделать, чтобы оградить себя от сладких взоров... Мне бы хотелось бить в морду этим людям, но разве возможно? Я бы хотела быть невидимкой, чтобы жила одна душа, обладающая физической силой, чтобы можно было бороться, но глупо даже об этом мечтать... Тяжело как-то, чувствуешь себя оплётанной без отместки... не может быть отместки в этом случае, вот что плохо. Раз тебя считают самьём, что можно делать, как не рвать и метать про себя? Плохо, плохо.

10 мая

От Андрея что-то долго нет никаких известий, мы начинаем беспокоиться. 11-го он должен приехать, если не приедет и не пришлёт известий, надо будет «бить сполох». Погода нынче сквернейшая, ветер, дождь и холод. Мы не показываем носа на улицу, занимаемся. Уж скорей бы на экзамены. Чертовски надоело учиться! Долбим хронологию. Со щитом ли или на щите, но уже хочется отдохнуть от всякого мусора учебной дребедени.

В газетах буквально нет ничего, даже намёка на что-нибудь интересное. Похороны английского короля Эдуарда¹ занимают немало места на столбцах «Современного Слова», будто похороны гораздо интересней жизни человека. Умер, и «с колокольни долой», чего ж тут лясы-то точить.

12 мая

Вчера на «Чайковском» приехал Андрей. Оказывается, пять предметов сдал благополучно. По рисованию его похвалили, по Закону Божьему тоже, задача по арифметике решена, плохо только письменный немецкий, а на французский не явился. 15-го будет русский письменный.

¹ Эдуард VII (1841–1910) – король Великобритании и Ирландии.

Нынче пришла от мамы открытка, что у Елены будет экзамен 15-го, а у меня 17-го. Значит, мы поедем вместе с Андреем завтра. Спрашивали на Кашинской пристани, какой пароход придёт. Оказалось, что «Голубка», нынче должен быть «Котя», но, конечно, засел где-то на мели.

...Погода сквернейшая. Солнце, но сильный холодный ветер. Хотели кататься на лодке на прощанье, но на пристани никого не было. Итак, завтра едем. Кульки будут порядочные, мы не знаем, как с ними...

14 мая

Мы в Твери. 13 мая с одного часа дня находились на набережной в ожидании парохода «Голубка». Александра отнесла нам на пристань вещи. У нас вышло два узла, хотя и не объёмистых, но страшно тяжёлых. Я повезла с собой мой альбом рисунков, где я намереваюсь рисовать виды. Эта книга послужила поводом к одному дикому случаю, который теперь мы обсуждаем с разных сторон всё время. Я и Елена ходили наверху по набережной, Андрей спустился к Александре на пристань. Вдруг Елена увидела, как Андрей несёт мою книгу в матросскую вслед за В.Я.¹ Конечно, я не поверила, но когда мы спустились на пристань, так и оказалось. Я помчала в матросскую и, как Нептун Громовержец, распахнула двери.

– Андрей! Что это такое? Ведь я же просила.

– Я тут... собственно... меня очень заинтересовало... Я тоже учился рисовать, – сказал В.Я.

– Он меня попросил показать, он, знаешь, был в Строгановском училище¹, потом литографом, – сказал Андрей.

– Так вы тоже рисуете? Вот было бы интересно посмотреть ваши рисунки.

– У меня теперь остались только рисунки карандашом, акварельных два, три, но я с удовольствием покажу их... Я всё раздаю, их сначала у меня много было, – сказал В.Я. – Я и лепить, вообще по скульптурной части могу, но теперь для этого совсем нет средств.

– Вы непременно покажите нам рисунки.

– Хорошо. Мы часто видимся.

– Он эс-дек. – вдруг выпалил Андрей.

– Эс-дек?

В.Я. кивнул головой.

– По политическому делу, в крепости сидел, – продолжал Андрей. Оказалось, в Петропавловке³, был за границей, в Женеве, имеет массу своих товарищей в Москве, так как был на многих фабриках, развозил

¹ Социал-демократ, с которым познакомились Ждановы.

² Учебное заведение в Москве, основанное в 1825 г. графом С.Г. Строгановым, готовившее художников декоративно-прикладного искусства. Ныне – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова.

³ Имеется в виду Петропавловская крепость в Петербурге – политическая тюрьма.

литературу и в забастовке типографов 1899 года был одним из зачинщиков... Это всё очень интересно, но мы, конечно, сразу не можем поверить и предполагаем «творимую легенду», однако если это правда, то прямо великолепно. Наконец-то нашёлся один товарищ. Мы также предполагаем провокацию, но нам это не опасно, да и вряд ли. Самое главное, что В.Я. ни с кем в Корчеве не знаком, как мы замечаем, да и мы в общем ничего своего ему не сказали, только Андрей, когда В.Я. объявил, что он социал-демократ, пожал ему руку со словами: «Товарищ! Руку!» Мы долго говорили с ним, стоя на носу.

В.Я. рассказывал нам свою жизнь, полную приключений. Ему двадцать семь лет. «Творимая легенда» лилась довольно складно, но конспективно. Мытарства по типографиям за поисками места после расчёта за забастовку, затем 1905 год, он с товарищами слушал лекции о Карле Марксе, читал Бакунина, попал в организацию. Товарищи поручили ему отвезти на пять заводов социал-демократическую литературу, с ней он и попался. Не достали только адресов к рабочим, которые он съел в участке, благо бумага была вкусная, слоновая. Давали в участке три дня – одну селёдку без воды, так что он в конце концов решил голодать...

Как бы то ни было, мы рисунки его рассмотрим.

...Решили кататься на лодке от нечего делать... Разлохматились, как ведьмы, когда вернулись с катанья... У нас были мокрые юбки и лохмы из-под «кепок», но это ещё не составляет, по-моему, комизма, так как это вполне обычно после гребли...

Сфирыч долго говорил с Андреем о поездке в Тверь, пожелал нам выдержать экзамены.

...В.Я. подлетел к нам, как бомба, и радостно сообщил, что «Голубка» придёт в десять часов вечера, вышла из Кимр в пять часов по телеграмме. Он снёс наши вещи в товарное отделение, и мы могли уйти с пристани.

В нашем распоряжении было два часа. Мы пошли домой, там прочли письма от Татьяны... Татьяна так и режет на золотую медаль. По физике выдержала на «пять». Это очень хорошо.

В половине десятого были на набережной, скоро показалась «Голубка», вся в огнях, она лихо подошла к пристани, и мы поспешно скрылись в её недрах со своими увесистыми кулками. Просвистал третий свисток, и мы поехали... Мы нашли себе полутёмное место среди тюков, засели там и стали уже засыпать. Вдруг к Андрею нагнул помощник капитана. Сверкая большими синими глазами, он стал объяснять нам, что мы можем свободно идти в общую мужскую, так как пассажиров больше не будет, мы можем провести ночь спокойно, мест свободных там очень много. Мы поблагодарили его ... с облегчением заняли места и стали в весёлом расположении духа следить за официантом, ожидая от него враждебных действий. Он сухо смотрел на нас, но после сказал нам, чтобы мы располагались, где хотим, можем приглушить электричество, и тому подобное. Мы последовали его совету и растянулись по диванам, так как сон в жаре разбирал всё больше и больше. В Кузнецове вошла в каюту какая-то ста-

рая маска в синем костюме. Она завалилась на диван и вскоре засопела. Путешествие казалось страшно длинным. «Голубка» три раза садилась на мель. Наверху шаркали тысячи ног, гремела машина. Наконец стало светать. Состояние было самое скверное. Тяжёлая голова и непреодолимая сонливость. Встанешь и, кажется, на месте заснёшь, а, между тем, сон очень некрепкий. Все пассажиры, по-видимому, чувствовали то же. Их стеклянные бессмысленные глаза с сонными мешками ясно доказывали это. А Твери всё нет. Уже семь часов, каюта в сером тумане пасмурного утра. Маска заказала себе чаю, говорит что-то с двумя старцами. Мы тоже сидим и реагируем на каждое движение говорящих, как настоящие папуасы. Это не мудрено при нашем состоянии «нечеловеческого сна». Наконец маска подошла к нам: «Вы тоже в Тверь едете? Зачем?» – «Держать экзамены.» – «В какие классы? Что же, намереваетесь выдержать?» – «Намереваемся.» – «А потом в Твери будете жить?» – «Да, если выдержим.» – «Так если вам нужны будут квартиры, заходите на Миллионную¹, в ювелирный магазин Типографа... Вам, конечно, надо будет снять в семье, чтобы не мешать занятиям разными хлопотами по хозяйству...» – «Да, конечно»... Так мы и пойдём на Миллионную улицу!! Ни за какие деньги, но мы, конечно, этого маске не сказали.

Показалась Тверь. Нам матрос обещал внести наверх вещи. Мы стояли у окна третьего класса и следили, как подходит «Голубка». Набережная Твери мало чем отличается от Корчевы, непрезентабельные облупленные дома плохо выглядели при лучах показавшегося солнца. Наверху стояло много извозчиков, которые, окидывая нас величественными взглядами, просили пятьдесят копеек до Солодовой. Мы наняли за двадцать пять, когда уже заворотили на Трёхсвятскую² и потряслись «вдоль по дороге столбовой».

Тверь грязна и плоха. Ничего столичного, какие-то увеличенных размеров Кимры. Приехав, напились чаю и завалились на боковую. Спали до трёх часов пополудни.

Флигель, снятый мамой за двадцать пять рублей, стоит во дворе, в нём четыре комнаты и кухня, также кое-какая мебель. План нарисую при более подробном рассмотрении. Из парадного крыльца открывается вид на железную дорогу, видно, как ходят, гремя, товарные поезда, из столовой не видно, потому что вид загороживается сараем и яблоней. Есть запущенный сад, спускающийся к Лазури. Лазурь – это заплесневевшая зелёная речка.

17 мая

У меня первый русский письменный экзамен, у Елены – письменный по арифметике. Мы пошли в половине девятого утра. Долго шли по Скор-

¹ Улица в Твери (ныне – улица Советская).

² Солодовая (ныне – улица Лидии Базановой), Трёхсвятская – улицы в Твери.

бяцесской¹. Было солнечное тёплое утро. Скорбященская вся почти засажена стриженной акацией довольно красиво. Вошли в гимназию² и разделись. В приёмной сидела толпа заботливых мамаш в шляпах-«барабанах», которые ожидали результатов о своих драгоценных дочерях. Мы стали ходить по коридору в ожидании чего-то, хотя, как потом выяснилось, экзамены уже начались. Через несколько времени решили

*Страница с рассказом А. Ждановой
об экзаменах в гимназию и рисунок*

пойти наверх добиться каких-нибудь результатов. В одном пустынном классе встретили двух гимназисток и потребовали от них указания дороги туда, где держат экзамены. Нам дорогу указали, и мы с Еленой расстались. Я пошла в третий этаж. За стеклянными дверями я увидела целую линию белых пелерин, сидящих на партах. Я распахнула дверь, все шумно оглянулись на меня. В конце класса синели какие-то две дамы. «Вперёд, вперёд идите!» – зычно гаркнула одна. Я пошла вперёд, но на одном месте задержалась. «Нет уж! Пожалуйста, сюда!» – опять гаркнула дама и отодвинула для меня далеко от других учениц отдельную парту. Как покорный великан, я едва-едва залезла на узкую скамейку и только села, как седая классная дама грозно шепнула: «Поправьте платье!» Ну разве не канальство? Наконец-то я перевела дух! Синяя дама, тыча пальцем в бумагу с печатью, объяснила мне, как писать заглавие (всё тем же зычным голосом, как унтер на смотру). Тема была задана «Неприятное происшествие». Сочинение. Я написала безошибочно.

21 мая

Выдержала по истории на 4, некогда записывать.

22 мая

Выдержала едва-едва по математике. 2,5 – письменный, 4 – устный, вот мои злосчастные баллы. Но самое главное – выдержка! Всё же чудесно!

...Мне общий вывод по математике – 3. Теперь мне по естествоведению – 26-го числа, по геометрии и по-русски – к 28-му, и у меня выдалось

¹ Улица в Твери (ныне – улица Володарского).

² Речь идёт о Тверской Мариинской женской гимназии, в которую поступали сёстры Ждановы.

свободное время, чтобы записать немного дневник поподробней. У меня, по-видимому, инфлюэнца. Насморк, кружится голова, в горле першит. При этом, как видно, есть жар. В таком невменяемом состоянии мне пришлось нынче предстать к экзаменам. 19-го числа у меня был письменный экзамен по математике. Я пришла в 9 часов утра и ходила каким-то унылым парнем по незнакомым коридорам, приставая к каждой даме с расспросами.

Одна из них подвела ко мне какую-то девицу с верблюжье-птичьим лицом, которая держит экстерном тоже в шестой класс. Мы с ней стали раздобарывать по большей части о том, кто в каком состоянии: в перепуганном или в спокойном. Она мне сказала, что я – само спокойствие. Весь секрет в том, что чем у меня спокойней лицо, тем больше я «трепещу» внутренне. Все черты деревенеют в молчаливом спокойствии. Свойство плохое, когда надо «бить по нервам» экзаменаторов своим ополоумевшим перепуганным видом. Нас несколько раз гоняли из класса в класс, пока мы наконец не осели вместе с ученицами третьего класса. В одном классе нам продиктовали две задачи на умножение и деление по алгебре, в другом – задачу на все арифметические правила, в третьем – задачу на уравнение первой степени, в четвёртом нас наконец заставили решать заданное. Я две задачи по алгебре решила, но на арифметике села на мель. Ни учёт, ни правило смешения не смогла вспомнить, так как по арифметике совсем не занималась полтора года. Сажу над этой задачей и думаю: «Вот он провал! Конеч... Завтра еду в Корчеву». Буквально ничего не представляю. Говорю учительнице Никифоровой: «Я не решаю задачи. Очень устала, ничего не понимаю.»...

Та стоит около меня нехудой тушей и смотрит на мои иероглифы. «Решение задачи имеет такое же значение, как и устные ответы», – говорит она на мой вопрос: «Ничего, что я не решаю, или это – провал?».

...Вижу, что и объяснение, и решение совершенно нелепы, но испускаю целых пол-листа. Я была уже одна в классе. Напротив, у стола, сидела Никифорова и пересматривала экзаменационные или, как <...> называют в гимназии, «экзаменные» работы. Я решила подать ей свою «работу», потому что ничего бы всё равно не высидела. Ушла с поникшей главой, мрачно раздумывая о провале, однако решила явиться к истории, потому что при дальнейших размышлениях поняла, что одна двойка ещё не провал.

20-го числа всё время занималась по истории. Елена получила тройку по арифметике, так как сплеховала на устном.

Вечер был солнечный. Я и Андрей пошли погулять на вокзал. У Елены начался ужасный насморк, и она предпочла сидеть дома. На вокзале смотрели на поезда. Паровозы, сверкая рычагами, маневрировали по линиям, свистя и выпуская пар, машинисты и кочегары деятельно двигались в машинном отделении. У одного кочегара очень хорошее лицо, немного усталое и умное.

Мы считали, сколько раз будут слышаться замечания по поводу наших каскеток... Вообще хохота по поводу наших «кепок» слышалось немало,

но я не понимаю, почему не обращали внимания на двух дам, фигурировавших в зимних шапках и боа на шее, одна даже имела этот меховой воротник длиной до самых колен! И на них даже не оглядывались. Странно что-то. Нас называли «французами», «иностранцами», спрашивали, почему мы без велосипедов, мальчишки говорили: «Барышни, продайте кепочку», вообще – сплошной фурор. Теперь – меньше, а в первые дни – хоть беги!

21-го у меня был экзамен по истории. Начался страшнейший насморк. Я пришла в 9 часов к русскому, так как вчера сказали, что будет нынче русский и история. Седая художавшая дама с карими глазами и две других обступили меня, я сказала, что пришла экзаменоваться по-русски. Одна дама хотела проводить меня в класс, но седовласая остановила нас: «...Так. А вам нынче ещё по истории?» – «Да. Трудный день, хе-хе.» – «Трудно, говорите? Так я сейчас похлопочу, чтобы отложили.» – «Пожалуйста!» – завопила я в восторге.

«Сейчас, сейчас», и седовласая уплыла. Я пошла в пустой класс и повторила немного по истории. Мимо дверей класса вдруг промчалась целая толпа девиц. Я вышла посмотреть, «где пожар?» Они все мчались в экзаменационный зал, а вдали маячила седовласая дама и приветливо кивала мне головой. Я понеслась к ней. «Вот, Жданова, благодаря моим усилиям русский отложили на 28-е число!» Я искренно благодарила её. «Садитесь пока здесь». Она указала мне место вместе с другими гимназистками. Вскоре вошёл синклит¹ историалов. Старый учитель, вроде Немировича-Данченко², какой-то кореец, молодая дама с красивым кукольным профилем, кажется, Виноградова³, и начальница – старуха с отвислой нижней губой. Начался экзамен. Учителя были сама мягкость. Подсказывали всем немилосердно. Наконец дошла очередь до меня.

...Ко мне подошла седовласая дама и сказала мне: «Вы не волнуйтесь. Всё равно выдержите!» Это подняло моё самочувствие градусов на сто. «Жданова!» – послышалось от стола. Я подошла к столу. Там лежало четыре билета, мне вышел 12-й, очень лёгкий. Я, собравшись с силами,

Мартын Костров

¹ Синклит – 1) в Древней Греции собрание высших сановников (совет); 2) в переносном смысле (обычно иронически) – полный сбор (состав) лиц, полное собрание, заседание избранных или высокопоставленных лиц.

² Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – российский и советский театральный деятель, один из основателей Московского Художественного театра.

³ Преподавательница Тверской Мариинской женской гимназии.

стала отвечать. Меня спрашивали пять минут и отпустили с миром. Я вышла в коридор. В одном классе на меня смотрела целая толпа гимназисток и седовласая дама сказала мне: «Идите туда! Девочки хотят с вами познакомиться». Я, ухмыляясь, направилась в класс. Меня с шумом окружила толпа с расспросами...

Пришла классная дама, чтобы объявить нам баллы... Узнав, что мне четвёрка, я с восторгом вылетела из гимназии.

22-го числа к трём часам надо было явиться держать устный: математику. Я чувствовала себя скверно, всё время хотелось лежать, голова кружилась, и из носа текла «субстанция» от страшного насморка. Все знания как бы испарились, и не было никаких надежд на выдержку...

По алгебре я все задачи делала мгновенно, по геометрии доказывала всё верно, но арифметика! Меня стали спрашивать о пропорциях и дали решить задачу. Решила, но очень не бойко. Начальница гимназии – Марья Николаевна Сирыцкая – сочувствовала мне взглядом, но я, хрипло рыча в нос, доказывала плохо. «Пожалуйста, громче говорите!», изводил меня преподаватель, но его мольбы были тщетны. Откашливаясь и сморкаясь, я говорила, как Федька-золоторотец... Когда наконец меня отпустили, я спросила: «Мне, конечно, будет переекзаменовка по математике?» Все расплылись в улыбку, до того безнадёжен был тон вопроса...

В коридоре было много семиклассниц, все ждали, сколько им поставлено... в это время спустился «математический синедрион»¹, который объявил нам о баллах. У меня письменный арифметика 2,5, устный арифметика 3, математика 4. Общий вывод 3. Я помчалась в восторге домой. Ура! Выдержка!

26-го был экзамен по естествоведению. Андрей уехал в Корчеву на «Глинке», сдав по арифметике на 3. Мама уезжала 23-го в Корчеву за деньгами, 25-го вернулась. Купила нам «лопухи» громадных размеров, так как в «кепках», по наступившим жарам, ходить нет никакой возможности. На асфальте отпечатываются подошвы, и он мягок, как резина, топится на солнечных лучах, как воск. От зданий несёт огненным жаром, воздуха нет. Отчасти как-то приятно, но для экзаменов прямо невозможно! Как только возьмёшься за учебник, клонит ко сну, и непременно засыпаешь часа на два, что доказывает об умственном утомлении, так как долбить приходится страшно, потому что всё как-то «заплыло».

Держали по естественной я и Елена вместе. Меня спрашивали об углекислом газе, свойствах водорода и составе воды по билету, а затем уже без билета о дыхании человека и о сердце. Ответила на четвёрку, так как не знала свойств углекислого газа, чего не было в учебнике. Елена ответила на тройку. Она не ответила о ложном плоде, а боб гороха определила как «нечто зелёное, округлое, наполненное семенами».

¹ Синедрион – высшее религиозное учреждение, а также высший судебный орган в Древней Иудее. В переносном значении – собрание, совет, судилище.

28 мая

У меня устный экзамен по-русски. Экзаменовали Иевлева, Платонов и Введенская¹. Иевлева настоящая ведьма, но я теорию знала хорошо и на этом выехала. Иевлева спрашивала меня о свойствах и качествах Ильи Муромца. Отрицательным качеством Ильи я назвала кровожадность. «Ну, это очень сильно, собственно это было свойственно языческому быту, а вернее, грубость!» «Но и грубость свойственна языческому быту», – хотела я парировать, но решила, что пикировка на экзаменах не особенно удобна. Получила четвёрку, и готово дело. Страшно надоело держать экзамены. Хочется умчаться за тридевять земель. Предстоит ещё география, которую будут спрашивать завтра по всему курсу гимназии, а затем 31-го Закон Божий.

29 мая

География. Спрашивали по «всем по трём». Из европейской России – приуральский край, из Европы – Германию, из четырёх стран света – Соединённые Штаты. Синклит состоял из четырёх лиц, которые всё время хихикали между собой, что было очень страшно и заставляло душу уходить в пятки. Я ответила всё же на четыре... Гуляй, ребята!... Записываю всякие пустяки от нечего делать и чтобы немного развлечься от дум об экзаменах. Всё учёба, да учёба.

О Финляндии законопроект дума приняла. Свершилось, что называется. Что-то теперь будет? Ведь против этого вся Европа. Правая сволочь совсем ошалела и не знает, что творит. Ох, если б Финляндия побила морду нашей сволочи!

31 мая

Сдан экзамен по Закону Божию на 4, и – всё кончено! Я экзамены сдала и выдержала. «Чёрный ворон, я не твой!»² Уф! Жара ужасная... <...>

*Наконец-то сдала я учёбу
И теперь посвободней вздохну,
И на лоне природы уж скоро
Я от месяца мук отдохну.
Начались скандалы с хозяйкой,
Что теперь развлекают меня,
Мама вопит сопрано визгливым,
Басом тянет хозяйка, гудя.
Топот ног, дребезжанье посуды,
На дворе любопытных ряды,*

¹ Преподаватели Тверской Мариинской женской гимназии.

² Строка из казачьей народной песни «Чёрный ворон», повествующей о судьбе воина и его борьбе со смертью, которая принимает образ чёрного ворона.

*И мне хочется крикнуть невольно:
«Где пожар? Поскорее воды!»
Из колодца ведро бы поддёрнуть
И плеснуть, чтобы жару спустить...
Я боюсь за посуду и стёкла
И решаюсь «пугач» зарядить.
Грохот выстрела крик заглушил бы
И, быть может, бабьё испугал.
А жара всё палит бесконечно,
И идёт за скандалом скандал!*

6 июня

Корчева. Отдыхаю вовсю, прямо какой-то рай. Травы в огороде поднялись вдвое выше моего роста... Кусты жасмина у забора белеют, густо усыпанные кремовыми пахучими цветами, пышно розовеют пионы, алеют недавно распустившиеся махровые маки. Какая-то сказка, полная цветочного запаха, а скоро зацветут густые развесистые липы у наших окон...

Сегодня Троицын день. У нас в комнате всюду цветы... Полевые и из сада. Ядовито пахнут жасмины, синеют васильки с незабудками, ромашка глядит приветно сквозь красные клейкие стебли смолёвки. Цветы, цветы всюду. На окнах вверх зеленеют берёзовые ветки <...>

Нам В.Я. подарил свои рисунки. Один акварельный – очень хорош. Тонкая, умелая кисть. Прочие нарисованы карандашом, академическая натура, не особенно хороши.

Пятого и шестого числа погода стала немного холоднее, но что было раньше, невозможно описать. В тени к вечеру было 29° тепла, безветренная погода со жгучим солнцем была очень благоприятна для размножения оводов и слепней. Их развелись целые тучи. Стада животных в поле ложились прямо на землю от укусов, и потому их стали выгонять на ночь. Пастух вместо раннего утра играет теперь на своей волынке вечером, и стадо пасётся всю ночь до восхода солнца... Рожь уже отцвела и стоит выше человеческого роста шёлковой зелёной стеной...

13 июня

Всё время стояла холодная погода с сильным студёным ветром. На 9 июня был настоящий белый мороз при градусе тепла.

Мы утром 9-го числа ходили гулять за Мошковцы¹. Картошка на крестьянских огородах вся почернела от мороза. Мы сначала спорили с Андреем, что мороза не могло быть, и шли, горячо жестикулируя, по дороге. Вдруг от изгороди послышался голос: «Мороз-то? Был мороз!» Глаголил какой-то мужик с котомкой за плечами. Он нам сказал, что вся картошка за Мошковцами побита, в чём мы вскоре удостоверились и сами.

¹ Мошковицы – населённый пункт в Корчевском уезде.

...10-го числа на «Голубке» приехала Татьяна. Погода была невыносимая, но мы всё же встретили её на набережной. С реки дул страшно пронзительный ветер, пасмурное небо было покрыто волнообразными угрюмыми облаками, вечер наступал сумрачный. Мы жались от холода в своих драпах. Татьяна очень похудела, как после болезни... Получила золотую медаль, привезла великолепный аттестат, триумф полнейший. Хочет проходить 7-й класс со специальностью по русскому языку, и затем будет учиться на высших женских курсах в Москве. Таким образом уже наметились дальнейшие перспективы, очень благоприятные и приятные. Татьяна не похожа на девятнадцатилетнюю. Можно дать не больше 16 лет. Загуляем теперь! Золотая медаль – это, братцы, вещь!

Свобода

11-го числа прошёл из Твери последний самолётский пароход «Серов». Пароходство, значит, прекратилось. Жаль. Ужасно обмелела река. Грабиловский пережат не глубже аршина, Волгу можно перейти вброд. Шлюзы наверху ещё не открыты...

12-го были мои именины. Был пирог с изюмом и яблочная наливка очень вкусная, можно сказать.

С середины дня погода вдруг переменялась к лучшему. Ветер затих, сверкнуло солнце, термометр быстро поднялся. Решили кататься на подке. В восьмом часу пошли на пристань. С грохотом отъехали, причём пришлось прыгать с мостков в объятия Василия Ивановича¹, так как он упорно настаивал на том, чтобы держать у мостков лодку, стоя в ней... Катались недолго. С северо-запада вдруг поднялась туча с вьющейся волной на конце, как будто океанский буйный прибой вдруг понёсся на нас. Тишина стояла страшная. Только беспокойно летали грачи. Татьяна сказала, что лучше ехать назад. Мы повернули и скоро были на месте.

Тут-то и началось нечто не поддающееся описанию. Мы подъехали к самому борту пристани и, чтобы влезть на мостки, надо было перелезть по крайней мере через три ялика. Мы с Еленой так и решили. Что тут было! Ялики бешено качались, мы, как стопудовые метеоры, ухали из ялика в ялик, судорожно балансируя. Елена упала в ялике и чуть не хлебнула воды. Мальчишки хохотали, как сам Вельзевул, и в восторге хлопали в ладоши. Всё это было проделано быстро, но грохот был невозможный. Татьяну и Андрея Василий Иванович вёз на цепочке, тоже с трудом ба-

¹ Вероятно, пристанщик.

лансируя по яликам. Андрей даже не вздумал немножко подгрести, а сидел в лодке, сложа руки, Татьяна – тоже, но она плохо умеет управлять вёслами, и это было вполне естественно...

Когда мы вззошли наверх, поднялся страшный вихрь. Деревья гнуло низко-низко, ветер ревел и грохотал. Все улицы затуманились стеной пыли... Публика, очень немногочисленная, зачем-то побежала вскачь по бульвару... Вскоре вихрь улёгся, но дождя не было...

16 июня

Наши уехали кататься на лодке Сфирыча с мамой. У меня боль зубная прямо на небо тащит... 14-го числа вечером устроили прогулку за пять вёрст. Воротились в десять часов. Сосновый бор, розовый вечер, песни, стена зелёной ржи. Было чудесно!

...Из Твери нам прислали на днях, что мамино прошение о славянском языке не принято педагогическим советом гимназии. Маму это волнует.

Занимаюсь пересадкой цветов.

Андрей и Татьяна с 15-го числа стали проходить языки французский и немецкий. Я стала изучать психологию, сначала прочту Джемса¹, как сторонник эмпирической психологии он меня более всего интересует. Затем возьмусь за Тарда и Рибо² как основателей этой науки, а впрочем, может быть, не успею всего прочитать, однако буду читать каждое утро, а вечернее «досужее» время пойдёт на Маркса. С 1 июля и славянский язык пойдёт в ход...

18 лет скоро! А многого не знаю, да вообще-то не знаю почти всего, хоть бы специализироваться на чём-либо! Да уж очень всё интересно. При этом же как я дойду до полного понимания «Нищеты философии» Маркса, когда не знаю основных правил философского мышления, следовательно, для изучения социологии необходимо знание философии настолько, насколько она приучает ум к пониманию своих специфических терминов и понятий, а до этого мне ух как далеко!

Говорили с Татьяной насчёт скрытности и откровенности. Я излагала на этот счёт воззрения Ницше, но этого Татьяна не сказала, так как она сразу стала бы дразнить меня «Ницщеанкой». Когда я читала при ней «По ту сторону добра и зла», то она уже с насмешкой сказала: «Уж сильная личность, второй Ницше!» Татьяна упрекала меня в нелогичности и говорила, что ничего не понимает. Татьяна подразумевает на мне «маску». Лестно, чёрт возьми...

17 июня

Пошла утром в лес без Татьяны. Она положительно бесит нас тем, что спит до 12 часов дня, несмотря ни на какие доводы с нашей стороны:

¹ Джемс (Джеймс) Уильям (1842–1910) – американский философ и психолог.

² Тард Жан Габриель (1843–1904) – французский социолог и криминалист, Рибо Теодюль Арман (1839–1916) – французский психолог и педагог.

«Не понимаю!», – восклицает кто-нибудь из нас, когда, входя в спальню, видит свернувшуюся под одеялом мирно спящую фигуру. – «Чёрт знает, что такое!»

В лесу было хорошо... Было пасмурно, наконец пошёл дождь. Мы уже подходили к Корчеве, из третьего окна острога на нас всё время смотрело чьё-то лицо, и мне вспомнились слова, которые я подслушала у группы мужиков: «В здешнем остроге он сидит... За правду стоял. Не любят правды-то! Ну да всё равно земли-то мы добьёмся!» Так.

У библиотеки встретили Е.И. Печетовскую, которая нам сказала, что они собрались к нам и сейчас придут. Лизу мы уже застали у нас. Угощали, раздобарывали о всевозможных пустяках, сняли группу из своего «кодака». Если выйдет, будет довольно живописно.

Поспевает смородина, угостила Лизу. Девушка – приятная во всех отношениях.

18 июня

Снимались в поле, во ржи, а вечером проявляли снимки. Группа с Печетовскими вышла очень хорошо: ясно и чисто, очень живописны снимки, сделанные в поле. Нынче утром купались. Страшные мели мешают удовольствию. Нельзя плавать. Заходишь к самой середине реки, а всё не выше колена, можно вброд реку перейти босиком. Был пожар в 6 часов вечера в деревне на той стороне реки. Мы услышали гудок на каланче и помчались на берег Волги... Из-за леса поднимался дым столбом и виделось пламя. Пожарные в касках зачем-то бегом спускались к перевозу и бегом же мчались в гору на той стороне. Лошади их шли так тихо, что рысь пожарных была совершенно излишня.

...Пожар потух к вечеру. Говорят, сгорело 22 дома. Наверное, не больше пяти.

20 июня

Воскресенье. Ходили утром за восемь вёрст от Корчевы, купались на великолепном песчаном месте. Жара была сверхъестественная. Слепни и строки вились стаями. Андрея накутали в руку, и теперь у него громадная опухоль до самого локтя. Конечно, он в панике. Рёв и тому подобное. Завтра пойдёт в больницу.

22 июня

Зацвели липы, чудесный запах. У нас в огороде аллея из лип, и весь воздух на полверсты благоухает. Цветение большое. Из тёмно-зелёных липы стали жёлтыми. Особенно по вечерам хорошо разносится их аромат.

Опять наступили жары, хотя вначале перепали дожди. С 19-го началось парокhodство на «Самолёте»...

Наелись после обеда смородины. Красная поспела. По ночам мешает спать соловей. Трещит у речки до самого рассвета... Особенно когда оста-

вишь окна открытыми, то его пение может взбесить самого терпеливого человека. Ночи светлые, смутные, перед зарёй бывает очень холодно.

Как-то не чувствуешь лета, как будто его и нет, живёшь как в полусне, ничего не хочется, некуда деваться, везде слишком хорошо и всё слишком скоро пролетит: сожнут высокую зелёную рожь, скосят травы на полях, отцветут липы... А там и осень...

В России тишина ужасная. Есть несколько забастовок на экономических началах, и только.

Газеты изобилуют автомобильными гонками и авиаторскими полётами, что в конце концов может и надоест. В Испании поднимается борьба с клерикализмом при участии короля. Ватикан свирепствует, но против общества трудно идти, особенно когда солдаты не грозят штыками... Итальянский король виляет хвостом перед итальянскими социалистами, и социалисты почему-то отвечают на «высокие» ласки, говоря, что пролетариат может достигнуть благополучия и под рукой королевской власти, как например в Германии. Жалкое стадо! Где ваш прежний геройский дух граждан, или его успел уже выбить долголетний обух рабства? Вам же хуже! Я думаю, что пролетариат в конце концов отвергнет всякое «сотрудничество» в достижении блага с королём, потому что он – пролетариат – окажется сильнее этого представителя рабских законов и людей. В Львове (Галиция) побоище в университете. Национальная вражда между студентами. Есть жертвы.

Андрей был в больнице. Дали примочку. Многие сочувствуют Андрею. Укус действительно ознаменовался неприятными последствиями. Рука словно подушка, а укушенное место нарывает...

23 июня

Нынче, может быть, пойдём ночью в лес, для того чтобы встретить там леших и ведьм, охраняющих огненный цветок «богатства и любви». Завтра Иван Купала¹. Скоро организуем поездку в Кузнецово.

...Нам вообще на лодки везёт. Сфирыч берёт десять копеек в час вечером, и мы теперь катаемся на его ялике довольно часто...

Андрей стал заниматься по языкам с какими-то немцами. Муж с высшим образованием, какой-то Эрнст ХЗ², жена великолепно знает по-французски. Возьмут тридцать рублей в месяц с занятиями каждодневыми, кроме праздников. Авось хорошо подготовят.

Выписываем из Москвы на два рубля фотографические принадлежности. Надо за лето сделать побольше снимков.

Нынче говорили до трёх часов ночи. В открытое окно нёсся холодный душистый воздух, всё время пели птицы. В два часа стало светать. Алек-

¹ Иван Купала (Иванов день) – летний народный праздник языческого происхождения. В этот день Русская Православная церковь отмечает рождение Иоанна Крестителя.

² Эрнст Васильевич фон Берг – репетитор Андрея Жданова.

сандра грозно протестовала против горячих речей, но её вопли были совершенно третируются нами.

24 июня

Иван Купала. Вчера никуда не ходили, а ограничились одной набережной, после грозы была пасмурная тёплая погода... Мы страшно плохо спали ночь. Была невозможная духота, нечем было дышать. Мы ворочались с боку на бок, ругаясь, но окон не открывали, так как шёл дождь и иногда сверкала молния. У Елены при этом же болел зуб. Ночь была возмутительна.

Курица выводит цыплят. Я всё время вожусь с ними. Приходится брать из-под клушки треснувшие яйца и выводить цыплят искусственным образом, так как курица «под видом помощи» заклёвывает их. Вывелось семь штук пока, троих вывела клушка, а четверо вывелись под моим непосредственным наблюдением...

Был ужасный град к вечеру. Туча пришла с востока, но задела нас только краем. Издали был слышен зловеющий грохот града, как будто что-то сыпали по железу... Вскоре град застучал по стёклам. Он был редок, но отличался своей звёздчатой формой и величиной с крупную редиску...

26 июня

Суббота. Жаркая погода. Завтра проектируем поездку в Кузнецово, только Татьяна, конечно, хочет бастовать. Пригласили Плешакову¹. Она с радостью согласилась. Теперь интересно узнать, каковы будут условия найма лодки на весь день. Сферыч может заломить такую цену, что ахнешь...

Поспела смородина... Поспевает клубника. 24-го июня были у нас Симоновы. Мама им играла на рояле Бетховена «Лунную сонату», Мендельсона, что-то меланхолическое, и Шуберта «Аллегро модерато».

Симоновы сидели, как на горячих углях. И они, и мы были счастливы, распрощавшись.

...Нашли папины записи и рассуждения, когда он был лет двадцати-двадцати двух. Папа верил в бога и был очень консервативен в убеждениях. Страшно много занимался самообразованием, делая из прочитанных книг выписки. В рассуждениях много логики и остроумия, а также теплоты и горячего отношения к делу. С летами убеждения изменились совершенно, не стало веры в то, что нельзя было доказать, но осталось и горячее отношение к делу, и теплота, и остроумие.

Мы с Татьяной паримся в нашей комнате. Звон сверчков, или нашему «цикад», доносится в открытое окно. Как их много в густой траве! Ветра почти нет. Солнце клонится к закату. Вечер будет чудесный. Небо светлое. Газет не читаю второй день. Уж очень жарко. Однако Джемса не

¹ Елизавета Плешакова – подруга сестёр Ждановых.

бросаю. Интересно, да и читаю преимущественно утром. Андреева рука проходит. Жарко-то как!

27 июня

Съездили в Кузнецово. Сфирыч взял рубль до восьми часов вечера, но сказал, что если возвратимся раньше, то будет скидка. Вечером 26-го мы начали собираться под мамины стоны, которая называла поездку «безумием» и «дикой глупостью», непростительной тратой денег. Татьяна отказалась от поездки. Мы завязали порядочный куль из восьми хлебов, колбасы, кувшина и коробки с чаем и сахаром. На мамины вопли мы только ухмылялись. Встали мы в половине пятого утра. Утро было солнечное с густой холодной росой. Тишина стояла необычайная. Деревья не колыхались. В половине шестого мы вышли из дому в полной обмундировке и бодро зашагали по Большой улице... Улицы были пустынные и тихие; только в мастерской золотильщиков раздавался смех и говор, да орали петухи. Заря ещё не успела померкнуть, и восток розовел перламутровыми оттенками. Вдали была мгла от тумана... Река вся была розовая, гладкая, как зеркало, в лёгкой дымке. На пристани народ ждал парохода снизу. Некоторые спали вповалку, прямо на полу, большинство же бодрствовало. Сфирыч, по-видимому, задавал храпака в лабазе, так как его нигде не было видно. Елене пришлось «эквilibрировать» с носа пристани в лодку, причём «эквilibристика» была вполне удачна. Собрались зрители и смотрели, как Елена подводила лодку к мосткам. Вышло не особенно удачно. Нам пришлось перелезть через другую лодку к ней. Андрей, конечно, был самым последним, что должно внушать большое удивление посторонним: какой-то громадный парень в нерешимости возглашает: «А я-то как же? Я не могу...» Вообще Андрей крайне труслив в движениях.

Отъехали хорошо. Скоро стало жарко. Зелёные берега искрились росой, редко звонили к заутрене в Устье¹. Вёсла мерно стучали. Мы намеревались быть в Кузнецове около одиннадцати утра, считая до Кузнецова шестнадцать вёрст. Но наши расчёты оказались неверными. На восьмой версте мы захотели передохнуть и попить чаю, разогрев воды на костре...

Проехав версту, остановились для привала. Костра разжечь не удалось, но я успела снять группу «у «костра». Не знаю, как выйдет. Мы взяли «кодак», для того чтобы сфотографировать фабрику Кузнецова. Возились с костром около часу, а потом поехали опять.

За Глинниками² начались плотины. Страшно быстрое течение реки чуть не привело нас в отчаяние. Притом около берега нельзя было ехать. С одной стороны нанесло песку, так что наша лодка садилась на мель... По другому берегу река вся была усеяна камнями громадной величины,

¹ Населённый пункт в Корчевском уезде.

² Населённый пункт в Корчевском уезде.

которые мы называли «ненасытецкими порогами»¹. Камни глядели из воды, как зловещие киты. Потом пошли и сами плотины, береговые заграждения в виде дамб, тянущиеся вдоль реки. Так как нам пришлось ехать по середине, то плотины всё же вызвали у нас вздох облегчения, так как можно было ехать около самой плотины. Однако мы вскоре выбились из сил: малейшее упущение в гребле – и лодка или стоит на месте, или тихо спускается вниз.

Захотели попробовать способ Сфирыча: тянуть лодку на верёвке. Подъехали к берегу там, где плотина прерывалась, привязали бечёвку к носу лодки, Андрей и Елена взялись быть бурлаками и тянуть лямку. Я и Лиза остались в ялике, чтобы отпихиваться вёслами. Взялись за дело. Но ялик вертелся из стороны в сторону, мы теряли равновесие, бечёвка обрывалась при каждом дружном усилии «бурлаков», нас несло на камни, причём каждый раз мы дружно кричали: «Ой, руль, руль!», боясь, что руль сломается о камни. Смеха было много, но положение было трагикомическое. Решили бросить способ Сфирыча, как неосуществимый на практике, опять все сели в лодку и поехали далее. Проехали Заборье². Опять начались плотины... На берегу шёл сенокос. Люди были в ярких костюмах, било в глаза красное. Звенели косы и ярко сверкали на солнце, когда их точили. Девуцы ворошили сено с весёлым пением. Мы смотрели на них с завистью.

Вскоре из-за поворота показались Кузнецовские пристани, мы ободрились. Розовые их корпуса спокойно стояли у высокого берега. На самолётской развевался флаг. По верху берега рос лесок. На левом же берегу темнела роскошная сосновая роща, знаменитая местность для прогулок окрестных жителей. Мы проехали барку и пристали к берегу со вздохом облегчения. На пристани какие-то парни с любопытством смотрели на нас, на время позабыв о своих удочках. Решили стеречь лодку. У лодки остались Елена и Плешакова, а я и Андрей, взяв «кодак», пошли к заводу, который, как говорили, находится за версту от Волги.

Сначала мы ничего не видали. Вилась песчаная дорога меж редких сосен и изгородок; поднявшись на один из холмов, мы увидели роскошный вид фабрики. Красный высокий корпус с двумя дымящимися трубами возвышался над яркими купами деревьев. Грозовая туча резко оттеняла красные крыши фабричных построек. Окна сверкали на солнце, казалось, что вся фабрика раскалена, до того был ослепителен её огненный цвет на полуденном солнце. Сотни серых крыш из дранки тонули в зелени деревьев. Это был какой-то остров, выхваченный клочок из культурного мира посреди пустыни <...> зеленеющих рожью полей и густых тёмных лесов по горизонту. Фабрика стоит на возвышении у довольно широкой быстрой речки, заросшей ольхой. Везде телеграфные столбы. Мы пошли слободой. Домики у рабочих хорошие, в три окна с палисадниками у окон. Огородов нет. Из чайных и трактира несло пение, на лавочках у домов

¹ Порог Ненасытец (Ненасытецкий) на Днепре. Имел двенадцать уступов. Из-за гибели множества судов и людей был прозван «ненасытным».

² Населённый пункт в Корчевском уезде.

сидели девицы и женщины тихие, но весёлые. Жара была ужасна. Раскалённое небо, обложенное синими тучами по горизонту, которые только и знали, что гудели громом, пыльная мостовая – всё это располагало скорее ко сну, чем к экскурсии, а тем более к работе. Несмотря на воскресенье, попадались рабочие синие блузы, носилки с известью, а трубы усиленно дымили. Вошли в ворота завода, не обращая внимания на «постановления», «заявления» и «объявления», и пошли бродить мимо корпусов. Около них были навалены кучи белого камня, вся земля покрыта белым налётом, как снегом...

Пришлось ограничиться снимками двух главных труб, так как более широкого вида наш «кодак» не берёт по причине небольшого фокуса.

Воротились назад... Наши сидели в лодке унылыми фигурами... Удильщики опять забыли «чудесную рыбную ловлю» и были заинтригованы вполне. Как оказалось, они «точили зубы» на лодку: «Ах, хороша лодка! Вот бы на ней покататься! Давай попросим!». Но более благоразумный отстранил это намерение. Мы отчалили со страшной быстротой и быстро вынеслись на середину, пристань с любопытными быстро уменьшилась в размерах, лица стушевались, слились, мы уехали обратно.

Через несколько времени бросили вёсла, предоставив лодке плыть по произволу, и комфортабельно расположились в ней как дома. Елена и Плешакова легли по борту на скамьях кормы, я на дне, Андрей расположился на носу. Надо заметить, что в носовой части лодка течёт и когда мы ехали до Кузнецова, то она у нас порядочно натекала, когда кто-нибудь сидел на носу... Через несколько времени показалось Заборье. Душный воздух, весь насыщенный электричеством, давил грудь, ослепительно светило солнце сквозь мглу тонких облаков. Мы всё время пили воду прямо из реки, вода была тепла и не освежала. В Заборье мы решили напиться молока и пристали к берегу. На берегу были девочки из деревни. Нам показалось невозможным в такую жару лезть по крутому берегу в деревню и потому мы решили попросить себе крынку прямо к реке...

«Ладно..., а сколько вы дадите за крынку?» – «Копеек десять можем дать». Щедро назначили мы цену, и крынка с молоком была перед нами... Выпив молока, которое было, надо сказать, очень вкусное, мы отправились дальше.

У одной избы речного ведомства решили остановиться, чтобы найти приют от грозы, которая рокотала всё ближе и ближе... Видя, что гроза пошла куда-то вбок, решили скорее ехать дальше. При отплытии чуть не сломали руль. Как ни оттолкнёмся, нас всё время прибивало к лодке и плотине около неё, то рулем, то носом мы врезывались в столбы и палки. Наконец отъехали. Около Корчевы пошёл мелкий дождик. Издали показался пароход «Серов». Андрей стал усиленно грести к берегу. Когда пошла волна от парохода, нас стало кидать на берег, а потом перевернуло поперёк реки, и волны хлестали к нам через борт... Хотя мы отделались только тем, что нас обдало водой, однако было неприятно, что хороший случай покачаться на волнах был упущен. Мы ругали Андрея за его тру-

сость. Надо было только поглядеть на него. Он раза два выбрасывался из ялика на берег и по воде мчался опять в него, чуть не ломая себе шею...

Вернулись благополучно. Сфирыч позабыл про свой пароход, который давал второй свисток, и подошёл к нам. «А я не думал, что вы поедете!»... Он что-то посчитал в уме и... взял с нас семьдесят пять копеек, так как мы приехали в шесть часов вместо восьми.

Придя домой, накупились на еду и ели, что только не попадалось под руку. Поездкой очень довольны.

29 июня

Праздник святых Петра и Павла¹... В 9 часов были на набережной, проводжали маму до купальни, и она просила подождать её на лавочке. У изгороди остановился парень в розовой рубашке, высокого роста с маленькой головой и тёмными глазами. Когда Елена и Андрей сошли к реке, помочь маме отпереть купальню, парень сел к нам на лавочку, всё время посматривая на нас. Это был, по-видимому, какой-нибудь Пётр или Павел, о чём доказывала мутная неподвижность томного взора...

Мама долго купалась, и мы решили уйти, не дожидаясь её. Ночь была очень тёплая. Собиралась гроза, но разошлась. Мелькали зарницы.

30 июня

Андреевы именины. День, полный обжорства. У Елены сильно болят зубы, потому мы гуляли вечером трое. Был чудный вечер... Всё как бы застыло в безмятежном покое, в тихом свете золотого заката. Деревья не колыхались, река была голубая, спокойная. Мы гуляли по полю, были у избы Кузьмы Петровича. Он зажигал бакены. На его лодке стоял ряд белых и красных зажжённых фонариков. Радостной иллюминацией горели они на носу лодки, ярко выделяясь среди голубой реки. С запада шла ночь. Доносился аромат белых полевых цветов, заснула спеющая высокая рожь. На болоте <...> кричал дергач.

1 июля

Уже июль. Как быстро мчится лето! Елена, Татьяна и Андрей утром пошли снимать Сфирыча... Проявляли снимки. Сфирыч вышел удачно. Печатали. Хозяйка нам позволила косить траву в огороде и нынче мы устроили косовицу. Косы жужжали в густой высокой траве. Жаркое вечернее солнце лениво освещало сквозь густую зелень ольхи картину покоса. Вились мошки над скошенными валами травы... В окна нёсся запах свежего сена. Липа уже отцветает. Скосили весь огород. Хозяйка рада, едим смородину, поспела клубника, начинает зреть малина... Великолепно! Катались на лодке. Сфирыч не хотел брать денег.

¹ День святых апостолов Петра и Павла.

NN. Неизвестный

3 июля

...Вечер сначала был хорошим. Пошли на набережную. Андрей хотел отдать Сфирычу снимки. Находила грозовая мрачная туча... Я скорее пошла домой. На площади стал накрапывать дождь, хотя солнце ярко светило, заходя к реке. Сверкнула молния, и раздался страшный удар грома, который эхом прогремел за зданиями управы. Надо было ожидать страшного ливня, чего сначала нельзя было предположить. Дождик шёл всё сильнее и сильнее. Я решила скрыться на почте. Вскоре туда же вошёл какой-то человек лет двадцати, «эсерственного»

вида. На нём <...> была чёрная накидка, чёрная шляпа и грязные сапоги. Смуглое лицо с чёрными глазами, тёмные волосы, черты тонкие... Дождь хлынул как из ведра, когда он затворил за собой дверь. Он слегка задышался, и лицо его было покрыто лёгким лоском. По-видимому, быстро шёл. «Вот какой сильный дождь!», сказал человек, садясь в нишу окна перед дверью...

«Хорошо, что нет града. Я думал, что будет град. Какой недавно был у нас в Фёдоровском¹. В Корчеве, кажется, был, но не сильный?» Этот вопрос обращался по моему адресу. «Да! Не особенно сильный, но он отличался своей величиной», – ответила я... «А у вас не было урагана? Что происходило у нас! Смело три дома, соломенные крыши так и летали в воздухе, много деревьев сломано...» – «А рожь сильно побилло?» – «О нет, слава Богу! Град шёл редко. Полегла только кое-где. А вот в прошлом году на той стороне все поля как ножом срезало».

Я не могла понять, кто со мной говорит. На крестьянина не похож, а знает всё, что касается урожая, и толкует об этом с увлечением, видно, что интересуется...

Дождь стал переставать, и я решила уйти... «Таинственный незнакомец» отворил мне дверь и смотрел мне вслед. Как только я дошла до дома, опять хлынул дождь. Наших захватил этот дождик, и они вымокли довольно сильно...

5 июля

Сергиев день². Понедельник. Газеты не получаем. Срок нашей подписки кончился 1 июля. Без газеты день кажется нецельным.

¹ Населённый пункт в Корчевском уезде.

² Сергей Радонежский (1314–1392) – монах, основатель Троице-Сергиевой лавры. Почитается Русской православной церковью в лике святых как преподобный и считается небесным покровителем Русской земли.

Вчера весь день гуляли... Вышли мы в 9 часов утра, переехали на ту сторону Волги и пошли по шоссе на Елизаветино. Был солнечный день с ветром. Скоро дорога пошла лесом. Мы только и думали об том, чтобы «подзакусить», но закуски было немного: огурцы да хлеб... Прошли Елизаветино, решили идти в Максимцево¹ – четырнадцать вёрст от Корчевы. Явились и сели на бревно у избы. В избе собралась куча народа. Два парня в голубых шёлковых рубашках всё время выглядывали из окна, критикуя наши панамы с гомерическим хохотом. Это особенно выводило из себя Татьяну, и мы решили искать себе отдыха подальше от этих развесёлых праздных малиновых рож. Около нас на лавочке, куда мы пересели, собралась толпа хихикающих девчонок, пожиравших ягоды...

Из сеней избы вдруг выскочила старая женщина: «Вы чего тут хихикаете, дуры?! Чего мешаете?» – «Они нам не мешают...» – «Как же не мешают, чай отдыхаете? Вы откуда?». Завязался разговор. Мы спросили, нельзя ли достать молока. Баба пригласила нас в избу и очень приветливо и суетливо усадила по лавкам... Нам поставили крынку молока и голубики. Мы оживлённо разговаривали, изба была полна народа.

...Под окнами ходили парни в шёлковых голубых рубашках, они подпускали смешки на наш счёт. Вообще внимание деревни было сильно возбуждено... Мы заплатили пятнадцать копеек и ушли, причём нас вся толпа провожала на улицу, крича нам, чтобы мы приходили...

Шли назад по каким-то буеракам, сделав лишнего три версты. Мы не хотели проходить деревнями, где крестьяне возвращались с базара сильно «подшофе» и откуда несло пьяное гарканье... Вернулись домой в 9-м часу вечера, так как назад шли медленно. Страшно проголодались. Сразу навалились на еду, а потом легли спать...

Нынче, 6-го числа, катались вечером на лодке с мамой. Всё катанье заключалось в препирательствах. Мама рулила страшно плохо, Андрей рвал у ней руль, видя везде «камни и подводные мели» в своём расстроенном воображении. Мы, гребцы, бросали вёсла и скрипели зубами, Татьяна просила, чтобы её поскорей ссадили на берег, мама говорила, чтобы её оставили в покое. На обратном пути мы ссадили всех троих на берег и двое поехали вниз, так как лодка была перегружена и почти черпала краями, когда нас ехало пятеро, при таких условиях лодку нельзя было подвести к мосткам...

7 июля

Гуляли вчера с Андреевыми преподавателями – фон Бергами... Эрнст Васильевич – настоящий прибалтийский немец с толстой розовой шеей и голубыми глазками, Елизавета Петровна (или Калредроновна, по нашим вариантам) – тёмных оттенков с худым моложавым лицом и жирненькой фигурой.

¹ Елизаветино, Максимцево – населённые пункты в Корчевском уезде.

*Каменщик, каменщик
в фартушке белом*

Гулять с ними было «сверхъестественно». Выйдя в 3 часа вечера, мы вернулись домой в 9 часов, пройдя восемь вёрст взад-назад. Значит, шли одну версту в час... Нас было одиннадцать человек... Назад шли лесом, всё время присаживаясь отдыхать. Подошли к перевозу. Нам подали большую лодку, но Эрнст Васильевич ни за что не хотел влезать туда, говоря что ему сделается дурно. Наконец его жена уговорила войти в лодку, говоря, что качки не будет, Эрнст Васильевич сел на скамейку, вцепившись судорожно в Андрю, но как только лодка качнулась, со стонами: «Я не могу, нет, я не могу!» выскочил на берег, на глазах у него стояли слёзы, он побледнел... Перевозчик весь дрожал от внутреннего хохота, но бормотал: «Господи, барин! Что вы? Доедем благополучно, не сумлевайтесь! Что вы, барин, господь с вами!», но Эрнст Васильевич шептал: «Не могу, не могу, я за себя не ручаюсь!»... Конечно, перевозчики содрали с Бергов на чай, хотя это было незаконно. Пришли домой в половине десятого, пили чай, а потом легли спать... Не прогулка, а сплошной кошмар...

10 июля

В Корчеве опять появилась сибирская язва, уже с грозными признаками настоящей эпидемии. На набережной сдохли две коровы.

Вчера мы подписались на месяц в библиотеку. Нынче читаем взятые оттуда журналы. Я прочла «В улице Rosier» Айзмана¹. Явное подражание горьковскому «Трое». Только одно лицо заменено женским типом. Слабое произведение. И конечно, дело кончается гибелью двух, которые больше всего искали в жизни. Разница между «Троими» и «Rosier» в том только и заключается, что двое любили третью. Скучно читать после Горького, у которого каждое слово дышит силой. Айзман слаб и тягуч...

11 июля

Воскресный день. Вчера два часа катались вечером на лодке. День был хороший, а вечер ещё лучше. Мы любовались чудесной панорамой реки. Ослепительно зелёные берега после дождя густой зеленью отра-

¹ Айзман Давид Яковлевич (1869–1922) – писатель и драматург. «В улице Розье» – рассказ Д.Я. Айзмана.

жались в воде, отражались порозовевшие уходящие облака и зыбкими очертаниями белела по реке колокольня Преображения. Город раскинулся весь в зелени на высоком берегу, мирно розовели внизу пристани, а Волга неслась к голубым вечерним далям, прозрачная, вся в разноцветных оттенках летнего вечера. Мы долго любовались этой картиной, бросив вёсла и пустив лодку вниз по течению. Жалели, что лето так быстро проходит, что скоро осень. О ней уже напоминают жёлтые листья на деревьях. В полях – сеннокос...

Вчера мы пикировались с Татьяной, что случается теперь довольно часто. Мы спорили об областях логики и психологии. Татьяна разбирала, что психология есть наука о душе, в область которой входит изучение воли и чувства, но отнюдь не ума, а логика есть наука о разуме. Я же доказывала, что психология обнимает область всего внутреннего мира человека, как бы он не проявлялся, а логика совершенно не нужна, потому что это наука о здравом мышлении, которое приобретается самой жизнью, а не чтением учебников логики. Татьяна сказала, что она дошла до разграничения психологии и логики своим собственным умом, и потому это имеет большое преимущество и верность. Я назвала это бабьей логикой, которая не допускает возражений и против которой нельзя спорить, потому что это будет толчением воды в ступе. Потом стали спорить насчёт социализма и партийной тактики, что у нас часто служит предметом ожесточённых прений.

Татьяна говорила, что она хочет быть в партии только секретарём, писать, подсчитывать деньги, составлять доклады, а мы отвечали, что надо завоевать себе доверие на мелких делах, что партия не назначит секретарём человека, которого она не знает... «Значит, ты не вступишь в партию при таких условиях, если тебе не предложат сразу секретарствовать?» – «Не вступлю». Ну значит, и не вступит. На том покончили. Шума при споре было немало...

Состязание

11 июля

Были в Устье. Играли, катались на громадной тяжёлой лодке... Когда возвращались назад, была великолепная ночь. Тёмная река отражала в себе взошедшую громадную луну, в <...> зеркальной тёмной глади реки сказочно мерцали красные и зелёные огни бакенов, рожь серела по краю тропинки, смутные тени от луны шли за нами. Ночь была тёп-

лая, тихая... Звоня бубенцами и стуча копытами по мосткам въехала на третник¹ тройка. Смутными силуэтами остановились лошади, сверкая большими глазами, пахнуло лошадьми и сеном из тарантаса. Тихие звёзды горели далеко-далеко над головой. Белые цветы, которые нам дали, были влажны и резче благоухали от осевшей на их лепестки росы...

12 июля

Жаркая сухая погода с ветром. Приятно, несмотря на то, что в тени 25° тепла. Много читала. По большей части беллетристику. Много жалких людей на свете, и почему-то всякого, кто описывается автором с отрицательной точки зрения, я оправдываю. Мне не кажутся мерзкими проститутка, вор, убийца – просто жалкие люди, несчастные. И больше я ненавижу, нет, собственно, презираю тех людей, которые ещё больше давят жизнь этих несчастных. Погромщики, бьющие евреев, мерзавец, колотящий падшую, судьи, присуждающие воров и убийц к тюрьме, – тех не могу я оправдать. Хочется уничтожить этих угнетателей, дать счастье угнетённым, хочется, чтобы они не были такими, потому что это и противно, и скучно.

К вечеру была гроза с сильными молниями, которые обнимали всё небо и сыпали потоки света и огня на землю. Ветер шумел буйным порывом, летели листья. Мы перед грозой были на кладбище, шли назад за толпой баб, которые возвращались с сенокоса. Они несли на плечах грабли и пели тоненькими голосами песню за песней. Их было четырнадцать человек.

Уже покупают на базаре серпы. Скоро будет жатва. Очень обильная, можно добавить.

13 июля

Утро с ветерком. На клумбах цветут левкой. Солнце светит, иногда скрываясь в дымке кучевых облаков. Решили проводить социализм на деле, воздерживаться от того, что будет не социально, чего не сделал бы настоящий социалист. В общем выходит, что придётся самоусовершенствоваться. Что же. Это делает ещё больше чести социализму. Если бы все стремились жить так, чтобы не мешать никому, то, право, жилось бы легче.

...Нынче я и Елена утром катались на лодке. Гонялись за стадом гусят, которые плавали по реке. Мы лавировали за ними со страшными криками, быстро вертя лодку, они, с плеском махая крыльями, выплывали из-под носа лодки, изнемогая от жира и гогоча в панике. «Поворот на фордевинд»² делался с страшной быстротой...

¹ Несамостоятельное деревянное речное судно.

² Фордевинд – курс судна по ветру, когда ветер дует в корму.

14 июля

...По Волге началось усиленное пароходное движение, преимущественно буксиры. Наверное, идут в Рыбинск за хлебом, так как началась жатва повсеместно. Третьего дня прошло восемь буксиров, а нынче вечером мы сами видали пять... Все сплошь везут с собой барки. Запрудили всю Волгу. День проведён так себе. Гулять пришлось мало по поводу дождя. Всё же катались по реке на лодке. Нас вымочило.

17 июля

Занимаемся по-славянски. Пропёрли формы глагола. Нынче пасмурно, идёт дождь, иногда гремит гром.

Наши цветы идут очень хорошо.

...У меня – вакхический профиль, – как сказала сейчас Татьяна. Ново...

Сейчас будет обед. Уже запахло луком и огурцами. Хочется поскорее известить этот дневник. У меня есть уже наготове настоящая «книга Бытия» с очень хорошей бумагой в переплёте и на корешке выделано А.А. Ж., так как эта книга сначала предназначалась для папиных заметок.

Она с названием. На переплёте напечатано: Miscellanea, что значит – смесь¹.

Обед прошёл бурно. Препирались друг с другом, шумели. Кисель из чёрной смородины прямо произвёл переполох. Андрей получил название Себалдуса Дика, а я – Капуцина, причём я парировала: «Лучше быть цапуцином, чем Цебалдусом». Превращение в цуприка произошло моментально. Завтра проектируем поход в Фёдоровское, двенадцать вёрст от Корчевы.

<...> Дождик шумит,

*На душе бессодержательно – пусто, капли падают длинно и густо,
Настурций букет с резедой отражается в зеркале.*

Краски зелёные алые, но умирают без зеркала.

Серое небо, зелёная яма вся мокрая...

Совместное сочинение стихотворений при знании только размера и второй рифмы:

*По улицам шлялся я пьяный в полночное время чертей,
Он будет страдать за свободу, похож он на стадо свиней!
Взвилась одичалые ведьмы, как тихи, прекрасны они,
Лиловая туча неслася, мы все утопали в вони.
Когда все они соберутся, закат догорал за рекой.
Цветут розовые пионы <...> под холодной могильной землёй.*

¹ Miscellanea (лат.) – 1) литературная смесь; разное (рубрика в журнале, газете); 2) альманах, сборник.

*Тихо пел он за оградой, не нуждаясь ни в чём:
 «Где ты, где ты, дорогая?», я всё думаю об нём.
 В бархатистых тонах неба блики на воде слились,
 Аромат плывёт далёко, пред собою видя высь.
 Голос нежный так и лился, засветился небосклон,
 Громко квакал граммофон, весь залит луной балкон.
 Очи карие блеснули, вся душа полна тобой,
 Я вдыхаю ароматы, как мой милый, дорогой.*

Мы спорили, что «Догорели огни, облетели цветы»¹, я – произведение Надсона, Елена – Некрасова, Татьяна – Апухтина.

18 июля

Вчера вечером на поле был прекрасный вид неба. Закат мистический, словно первый день сотворения мира, раскалённо серые тучи все в золотом тумане, золото на полнеба. Сквозь жёлтое отверстие глядит солнце, окружённое прозрачным ярким туманом. Его лучи окрашивают поле в ярко-красную краску. Красная трава, красное платье, пасётся красная, как кровь, лошадь. На востоке же синяя, как чернила, туча. Мрачный и сказочный фон для полной радуги, обнявшей тучу разноцветным полукругом... Сверкают, как знойные пылающие змеи, молнии, бухает отдалённый и мрачный гром. И этот золотой туманный закат, и красное поле, и живущая тёмная туча, полная ветра, кажутся чем-то стихийным, словно земля только ещё начала жизнь. В конце концов нас совсем промочило. Пришли мокрые вдребезги. Нынче воскресенье, потому ходили утром гулять до Малого Новоселья².

За решёткой

*Ночь наступала. Солнце скрывалось,
 Ветер прохладный с полей повевал.
 Ты у станка, наклонившись устало,
 Песню родную слегка напевал.
 Виделись дали Днепра у низовья,
 Старо-Кайдацкий любимый порог³,
 Где разбиваются шумно потоки,
 <...> Густо на скалах чернеется мох...*

Сидели на бревне при входе в деревню и отдыхали. Зацвёл хмель.

¹ Строка из стихотворения С.Я. Надсона.

² Населённый пункт в Корчевском уезде.

³ Кодацкий (Старо-Кайдацкий) порог – первый из днепровских порогов.

И нынче вечером – гроза. Это случается каждый день, тучи находят огромные, наносятся совершенно неожиданно, хлещет дождь, ослепляют молнии, сотрясает дома гром... По вечерам гулять нет возможности. Сейчас 8 часов, от тучи темно, не хочется зажигать лампы, так как и без того страшно жарко. Один удар: семь секунд.

*Гроза бушует и рокочет, горят мгновенные огни,
Бумагу синими глазами читают бешено они.
Звенит стекло от треска грома, слегка подпрыгивает стол,
И я невольно уважаю природы грозный произвол.
Он никого в рабы не метит, но каждый стал рабом его,
И не скрывает <...>ни на иоту она безумья своего.*

Писать темно, темно, темно.

19 июля

Жара ужасная. Все раскалено до максимума.

Как скоро идёт лето! Скоро пройдёт июль, а через месяц 18 августа. Что-то мы тогда будем делать и где находиться? Мне кажется, останемся сидеть в Корчеве, хотя это очень неприятно.

Наши, то есть Елена и Татьяна, продолжают любить. Елена – М.И. М.¹ Татьяна – Д. Н. К.² Часто об этом приходится разговаривать, потому что преимущественно это занимает их умы... У Татьяны – тихая любовь, у Елены – бурная. Собственно, если разбирать точно, то такую любовь можно назвать просто страстью, потому что любовь охватывает и душу любимого человека, а о душе, например, М.И. М. мало что известно... Всё это похоже на слова влюблённых, которые часто говорятся в романах и стихотворениях... Чувствительность же влюблённых достоверно известна, и прямо боишься каким-нибудь словом произвести переполох в их эмоциях.

Если бы Елена или Татьяна заглянули в мой дневник, то наверное бы обиделись на эти «пагубные» речи, хотя я не имею сказать ничего дурного про них. Эта «патология души» – влюблённость смешна

Готовятся к экспроприации

¹ Личность не установлена.

² Личность не установлена.

*Он чувствовал себя,
как собака на заборе*

во многих своих проявлениях, ухмыляться можно долго, долго, когда видишь, что влюблённый мчит вскачь куда-нибудь, только для того чтобы увидеть чьи-то «карие очи»...

20 июля

...Вчера купались. Разговаривала с мамой какая-то мешанка, ставшая чиновницей. Её растянутые слова могли взбесить кого угодно: «бухгалтер», «правов» ясно показывали её неинтеллигентность, хотя она старалась быть «светской» дамой. В купальне купаться плохо, тесно и нудно, но на ночь выкупаться было приятно, особенно после убийственной жары. Ночь была душная, тёплая. Мы гуляли до одиннадцати часов.

...Мы читаем путешествия Фёдорова. Тянет в другие страны, хочется увидеть другое небо, другие деревья... Поехать бы в Америку, за океан... Надоела Россия со своей давящей реакцией, надоела своими хищными чиновничьими лицами, молитвенными и патриотическими криками развратных, гуляющих без дела солдат и стражников, на которых так много идёт народных денег, опостылели церкви, трезвонящие в колокола, и тюрьмы, битком набитые народом. Надоел мешански-буржуазный разгул, пахнущий публичным домом, но затканый паутиной мешанских пошлых традиций и обычаев. Эти жалкие девушки, стремящиеся замуж, чтобы можно было свободней жить с другими на стороне, и молодые люди, мечтающие не о борьбе против гнёта, не о лучшей жизни, а о победах над юбками... Пошла жизнь уездного города. Хочется быть подальше от земли на каком-нибудь океанском пароходе. Да и там плохо: одни кочегары в машине парохода могут отравить всё удовольствие своим видом. Знаешь, что оно покупается страданием и кровью человека, и не можешь уже быть довольным, как этого бы хотелось.

Лирическое настроение не мешает мне однако думать также и об том, что, в конце концов, могучая буря – сознательный пролетариат – разметёт чёртово болото пошлости и подхлещет отсталую муть хорошим кнутом социализма.

...Нынче Ильин день¹. Гуляли мы только вечером, с шести часов до половины первого ночи.

¹ Традиционный народный праздник, приуроченный к церковному дню памяти пророка Илии, одного из наиболее чтимых на Руси святых.

21 июля

Решили написать на восьми листках описание вчерашней ночи, непременно о ночи и непременно на восьми. Я и Елена хотим поскорее исписать свои надоевшие книги.

Нынче такая же жара, как и вчера, недаром тогда так рано выпала роса. Зелень деревьев начинает портиться всё больше и больше, что можно с прискорбием отметить. Липа желтеет.

Описание ночи в Ильин день на восемь четвёрок начинается. Мы в 8 часов пошли провожать маму в купальню. Уже темнело, наступала тёплая июльская ночь. На небе облака из оранжевых стали серыми, по берегам замелькали огни, рыболовы разожгли костёр. Татьяна пошла проводить маму вниз в самую купальню, а мы остались на берегу и стали прохаживаться там. Дул сильный тёплый ветер, шумя в густых тёмных деревьях сада, на горизонте стали светиться зарницы, фантастическими огнями озаряя облака.

Затеплились звёзды. Мы сели.

Где-то вопили пьяные, а недалеко от нас темнела шумная толпа каменщиков, желавшая устроить танцы на берегу, но их разогнал стражник. Некоторые из них уже звонко поколачивали по камню каблуками сапог, припевая: «Протанцуй-ка, Катенька, веселее трепака!»

...Сидеть было не особенно приятно, так как каждый пьяный считал своим долгом раскланяться, а потом извиниться, что он «немножко выпимши». Слышались и такие фразы: «Здравствуйте, красавицы, пожалуйста!» Но вообще-то публики было немного, так как главные гульбища на Ильин день устраиваются в Устье, Притыкине и Городищах¹. Все, без сомнения, были там, от чего мы, конечно, ничего не потеряли, а только выиграли.

Анне Ждановой:

*Есть люди, которых улыбка чарует,
Чей взгляд раздражает, манит и волнует,
Разгадывать их – так приятно, так сладко,
Поняв, хорошо восхищаться укладкой.
Они неприступны, как рифы Формозы²,
Их щёки цветут, словно южные розы,
Глаза – точно небо, как тёплая ванна
Их сердце... Одна из них – Жданова Анна.*

На пароходе

¹ Населённые пункты в Корчевском уезде.

² Колониальное название острова Тайвань.

В 10 часов ушли с набережной... Дома мы пили молоко. В сених была зажжена лампа и бросала смутный розовый квадрат света на траву и сарай. Решили ещё погулять, так как дома стояла страшная духота. Пошли по Большой улице за город. Тёплая волна ветра откуда-то с далёкого неба неслась нам навстречу. Мы расстегнули воротники навстречу ветру. На небе закручивалось серое какое-то сияющее облако, как будто на нём отражались звёзды, мягкими вспышками горящие в тёмной дали. А горизонт, казалось, жил электрическими огнями.

...Звенели болотные птицы, а цикады невыносимым звонким хором вторили им. Хотелось ковёр-самолёт. Чтобы он плавно подлетел, шелестя по траве, к ногам, слегка влажный от росы, и заколыхался у ног, как большая подстреленная птица. Сеть бы и умчаться к светяющему облаку, в звёздную бездну, где веет вековой прохладой, где вокруг только небо да его огни в тумане грозowych облаков. Замирало бы сердце от стремительного полёта, свистал бы тёплый ветер в ушах. А внизу огни городов, свист локомотивов, сеть фонарей, блестящая иллюминация городской жизни, внизу серебряные реки в тёмных берегах, одинокие деревушки, горы под вечным снегом...

Повернули назад. Улица была пустынна. Все огни были затушены. Гремела колотушка сторожа, но в воздухе была какая-то особенная тишь, несмотря на ветер. Теперь перестали петь певчие птицы, а сначала по ночам их пение так и разливалось волной по воздуху...

Долго сидели на лавочке во дворе, когда пришли, спорили, говорили о величии мира, смотря на трепещущие вдали звёзды. Созвездия поднимались всё выше и выше над тёмными силуэтами берёз, подчиняясь вечному закону движения, миллионы миров жили над нами в таинственных прозрачных сферах. Иногда хлётко чертила эту хрустальную высь падающая звезда, и мы провожали её восторженными возгласами...

Поднималась какая-то неудовлетворённость в том, что такая красивая ночь скоро и навсегда минет...

Человеку как-то мало кажется полюбоваться один раз. Он жалеет, что чудные картины никогда более не возвратятся. Елена согласилась со мной. Мы бы страшно хотели запечатлеть эту ночь на какой-нибудь пластинке, в которой сочетается и воспроизведение красок, и звуков, и движения звёзд при вспышках молний. Чтобы с этой чудесной пластинки веял ветер, наполненный запахом дождя. Было бы чем-то сказочным взять такую пластинку в зимний унылый вечер, когда за окном свирепствует вьюга, смотреть на чудную картину летней ночи, как будто перед тобой опять воскресло лето со всеми своими прелестями. Наверно, когда-нибудь изобретут такого рода чудеса.

В конце концов стали мечтать о копнах свежего сена где-нибудь на полях у реки, где можно было бы улечься, закрыться сеном и повернувшись на спину, упереться взором в небо, а затем заснуть, утомясь, думать о чудной красоте тех далёких миров. Эти мечты привели к тому, что глаза стали слипаться, язык больше не ворочался, ясно было, что пора спать. Так мы и сделали...

22 июля

Вчера было очень жарко. Мы ходили в таких костюмах, которые годились бы только для Хитрова рынка¹. Мама лежала на своей кровати в одной сорочке, мы все были без верхних юбок, босиком и все пуговицы, которые только можно было расстегнуть, были расстёгнуты. Волосы были растрёпаны, так как чесаться в такую жару значило бы просто рвать их от злости и нетерпения. Вообще «фарс с раздеванием».

23 июля

Вчера ходили за грибами в городской лес. Набрали к обеду полную корзинку красиков. После дождей пошли грибы. Нынче тоже были в лесу и набрали всякой чепухи. Нынче день прохладный, очень приятный.

Гуляли после чаю по городу. Свежо. Заметно первое веяние осени. Уходит, уходит лето. В садах все яблони усыпаны плодами, большой урожай яблок. У нас разгораятся глаза, глядя на эти сокровищницы.

24 июля

Сидим почему-то дома, хотя погода довольно тёплая и приятная... Отзвонили ко всенощной. Наверное, сейчас будет дождик. Идёт слоистая туча. У нашей кошки – двое котят. Слепы, как Демодок². Не знаю, идти гулять или не стоит. Двор полон баронской и княжеской дворни, неприятно проходить, да и в городе набережная до смерти надоела. Однако освежиться немного было бы приятно...

Образец нашего литературного слога:

«Стреляли скороходы. Сбоку – пятно барышень. Плюнул им каскеткой. Свистнули: «Здрас-сте». Бросили в уши: «хи, хи, хи». В ответ натянута разорвал красные полоски, зашил волосами дыры, подплыл к ним мясом, затих. Барышни бросали зрачки, подавали грабли, жали лапоть. Скорчился на доске, заиграл, задвигал горлом. Они плескали зубами».

Ерунда-бирюнда.

Хлюст

¹ Хитров рынок – известная в дореволюционной Москве площадь, злачное место, в притонах которого собирались тысячи безработных и преступников.

² Слепой певец и сказитель, персонаж «Одиссеи» Гомера.

Газеты не получаем. Скучно, когда не знаешь, что творится на свете. Недостаёт чего-то за день без газеты. Теперь мы встаём в 7 часов, я обыкновенно первая, идём смотреть на цветы, пьём чай. Все за чаем сидят с книгами и иногда цитируют что-нибудь, причём другие обыкновенно не слушают. После чая я и Елена занимаемся по-славянски, Андрей уходит к Эрнстам, Татьяна читает что-нибудь. Часто уходим утром погулять, но иногда сидим в саду, ходим по дорожкам и занимаемся боксом...

Проходит утро. Пора обедать. Садимся все опять с книгами, но перед жареной картошкой книги складываются, сверкают ложки, и как только блюдо ставится на стол, ложки стрелами опускаются в него и гребут картошку «на шарап»¹... На блюде ничего не остаётся. Однажды Татьяна даже гребла рукой, когда не было ложки. Дико до чрезвычайного. Тоже самое с киселями и молочными блюдами. Видя, что на тарелке всего достаточно, каждый опять углубляется в чтение, но иногда происходит спор и упреки в жадности, хотя каждый служит зеркалом для другого. Так происходит обед.

После обеда – чтение на дворе, перед чаем часто бокс от нечего делать. За вечерним чаем разговоры о гимназии и занятия, после чая прогулка по полю и по набережной, часто катанье на лодке, в 10 часов вечера «сон меня очаровал»... В кроватях споры об отвлечённостях, причём Елена большей частью молчит, а мы с Татьяной полемизируем. Ругаем друг друга «идеалистками», «пессимистками», причём первое название прилагается ко мне, а второе – к Татьяне, я размахиваю в темноте руками и прыгаю по кровати, Татьяна лежит спокойно и только иногда переворачивается ожесточённо с боку на бок. Наконец я, сказав что-нибудь вроде: «ну и останешься на бобах» и услышав «пусть», сразу погружаюсь в нирвану и прихожу в себя только на другое утро, когда солнце светит уже сквозь штору, слышатся шаги Александры, пищат цыплята и лает Стопка на водовоза...

25 июля

Воскресенье. Базар. Навезли много огурцов... После Преображенья² будут дешёвые яблоки...

Нынче пасмурно, ночь была холодная... На дорожках уже виднеются жёлтые листья берёзы и липы. Иногда идёт мелкий дождик, крыши поплёскивают, мокро. Но мы надеемся, что тёплые деньки ещё будут...

Мы с Еленой рассматриваем рисунок: патруль казаков в Москве. Если бы мы были среди них, то при нападении на толпу можно было бы произвести свалку. С патриотическими криками рубить казаков в середине патруля, чтобы разрознить его и придать толпе воодушевления.

¹ На шарап – возглас, выражающий призыв расхватывать что кому достанется.

² Праздник Преображения Господня, в русской народной традиции – Яблочный Спас.

26 июля

Погода вдруг переменялась. Засияло тёплое солнце, заблистали хорошо омытые дождём листья, поднялись поникшие к земле цветы. Наш цветник роскошен. Серафима Васильевна, хозяйка, сравнивает свои цветы с нашими и унывает. «Вот бы ваши сюда!» – говорит она, указывая на жалкие клумбы против окон барона. У нас же – «тропическая растительность». Скоро Татьяне придётся уезжать <...> скоро и мы все разедемся.

Незаметно промелькнуло лето, скоро ученье. Что-то будет?... Совершенно не о чем писать за последние дни... Гулять идти надо! <...>

Склонение «резеды»
Именительный падеж:
*В потемневшем саду,
Где растёт резеда,
На зеркальном пруду
Отразилась звезда.*
Родительный падеж:
*И полился сильнее
Аромат резеды
К блеску тихих лучей
У спокойной воды.*
Винительный падеж:
*Как пленительный зов,
Луч манил резеду.
Лишь одну из цветов,
Зацветавших в саду.*
Дательный падеж:
*Тихий отблеск звезды
Говорил резеде
О красе мировой,
Что таится везде.*
Творительный падеж:
*Онемевший восторг
Овладел резедой,
И молчала она,
Вся покрыта росой.*
Предложный падеж:
*Рассказали лучи
О моей резеде
И горели опять
Для неё на воде.*
Звательный падеж:
*<...> Ветер тихо подул
И развеял мечты.*

*То, моя резеда,
Я мечтал, как и ты.*

Слово – «Резеда» можно заменить словами «ерунда-бирюнда»...

27 июля

Завтра Смоленская. В Корчеве торжество. Читается икона «Смоленской матушки». Будет кавардак и страшное пьянство. Во многих домах к Смоленской готовятся как к Пасхе, особенно прихожане Преображенья. Приезжают отовсюду гости «гулять». Деревенщины будет полный город. Наедут из самых дальних деревень...

Плешакова завтра предлагала идти гулять. Вряд ли это будет удобно, принимая во внимание Смоленскую, когда по всем дорогам будут лежать тела.

Нынче утро было солнечное, тёплое, потом стало пасмурно и особенно по-осеннему тихо. Вспоминаются дни прошлых годов. В том году меня не тянули крики улетающих птиц, теперь тоже хочется куда-нибудь на новые места.

Я читаю у Джемса о потоке сознания. Джемс говорит, что раз пережитые настроения никогда более не возвращаются в том самом виде, в каком они переживались впервые. Я отчасти согласна с этим, но так как я не анализировала себя в этом отношении, то не могу сразу признать положения Джемса. Конечно, время должно оставить и оставляет на душе свой отпечаток, который каждый раз прибавляет к настроению нечто новое, но нельзя сказать, чтобы настроение, раз пережитое, совершенно разнилось от настроения, переживаемого вторично. Если я испытываю восторг при виде какой-нибудь картины первый раз, то второй раз я могу тоже восторгаться, хотя бы я и чувствовала, что мой восторг более тих, чем первый. Он, конечно, не такой же, но всё же – восторг.

*Печальные осени очи уже заглянули с небес
На сжатое голое поле, на грустно желтеющий лес.
Настали глубокие ночи с какой-то таинственной тьмой,
Когда так резки и красивы огни, что горят над рекой.
Умчалось весёлое лето, где зори встречались с зарёй,
Сходились и солнцем пылали, и ткали шатёр огневой.
И стенами рожь колыхалась, и громко визжал соловей
Над грустной заросшей могилой, над сгнувшейся жизнью моей.*

...Мы ходили гулять в поле. Река серая, обмелевшая, зацвела у берегов. Давно уже не слышно стука паровозных колёс и свистков. Паровозов совершенно прекратилось. Говорят, начнётся навигация с половины августа, а до тех пор пустить паровозы нет никакой возможности. На Грабиловском перекате дно Волги обнажилось сажен на пятнадцать у берега, река там кажется какой-то случайной лужей. Везде просвечивают

песчаные мели. На самом глубоком месте – один аршин два вершка. Вообще обмеление реки страшное...

28 июля

Дожливый пасмурный день. Александра была на базаре. Тридцать яблоч продаются на четыре копейки. Александра купила на пирог. У нас нынче два пирога с яблоками и вареньем. Все, несмотря на дождь, отправляются на крестный ход в лучших туалетах. Даже фон Берги, как нам сообщил Андрей, собираются вовсю. Мама и Андрей тоже пойдут глазеть на народ. Андрей уже убежал. Мама всё никак не может собраться, кажется, в конце концов завалилась на кровать...

У нас на столе красивый букет. Я собрала его утром, причём многие цветы были экспропрированы у хозяйки. Букет состоит из белой астры, анютиных глазок красного и желтого цвета, разнообразных флоксов, резеды, настурций и ибериса. Преобладают розовые оттенки до самых тёмных.

Мама играет вальс. <...> Сейчас будет Чайковский. Музыка напоминает унылые русские равнины в крепостное глухое время.

На крестном ходу было много народу. Вся Корчева.

Теперь вечереет. За окнами холодно. На стёклах туман от самоварного пара. Идёт дождь. Чайковский – скучен. В басах упрямо и плаксиво звучит какая-то нота, сопровождая всю мелодию своим монотонным звуком.

Сейчас мама заиграет «Лесной царь» Листа. Начало на что-то жалуется. Хороши переходы от одного настроения к другому... Слышится отдалённый гул какой-то угрозы, он расширяется, растёт, растёт и вот уже наполнил всю комнату и обрушивается, как грозный девятый вал, чтобы сразу оборваться.

А вот из «Роберта-Дьявола». Воинственно и как-то грустно. Напоминает баррикады, последние, но грозные, шлющие гордый вызов врагу последним вздохом борцов. Слышится канонада... Бухают выстрелы, сметающая всё... Борьба! Крепитесь, товарищи! Победный и гордый марш льётся волной над красным знаменем, минута раздумья как будто. Грустно рокоуют аккорды, как последняя дань сражённым. Трели, трели и конец.

Вальс «Родевьен» Листа звучит примиряющее, как речи буржуев после взрыва народного возмущения. Шелка, чёрные очи красавиц-полек где-нибудь в варшавских дворцах, сытая жизнь, полная блеска и вместе с тем такая изменчивая.

Вальс-экспромт Листа грустен, но настроения мало. Есть какой-то вопрос, по-видимому, неразрешённый. Кто-то настойчиво спрашивает о нём, в ответ – уговаривающие басы...

«Дон-Жуан» Тальберга... Какое-то воспоминание. Достаточно скучное. Можно хорошо поспать.

«Английский гимн». Пародия на торжественность, бряканье и гаммы с середины клавиатуры до конца... Игра окончена. Сразу тихо стало. Мама опять ушла на кровать...

Кочегар

Играли вечером в ералаш. Я и Андрей взяли роббер. Шум был ужасный. Когда партнёры «выясняли недоразумения», их противники нарочно шумели, гикали, кричали: «Городовой!» и свистали...

29 июля

Наконец-то. Через два дня август. Это фунт. Мама числа 6-го уедет в Тверь. Андрей тоже. А 15-го уедет и Татьяна. Нынче пасмурно, но не особенно холодно... Иногда сеет мелкий дождь...

Катались нынче вечером на лодке... Заплатили за удовольствие пятнадцать копеек. На набережной было гулянье... При нас Щ. и К° пели всё время: «Последний нонешний денёчек»¹. Наверное, думают, что мы скоро уедем. Если бы только удалось!

Завтра в Корчеве торжество. Закладка дома на набережной и обед в честь строителя Толчёнова. Обед будет в городской управе. Зал украшают трёхцветными свежими флагами, патриотизм развивается немало. Крестный ход, три дня закрыта библиотека и тому подобные памфлеты.

30 июля

Мама хочет идти на закладку. Держу пари, там будет весь город...

Делать нечего. Надоела плохая погода. Мама уйдёт, поиграем на рояле. Разучиваем «Каватину Валентина» из «Фауста». Кое-что выходит...

Вчера весь день читала «Современный мир»². Беллетристика впечатления не произвела. В критике большое внимание отводится Сергееву-Ценскому за его повесть «Движения». Хвалят. Но, по-моему, такая дикая нелепая ерунда, какую и читать-то нельзя без длительных зевков и пожимания плечами... А что касается «роскошного описания природы», то природы совсем не видно в искусственном нагромождении странных фраз. Следишь скорее за словами, а в воображении не возникает никакой картины. Ерунда и мутный поток оригинальных фраз. Смысла мало и ничего изящного. Таланта нет, имеется на виду только «дарование».

Андрей взял газеты. В Персии восстание фидаев³... В Испании борьба клерикализма и правительства. Демонстрации патеров мало удаются.

¹ Популярная песня конца XIX – начала XX вв. о призыве в армию.

² «Современный мир» – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в 1906–1918 гг. в Петербурге.

³ Фидаи, фидайны – термин, обозначающий членов ряда революционных боевых партий, участников национально-освободительных движений, террористических организаций и групп.

В Берлине локаут... В Москве порядочно забастовок с довольно благоприятными результатами для рабочих. По всей России – холера, на юге – чума. Процветает авиация. Авиатор Уточкин в Екатеринославе ссадил пассажирку в степи. Возвращайся как хочешь!...

Мама была на закладке здания. Встретилась с Корвин-Литвицким¹. Сказала ему о желании Татьяны поступить учительницей в Корчевской уезд через год. Корвин-Литвицкий сказал, что будет очень рад...

На закладке отец Михаил говорил речь, советуя корчевитянам носить на руках «благодетеля» Толчёнова. Многие бабы прослезились от этой речи... Сорока каменщикам дали по рубахе и основательно напоили водкой, чтобы они погромче кричали: «ура».

31 июля

...Прохладно, иногда показывается солнце. Ветер. У меня в горле какая-то опухоль, потому заседаю дома, чтобы совсем не «разъехаться» к Преображенью, когда надо будет устраивать пир из яблок. Вот уж тогда запируем.

Читала статью из «Современного мира» «После бури» Гольдберга. Говорится в ней о положении промышленности после 1905 года, о рабочих. Их положение самое скверное, так как сокращение рабочих рук усовершенствованными машинами выбросило много рабочего люда на улицу. Также мужской элемент на фабриках, как наиболее сознательный, заменяется женским, а так как женский труд оплачивается вообще дешевле, то это приводит к ещё большему обнищанию рабочего класса...

Локауты принимают характер наступательного движения вместо оборонительного и не идут на уступки, хотя бы уступки эти не приносили им никакого ущерба. Уступки им кажутся поощрением рабочему классу, чего капиталисты допустить не могут, особенно после ужасного перепуга в 1905 году.

О промышленности замечено, что она мало потеряла, замечено развитие крупных предприятий, которые экономически окрепли, несмотря на общую депрессию...

Интересно, что из общего числа жалоб рабочих на хозяев в 5,84% было заявлено о «грубом обращении и побоях». Это ещё не вывелось, значит! Выяснено, что наиболее удачные стачки были выиграны организованными рабочими.

Валя

¹ Корвин-Литвицкий Александр Константинович – председатель Корчевской уездной земской управы.

К вечеру гремел гром довольно сильный, потом стало ясно, но потеплело мало. Вода в реке сразу очень сильно поднялась. Стали поговаривать о возобновлении пароходства. Было бы очень хорошо, если бы пошли пароходы.

2 августа

Ночью был пароход, а нынче ожидается «Голубка». Самолётские ещё долго не пойдут. Вчера мы ходили за грибами за Харлово¹ на ту сторону с Александрой. Александра взяла с собой громадную корзину, в которую входит мера² картошки, и отпросилась у мамы, так как ей очень хотелось сходить за грибами. Пошли. День был солнечный, свежий, и гулять было бы приятно, если бы у меня не болела голова. Мы собрали четверть большой корзины и пошли домой, решив сделать хитрость. Мы положили в корзину веток, платки и андрееву куртку, а сверху засыпали грибами. Фу-рор был ужасный. Крестьяне, ехавшие с базара, только и говорили о наших грибах, но на перевозе случилась довольно смешная оказия. Когда мы сходили с третника, Андрей толкнул ногой корзину, она опрокинулась. Наши грибы посыпались градом на грязные доски, и наш обман обнаружился... Вот завопила одна баба! Но она нам сказала, что мужики так же грешат, наполняя плетёнки мохом... Наскоро подобрали...

3 августа

...У нас порядочные скандалы из-за поступления в гимназию. Мама во чтобы то ни стало хочет, чтобы мы учились в Корчеве, мы упорно отказываемся. Мама доказывает, что на житьё в Твери нет средств, так как кроме расходов на это, будут расходы на её двухмесячное пребывание в Москве и на квартиру в Корчеве, которую она хочет оставить за собой, так как в Твери жить не будет.

Всё более и более убеждаюсь, что на земле нет вообще ничего святого: каждый нравственный закон, идейное правило имеют свою обратную сторону. Только материальные факторы движут всем, и ничего бы не было нравственного, если бы человеку пришлось всё время заботиться о своём пропитании, потому что лишь сытый человек в состоянии думать об отвлечённостях, которые будут в состоянии охранить его сытость. Охрана сытого благополучия и есть законы нравственности, а всевозможные идеи не есть ли стремление человечества улучшить своё материальное положение. <...> Разве может осуществиться свобода, если половина рода человеческого останется голодной, разве в ней возродятся братские чувства к другой сытой половине, разве это будет равенство? Тысячу раз – нет! Свобода, братство, равенство возможны только тогда,

¹ Населённый пункт в Корчевском уезде.

² Русская народная единица ёмкости для сыпучих тел, соответствовавшая приблизительно одному пуду зерна.

когда все будут сыты. И нечего говорить о нравственности, когда люди голодают: голодный человек, голодная толпа пойдёт на всё...

Потом меня очень занимает один вопрос. Почему предписания нравственности так трудно исполнимы? Мне кажется, потому что каждое предписание можно исполнить <...> таким образом, что делая один нравственный поступок, человек идёт против другого. Например, человек, принёсший присягу в верности какому-нибудь болвану, делает нравственный поступок, если повинуется во всём ему, но нравственно ли, защищая этого болвана, оправдывать грабёж, убийство и насилие, при котором, положим, только и может существовать болван?...

Безнравственно вступать в брак не любя, но безнравственно ли жениться на соблазнённой девушке, когда любви давно уже не существует? Жениться надо, но это безнравственно без любви, не жениться – безнравственно бросить жертву страсти. Где же выход? Взашей бы эти буржуазные цепи, которые только и могли создаться в таком разношёрстном составе мира, где поп, солдат, купец – каждый предлагает свою честность, свою правду, свою любовь, нимало не приближаясь к тому общему, что движет людьми, и это общее есть истина, которая гласит: настоящая честность, настоящая правда, настоящая любовь будет только тогда, когда все будут сыты и равны, то есть когда исчезнут с лица земли попы, солдаты, купцы и... болваны, эти социальные противоположности отжившего строя.

5 августа

*Сквозь серебристо-серую гряды
Стальным огнём пылает солнце лета,
И я никак картины не найду.
Она? Нет! Всё не это!
Шумят, шумят поникнувшие липы,
Недавнего дождя сияние на них,
И так приветлив серебристый день,
Печальным взглядом на землю смотрящий,
И улыбаясь радугой огнистой,
Которая горит в выси.*

Нынче ездили на лодке... Мы взяли маленькую лодку, нашу любимую, и поехали. Стал сеять мелкий косой дождик, но мы гребли всё вперёд и вперёд. Затихло. Вдруг прорвалась облачная завеса и, улыбаясь как будто, выглянуло горячее солнце. В ответ, как вспышки бенгальских огней, из воды показался столб радуги. Всё ярче и ярче разгорался он, и наконец ослепительный полукруг перекинулся с берега на берег, туманно отражаясь в быстрой воде. Эти причудливые блестящие ворота как будто звали к себе, и летевшие над рекой чайки, казалось, проносились серебряными бликами в туманную серебристую даль, на которой резко выделялись

Татьяна

белые колокольни города. Мы как будто только выехали из ворот радуги, брызги от весел зажигались ослепительными искрами, дно просвечивало, был виден каждый камешек. Тепло и радость сквозили в каждом штрихе радужного водяного полукруга радуги, и так хотелось быть чайкой...

6 августа

Едим яблоки. Съели по десятку... Особенного пира не вышло, так как всё внимание уделено на сборы к отъезду. Андрей последний раз занимался у Бергов. Они тоже скоро уедут. Мы нынче устроили музыку с пением. Колотили по роялю и ревели во всё горло песни, преимущественно новобранческие. «Последний noneшний денёчек» всё время сотрясал старые стены нашей квартиры. После двух песен Андрей «подал в отставку», так как успел лишиться голоса. Нас хватило на большее. Гиканье, хлопанье, топанье комментировали каждую строфу песни. Дребезжали стёкла, и посуда в буфете звякала в такт. Мамы, конечно, не было... Пели и революционные песни, но уже охрипшими голосами. Гулять нельзя. Иногда идёт сильный дождь. Всё время парит...

В 7 часов подадут «тройку борзых лошадей». Андрей чувствует себя как на горячих углях и не в своей тарелке. Если в Твери насчёт нас ничего не выйдет, придётся попробовать учиться в Корчевской гимназии. Ничего не поделаешь... От маминой поездки зависит то, как придётся провести год.

От яблок чувствую непомерную тяжесть и смыкание век совершенно непроизвольное...

*Качаются тёмные старые липы,
Но помнят ли в жизни они
Про крылья подбитые гордой свободы,
Про полные радости дни.
Когда развернулось вдруг красное знамя
Над нашей обширной страной,
Борьбы загорелось суровое пламя,
Борьбы, что была роковой?
И мне отвечали тенистые липы,
Что будут такие же дни,
Опять будут люди за правду бороться
И счастья добьются они!*

...В 7 часов подъехала тройка хороших вороных лошадей. Андрей поехал «солдатом», так как перед отъездом мы сыграли в короли¹. Лошади сразу дёрнули, зазвякали бубенцы, и Андреева спина заколыхалась на тарантасе. Мы смотрели в окно, махая руками. Мама ехала в сером платке и величественно покачивалась. Интересно, каковы-то будут результаты экзаменов.

Мы вечером открыли окно и слушали граммофон, играющий в чайной «Лира и чёрные грязи». Серая ночь, тёплый ветер, монотонный стук дождя и тягучее пение то мужским, то женским голосом. Иногда попури оркестра, иногда хор. Граммофон довольно хороший...

На ялике

Совместное стихотворение

*Мы слушали граммофон, а думали, кошку,
Обуял нас смертный сон, глядячи в окошко.
В Тверь Андрея проводили, Серафима знала,
Всю рояль расколотили, братия визжала.
На прощанье короля ловко разыграли,
Как поехал наш солдат, все улицы знали.
Сыровег² на сковородке жарили и ели,
А потом, когда поели, слегли на постели.
Тягуна напрасно ждали, не могли дожждаться,
Чтобы вдоволь сыровеги жареной нажраться.
Подошла с корзиной баба, красиков купили и,
Не сжарив сыровеги, с бранию слупили...
Самовары ставили, прыти поубавили.
К нам явилась облезьяна Павла Адриановна.
Думали, что Адриана, глядим – «облезьяна»...
Резедой заткнули глотку: «На, вочеловечься!»,
А она в мечтах имеет: «Не было б увечья».
Целовала маме щёки, сама думала: «кабак»,
А в глазах светился, скажем, фирмы Саатчи табак³.
Губы до земли висят, думали, что платье,
Наступили ей на губу, оказались губы...*

¹ Старинная русская карточная игра.

² Сыровега – кушанье из гречневой муки, разведённой водой, квасом или простоквашей; тесто из поджаренной гречневой муки.

³ Имеется в виду табачная фабрика Товарищества «Саатчи и Мангуби» в Петербурге.

7 августа

Пасмурный день. Как надоело! Неужто с этих пор настала безнадежно скучная осень и не будет больше тёплых летних дней? Лето промчалось слишком быстро и вспоминается, как в тумане. «Не успели оглянуться, как зима катит в глаза»¹. Уже были заморозки. В сентябре пойдёт первый снег. Опять холода, снега. И ожидание лета.

Надо на зиму выписывать какую-нибудь газету, а то со скуки ополумеешь...

Встали нынче в 7 часов утра.

Я просмотрела Дюринга «Ценность жизни»². Оптимист первой руки, на всё смотрит бодро, не отрицая действительности, но слишком вдаётся в метафизику. Не понравилось. Мне вообще не особенно нравятся те произведения, в которых автор злобно ругает кого-нибудь из своих противников. Выходит как-то узко и начинает казаться, что произведение написано не для открытия истины, а только для того, чтобы поругаться хорошенько со своими противниками. Читателю же это, право, не должно быть особенно интересно. «Ценность жизни» – тема, об ней и пиши, зачем же «доказательства от противного?» Критика, так критикуй всю, зачем же прикрываться заманчивыми названиями?

Буду писать, как по транспаранту, чтобы скорее исписать эту книгу до конца. На каждом листке по рисунку, причём, когда начинаю рисовать, не знаю, что нарисую. Вдохновения никакого. Теперь решается наша судьба. Буду завтра с нетерпением ждать писем. Мама теперь сидит в гимназии и наводит разные справки. Что-то она узнала?

...Вечером ходили на кладбище втроём... Отнесли на могилу букет цветов. Погода тёплая, потому решили кататься на ялике. Поехали вниз по течению. Серая гладкая река быстро неслась к далям, где уже голубела ночь. Яркая зелень берегов шёлковыми полосами отражалась на зыбкой глади реки. От затуманившихся лесов веяло ветром. Так было спокойно, хорошо лететь на лодке навстречу этому ветру. Пасмурное небо раскинулось над полями... Хотелось долго ехать к голубой дымке ночи, между зелёных высоких берегов. У Кузьмы Петровича разожгли костёр. Дым прозрачно дрожал над кустами, и его запах доносился к нам. Проехали вниз около четырёх вёрст, а потом повернули лодку назад. Не заметили, как показался город за оживлённым разговором, не заметили, что дождь мочит нас... По пути быстро перегнали бакенщика. Он сначала было взялся грести, но видя, что мы скачем к нему саженьями, «сдал», а мы вихрем пролетели мимо. У носа бурлила белая пена и тревожно ворчала, сзади расходились широкие волны... Приехали, когда уже темнело. Было 8 часов. Значит, мы катались два часа. Проездили восемь вёрст. На

¹ «Оглянуться не успела, как зима катит в глаза» – строчка из басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей».

² Дюринг Карл Евгений (1833–1921) – немецкий философ.

пристани стоял полицейский и всё время смотрел на нас. Ушёл вместе с нами. Вообразил, может быть, что мы привезём тюки нелегальщины. Если бы и привезли, то всё равно бы не увидел...

8 августа

Кошка нам мешала спать. Вздумала выбраться на улицу через наши окна, по привычке, которая привилась, когда мы спали с открытыми окнами. Не найдя выхода, кошка попёрла по моей подушке и по голове, а потом таким же образом прошлась по Татьяне, села около и стала махать хвостом по Татьянинному носу. Мы её выбросили за окно. Часа через два страшный грохот. Что такое? Кошка ломится через окно обратно, отворяя его. Распахнула настежь, мне пришлось запереть, так как я сплю головой у окна, а у нас была баня. Таким образом не выспались.

...У всех владельцев и владелиц яблочных огородов страшно воруют яблоки. Дьякон Честной платит окрестным мальчишкам своего рода дань, потому что они каждый вечер подходят к его окнам и кричат: «Давай яблоков, а то ночью воровать придём!». Дьякон им выносит корзинку дрянных яблок, и мальчишки успокаиваются.

...Письма от мамы нынче не было. Завтра должно быть непременно, а если не будет, то прощай Корчевская гимназия, так как прошения о поступлении подаются только до 10 августа, а потом приём прекращается. Стали прибирать наши книги. Беспорядок за лето произведён ужасный. Привели в порядок три полки. Завтра опять пойдёт работа...

Вам письмо!

Совместно с Татьяной:

*Над Еленой веют навьи чары,
Взгляд рассеяннo вокруг скользит,
Сладкого любовного угара
полно сердце и стучит, стучит.
Да! Шестнадцать лет, то время золотое,
Милый образ, карие глаза,
Шепчут губы имя дорогое,
На глазах счастливая слеза.
Мысль летит на Волгу голубую,
Где звезда дрожит над лоном вод речных,
Где склонился Сфирыч на перилах
И затих задумчиво, затих...*

9 августа

Всё время ожидали письма, но не дождались. Не знаем, чем объяснить молчание: или дело плохо, или налаживается. Завтра тоже будем ждать. После обеда была гроза, гремел довольно сильный гром, но молний не было видно. Слетела сверху Серафима и ворвалась к нам: «Можно у вас посидеть, пока гроза?» Мы её занимали рисунками. Увидала мой рисунок – «9 января 1905 года». Заахала и долго рассматривала. Потом стала нам рассказывать про демонстрации в Твери в те годы: «Сию я в палисадничке перед домом. Тепло так было. Вдруг слышу какое-то пение. Говорю сестре: «Послушай, что это там так поют!» Слушаем. Вдруг громадная толпа с Морозовской фабрики. Флаги – красные и один чёрный. Идут и поют. Что, уж не помню. А за ними по пятам тянутся городовые, а потом драгуны, войска – лентой, лентой. Мы сразу стали запираяться, думали, что грабить будут... А толпа пошла к Волжскому мосту, к острогу хотела идти, выпустить арестантов. Ну тут-то на них войска и напали. Били их плашмя, так что убитых-то не особенно много было, ну а раненых порядочно. Потом назад воротились с флагами-то. Пение у них не так уж складно выходило. Как будто охрипли. А за ними опять войска, войска. Ужас что такое было».

Гроза прекратилась, и Серафима ушла...

До десяти часов вечера играли в карты. Было весело. Бешеный хохот не умолкал ни на мгновение. В «зевачи» игра была классической: «зевачи» ежеминутно, «сразу два раза».

10 августа

Пришла открытка от Андрея, очень глупая, но возбудившая наши надежды. Андрей писал, что «дело улажено», нам позволено держать в Твери по-славянски, но когда надо являться к экзаменам и где остановилась мама – это совершенно неизвестно. Надо ждать ещё более определённого письма, а пока мы обречены на бездействие.

Баба нашла немало грибов

Нынче к нам пришла Елизавета Плешакова, мы с ней катались на лодке. Река была серая, с большими волнами. Грести было трудно, но на реке кататься великолепно. Перегонялись с маленьким пароходом «Мечтой». Перегнали быстро. Он беспомощно стучал машиной, грязные от нефти бока корпуса не имели никакого сходства с какой бы то ни было «мечтой», рулевой и машинист с завистью смотрели на нас. Пароходик вёз какую-то крытую барку с грузом... С берега пароходик казался действительно «мечтой». Ослепи-

тельно-белый на тёмно-синем фоне реки, он выпускал облака пара, подходя к пристани, изящным поворотом наклоняясь на бок.

Только пришли домой, засверкали молнии. Пошёл сильный дождь. Серафима, как ураган, примчалась с вышки по внутренней лестнице, перелетая в темноте ступеньки по три: «Можно к вам? Гроза, кажется, очень сильная». Лиза Плешакова тоже дрожала. Сквозь тьму ненастного вечера вспышки молний казались фантастическими. Мы решили заниматься компанию картами.

Завтра должны были придти маляры, всё у нас в зале и в маминной комнате занавешено белыми скатертями. Вид пустынный... В нашей комнате страшная теснота от цветов, которые мы перетасили к себе из зала, настоящая оранжерея. Поместиться впятером около нашего стола было невозможно, и мы играли в карты в маминной комнате. Сыграли в «город» <...> Серафима сохраняла невозмутимое спокойствие и вскоре забралась наверх, чтобы при первой же вспышке молнии кинуться оттуда обратно. Больше она уже не пыталась делать подъёмы и решила ночевать у нас, притащив с собой две колоды карт для раскладки пасьянса. Лиза Плешакова тоже согласилась ночевать у нас... Серафима нам показала пасьянсы: «Гранд-пасьянс», «Картинная галерея», «Звёздочка», «Полнолуние» и «Косыночка». Было интересно смотреть, но у нас у всех слипались глаза...

За окном бушевал ветер, горели молнии. В одиннадцать часов мы разошлись, устроив постели Серафиме и Лизе...

11 августа

...Нынче я проснулась в пять часов утра, когда загремела вставшая Серафима. Кошка опять мешала спать, и вообще спалось скверно, несмотря на желание поспать хорошенько. В седьмом часу отворились входные двери, послышался басистый шёпот: «Войти можно?» и вломились мастеровые оклеивать потолки. Началась в кухне заварка клея и муки, сопровождаемая топотом сапог и сдержанным говором. Александра пошла будить Лизу, которая расположилась в маминной комнате, предназначенной к оклейке.

Вскоре к нам отворилась дверь и вошла Лиза. Мы кейфовали в постелях, Татьяна спала, накрывшись с головой одеялом. Плешакова стояла, постояла, поговорила о том, что её отец, наверное, ушёл в лес за

*К нам подошёл почтальон
с письмом. 12 авг. 1910 г.*

К нам пришла открытка¹

Кажется, едем

грибами и, видя, что мы и не думаем вставать, а только сонно моргаем глазами, иногда смежая веки, решила уйти домой.

Мы облегчённо вздохнули.

...В кухне опять послышался топот и говор, и вдруг наша дверь стала тихонько отворяться. Мы закутались под одеялами, не смея пошевелиться, но к счастью, подросла Александра и захлопнула дверь плотней. Весь почти день мелькали ухмыляющиеся лица в дверях, так что мы решили уйти из дома. Утром мы с Еленой были в лесу. Осины подёрнулись алыми пятнами. На земле пылающими бликами лежат упавшие листья. Ветер очень сильный, но тёплый, буйно ревел вверх деревьев. Мы набрали грибов на обед. Случайно попали на «место» красиков. Целых два десятка грибов росли на одной из полянок...

...Вода стала прибывать... Бейшлот² откроют к 15-му числу, так что на начало навигации можно надеяться только к 20 августа.

Мы теперь всё время говорим о том, как устроятся наши дела в Твери и что будет, если нам придётся там учиться. Нынче письма не было. Ничего неизвестно. Дурни в Твери сидят набитые!

Разъяснило. Хорошая погода. Ветер стихает. Мы вечером гуляли.

Я и Елена ходили в поле, вверх по Волге... Темнело. По реке неслись три ялика, перегоняя друг друга. Мы сначала их не заметили и громко говорили, но потом, взглянув на реку, увидели, что гребцы бросили вёсла и, видимо, прислушиваются к разговору, мы сразу сбавили голос, и осенняя тишина показалась грустной и жуткой с прозрачной стеклянной зарёй...

¹ Дорогие дети! Выезжайте к 14-му в Тверь. 14-го у вас экзамен по-славянски. Андрюша сдаёт благополучно, осталось ещё два экзамена. Берите с собой побольше денег и Андрюшино бельё. Целуем всех. 11 авг. 1910 г. Любящая Жданова.

² Водоспуск, плотина, регулирующая уровень воды.

У нас страшно развился аппетит за последнее время. Только и проводим время от еды до еды. Очень много стали есть, пожираем всё, что ни попадёт под руку. Недавно уписали банку маринованных грибов в полчасика. Вечером выпивается по три стакана молока.

...Мы с Еленой проектировали, как можно было бы хорошо пожить. Летом бы уединиться куда-нибудь в лес над речным обрывом, завести ялик, скаковую лошадь, вечером ездить по пустынной реке на лодке или скакать по лесу на горячей лошади в туманно-голубую даль. Если захочется повеселиться на народе, ехать в Москву, купив предварительно мужской костюм, шляться по синемаатографам, выставкам, театрам и садам, ничего не делая, а когда надоест суета сует и всяческая суета, в пустыню удалиться «от парекарасных седешенеха месат». Потом я предложила в проекте вести себя прилично, например, не щипать дам. Стали «острить». На бульваре ущипнуть светскую даму и кинуться в бегство, а то влететь с тем же намерением в пролётку... Ущипнуть и кучера...

Александра заметила, что их не особенно-то прощипнешь, принимая во внимание их ватную одежду: «Чтобы хорошенько ущипнуть, тут шило сапожное надо». Потом хорошо бы было гарпуном стаскивать с проезжающих модные шляпы, чтобы затем открыть магазин модных шляп.

12 августа

...С двенадцати часов засели у окна и ждали почты. Ничего не могли делать, как обманывать друг друга диким вскриком: «Почта!».

...Наконец показался долгожданный почтальон. Александра встретила его на полпути, он дал ей открытку, мы вырвали открытку из рук, но увидали на ней штемпель из Москвы, однако, быстро вскрыли и (открытка была запечатана) прочли: «Многоуважаемая Серафима Васильевна». Крепко выругавшись, отослали открытку к адресату.

Полубила его... 12 авг. 1910 г.

Гимназистка

Плеск вёсел раздался

Дали Елене по двадцати шлепков, так как держали пари, придёт нам письмо или нет. Она проиграла. С отчаянием на сердце мы отлупили её и пошли гулять. Прохладно. Жёлтые листья иногда с тихим дрожанием падают на землю, и хотя общий колорит пейзажа зелёный, однако отовсюду подмигивает осень своими серыми холодными глазами. Зори алые, пылающие...

Татьяна вечером читала историю своей любви. Много тонкой поэзии и тихой печали. Интересно было послушать.

13 августа

Холодно. Дождь. Недаром вчера пылала багровая заря на полнеба, а тучи гофрились пёстрыми полосами. Ветер. Ничего не хочется делать, благодаря нашему висячему положению. Утром ходили в лес. Страшно кружили совершенно непонятным образом... Орали песни. Чуть не заблудились. Леса кишат народом, собирающим грибы. По лесным дебрям эхом разносится в сером воздухе: «уу!» Это «у-у!» самых разнообразных тембров человеческого голоса: кричат мальчишки, бабы, девчонки, мужики... И мы рявкали, чтобы к нам остерегались близко подходить.

Набрали грибов на закуску. Всё время мечтали о цыплятах во время прогулки. Александра нынче жарит их. Опять ждём письма и опять держим пари. Льёт дождик... Сыро и холодно... Вдруг нынче придётся ехать. Немного скверно...

Ах, если бы пришло письмо! Письма не было. Елену щажу...

К ночи разбушевался ветер. Он выл за окном и ревел ненастными голосами.

*Мы жертвою пали надежды пустой,
Письма ожидая из Твери,
Мы отдали много часов за него,
Мы стали свирепы, как звери.
Весь день мы стояли у наших окон,
Хозяйка тотчас за дверями
Звала «благодетелем» почту подчас,
Её мы «секретки» вскрывали.
А мама пирует в тверских номерах,
Андрея долбить заставляя,
Но крупные двойки в журналах давно
Чертит уж рука удаляя!*

*Настанет пора! И получим письмо:
 Призыв на экзамен славянский,
 И мигом собравшись, с корзиной в руках,
 Поедет наш табор цыганский.
 По Твери пойдёт толстых лодырей строй,
 На всякую свалку готовый,
 Давно закалённый в боях корчевских:
 Сняк безотрадно лиловый.
 В душе его дерзкая вера живёт,
 Что наглость сильнее булата,
 Что жирные двойки под толстой рукой
 Сойдут за пятки в аттестате.*

Мы устроили конкурс картин... Темы были выбраны из стихотворений. Все мои рисунки нарисованы здесь. Первый должен изображать «плеск вёсел раздался в ночной тишине, приди, дорогая, в объятья ко мне». У Татьяны что-то голубое, достаточно неразборчивое, у Елены – Сфирыч в полуобороте, гребуший к берегу. Второй рисунок иллюстрирует влюблённость в одни глаза. Влюблённость символизируется пронзённым сердцем, истекающим кровью. «Как я влюблён в одни глаза, как восхищаюсь их игрою». У меня, кажется, это изображено реальней всех. У наших нарисованы просто большие глаза тёмного цвета. Далее конкурировали рисунки: «Катя бережно торгуется», «Раз сгребая сухие сучки и пою», затем «Царица Тамара». У Татьяны Катя обнимается с парнем, причём и Катя, и парень величины и толщины непомерной. Сгребальщик сухих листьев летит по воздуху с граблями в руках, тоже необъятных размеров, страшно смешной, «Тамара» – полуголая красавица. Елена не рисовала больше трёх рисунков.

14 августа

Андрей держит в Твери последний экзамен. Опять ждём письма. Идёт почтальон с письмами. Принесёт ли он нам что-

Как я влюблён в одни глаза...

Катя бережно торгуется, всё боится передать

нибудь? Это интересно. У нас началось сердцебиение... Письма не было. Прямо возмутительно.

...Осень всё больше и больше золотит деревья, осыпаются листья... Недели через две половина деревьев будет без листьев. Завтра Успен¹е¹, довольно большой праздник. Звонят...

Тёмная тёплая ночь...

Тучи мазками чернильными кроют последний закат,

Листья печальными бликами возле дорожки лежат...

Стук от подков раздаётся в чёрной осенней тиши <...>

Ропот глухой шевелится в тихой садовой глуши.

Вечером много гуляли до самой темноты... Тема разговора была одна и та же: как решится наша судьба. Татьяна не хочет уезжать из Корчевы, пока не выяснится что-нибудь...

Когда мы увидели реку, то поразились страшной прибылью воды. Все мели закрылись водой... Значит, на самом мелком месте двадцать четыре вершка! Даже «Котя» может свободно идти. Сразу пошли на набережную спросить у Сфирыча о пароходах... Оказалось, что первый пароход выйдет 15-го, а бейшлот откроют завтра. Значит, воды будет ещё больше. Наконец-то пойдут пароходы. Это очень приятно.

Стоял осенний туманный день и, хотя ещё зеленели последней зеленью деревья, чувствовалось, что живущая природа скоро замрёт до новой весны...

Мы сидели в зале при зажжённой лампе. Вдруг за чёрными окнами раздался близкий выстрел. Мы прислушались... Всё было тихо. Но через минуту загредел вторичный выстрел ещё ближе. Окна наши были не занавешены. Мы быстро подхватили лампу и умчались из залы рысью. Вскоре бухнул ещё выстрел. Можно было разобрать, что стреляют из ружья... Елена подкралась в тёмной комнате к фортке и пальнула из «пугача». Патрон разорвался со страшным грохотом, и эхо чёрной ночи далеко разнесло выстрел. Прошло немного времени. Послышалось: «Что это там стреляют?», и пошёл с колотушкой сторож... Предполагаем, что это пугают яблочных воров, а, может быть, хулиганят пьяные семи-

*Раз сгребает сухие сучки
да пою*

¹ Праздник Успения Пресвятой Богородицы.

нары у попа Ивана. Однако после нашего выстрела пальба прекратилась...

Нынче, когда немножко разъяснило, вздумали сниматься... Успели сделать только два снимка, причём Марьина рожа высунулась из окна и маячила на видоискателе в перспективе... На моё счастье, солнце стало закрывать тучей и я отказалась сниматься, так как вовсе не желаю фигурировать «на фоне Марьиной рожи». Марья, наверное, догадалась о причине моего радостного поспешного отказа.

Снимались мы вечером, и солнечное место было только около окон Марьи. Низина же была покрыта длинными тенями осин.

15 августа

Я действительно вчера как бы напрочестовала. В 9 часов вечера тёмная ночь и впрямь таила в себе мрачные замыслы. В 9 часов в Твери решалась на педагогическом совете наша судьба.

Директор Богачев страшно закобенился, не позволяя нам держать по-славянски, хотя начальница и учительницы хотели дать нам экзамен даже негласным образом. Это всё мы узнали от Андрея. Он приехал из Твери в 10 часов вечера, выдержав переэкзаменовки. Он принят в реальное училище, 16-го будет молебен, а 17-го начнётся ученье... Сдал в общем очень хорошо. Мы ждём от мамы телеграммы, в которой будет выяснен результат вчерашнего совещания педагогического совета.

Мама послала в Корчеву наши баллы. Андрей говорит, что есть пятки. Интересно знать, по каким предметам. Нам, наверное, придётся с Еленой остаться в Корчеве, как и думалось не раз... Татьяна уже собирается.

Да. Я вижу, что сильное хорошее чувство к одной личности делает человека счастливым, более содержательным и

И мне видится. Всё минется, одна правда останется

Началось пароходство

*Это было давно. Я не помню,
когда это было...*

более хорошим. Тут счастье заключается не во взаимности, не во внешних обстоятельствах, нет, оно заключается именно в самом чувстве любви к другому. Человек забывает своё подчас надоедающее «я», он менее эгоист, чем это можно было предполагать, всё окружающее приобретает особый отпечаток жизненности, всё одушевляется, природа становится милой и гармонирует с общим настроением.

30 августа

Приехали из Твери на праздники. Учимся в Твери. Экзамен по-славянски сдали «превосходно», как нам объявил директор, экзаменовавший нас. С 18-го стали ходить в классы. Завожу новый дневник для Твери, а этот останется недописанным. Нельзя везти лишнего в <...> Тверь. Вот как решилась наша судьба: по-нашему. Я вполне удовлетворена... Хорошее чувство. Подробно буду писать в новом дневнике.

Дороже же всего для меня моя партия и рабочий народ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Профессор-богослов П.И. Горский-Платонов (к истории семьи Ждановых)

Учёный-богослов, гебраист и библеист профессор Павел Иванович Горский-Платонов родился 2 января 1835 года в семье диакона. В 1854 году он окончил Вифанскую духовную семинарию, в 1858 году – Московскую духовную академию со степенью магистра за сочинение «История Тридентского собора». Был оставлен в академии бакалавром по классу Священного Писания.

С 1867 года он состоял в академии экстраординарным профессором еврейского языка и библейской истории, а в 1870 году начал вести курс «Археология библейская и еврейский язык».

По отзывам современников, Горский-Платонов обладал большой учёностью, даром слова и педагогическим талантом. «Он так наглядно изображал еврейские письменные знаки, сопровождая их самыми простыми примерами, что и наиболее тяжелодумные люди быстро запоминали их», – писал один из его учеников.

В течение длительного времени Горский-Платонов был инспектором Московской духовной академии, а в последние годы жизни избирался городским головой города Сергиева Посада, в котором находится Троице-Сергиева лавра.

Павел Иванович оставил крупный след в истории академии как её инспектор, а также как редактор и переводчик «Творений святых отцов», Святого Писания, редактор журналов. Так, профессор Горский-Платонов принимал активное участие в создании ежемесячного академического журнала «Богословский вестник» и в 1892–1893 годах был его первым редактором.

Значительный интерес представляют его дневниковые записи «Отрывки из скорбной летописи городского головы» (1894) и «Голос старого профессора» (1900). Пост городского головы Сергиева Посада Горский-Платонов занимал в 1888–1892 годах.

При нём был обновлён пожарный двор, построено помещение для заразных больных при городской больнице, число керосиновых фонарей на улицах увеличилось до 220 штук. Павел Иванович пытался бороться с чиновничьим произволом, в том числе и с помощью обличительных сатирических памфлетов, создал проекты организации всероссийского взаимного страхования и финансового контроля.

В ноябре 1892 года Павел Иванович подал прошение об отставке с поста городского головы, которое было удовлетворено.

В 1902 году Горский-Платонов вновь возглавил Сергиевский уезд, но ему опять пришлось уйти раньше срока – 21 октября 1904 года он скончался и был похоронен в Сергиевом Посаде на кладбище Московской духовной академии.

Его дочь Екатерина Павловна стала женой Александра Алексеевича Жданова, преподавателя древних языков Горийской духовной семинарии и любимого учителя Иосифа Джугашвили (Сталина). Впоследствии он служил инспектором народных училищ Корчевского, Кашинского и Калязинского уездов и отличался прямолинейностью характера, искренностью, честностью и демократическими взглядами.

Вячеслав Воробьев,
профессор Государственной академии
славянской культуры

К истории одной фотографии периода Первой мировой войны (из фондов Музея истории медицины Тверской области)

В одном из городских лазаретов, открытых в Твери в период с 1914-го по 1916 гг., получившем наименование Романовского, была сделана эта памятная для истории Твери фотография.

В окружении медперсонала и попечителей лазарета запечатлены выдающиеся представители городской и церковной администрации Твери того времени.

В первом ряду, в центре, по левую и правую стороны от сидящих вместе двух тверских епископов, расположились тверской губернатор с 1906-го по 1917 г. Николай Георгиевич фон-Бюнтинг (1861–1917) и его супруга Софья Михайловна (1876–1948), происходившая из старинного саксонского баронского рода Медем.

*Тверской губернатор
Н.Г. фон-Бюнтинг.
Фото начала XX в.*

*Супруга тверского губернатора
Н.Г. фон-Бюнтинга Софья Михайловна.
Фото начала XX в.*

Николай Георгиевич фон-Бюнтинг родился в Санкт-Петербурге и был представителем известного дворянского рода остзейских немцев.

После окончания с золотой медалью столичного Императорского училища правоведения и Берлинского университета Николай Георгиевич поступил на службу в Министерство юстиции.

Служил в Сенате и Министерстве внутренних дел. В 1897 г. был назначен курским вице-губернатором, затем губернатором Архангельской и Эстляндской губерний, а в 1906 г. был определен на место своего последнего служения в Тверь.

Помимо административного служения на губернаторском посту, Николай фон-Бюнтинг вел активную деятельность на поприще общественного служения, являясь почетным членом Тверской ученой архивной комиссии, Тверского православного братства Св. Благоверного князя Михаила Ярославича Тверского, а также и других общественных и благотворительных учреждений губернии того времени.

Супруга губернатора Софья Михайловна в начале Первой мировой войны стала активным организатором и попечителем благотворительных, трудовых и

медицинских обществ, деятельность которых была направлена на поддержку русской армии и оказание помощи раненым воинам и семьям погибших героев.

Семья фон-Бюнтингов в период войны с Германией мужественно претерпевала открытую клевету и всевозможные обвинения со стороны левой интеллигенции и революционных элементов в пособничестве немцам, предательстве интересов страны и тайных связях со своими родственниками в Германии.

После отречения императора Николая II от престола 2 марта 1917 г. пьяная и неуправляемая толпа солдат и «демократически» настроенных жителей города на глазах у многочисленной тверской публики растерзала своего губернатора на Соборной площади у кафедрального Спасо-Преображенского собора.

Перед своей смертью, прекрасно осознавая дальнейшее развитие событий, Николай Георгиевич по телефону из губернаторского дома исповедался викарному епископу Арсению (Смоленцу).

Супруге губернатора удалось забрать тело растерзанного мужа и тайно похоронить в пещерах Псково-Печерского монастыря. Сама Софья Михайловна с дочерьми эмигрировала в Париж.

В центре фотографии можно увидеть двух правящих архиереев Тверской епархии в период Первой мировой войны. Это архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Чичагов) и викарный епископ, епископ Старицкий Арсений (Смоленец).

Владыка Серафим (1856–1937), происходивший из древнего дворянского рода Чичаговых, был одним из выдающихся представителей духовенства и иерархов России XX в.

Свою жизнь до принятия священного сана Леонид Михайлович – так звали владыку Серафима до монашеского пострига – всецело посвятил делу военного служения Отечеству.

*Митрополит Серафим (Чичагов).
Фото после 1928 г.*

В 1875 г. он блестяще окончил элитное столичное военно-учебное заведение империи – Пажеский корпус. Был участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах.

В 1879 г. Леонид Михайлович женился на дочери камергера царского двора Наталии Николаевне Дохтуровой.

В 1890 г. Л. Чичагов резко меняет свою судьбу, пишет прошение об отставке и по совету знаменитого Иоанна Кронштадтского принимает сан священника. После внезапной кончины любимой супруги Леонид Михайлович принимает постриг с именем Серафим и определяется в братию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Именно ему первому удастся собрать, систематизировать и издать огромный документальный труд «Летопись Серафимов-Дивеевского монастыря» о великом стар-

це и подвижнике благочестия XIX в. прп. Серафиме Саровском. Именно это обширное и подробное издание во многом способствовало канонизации подобного в 1903 г.

С начала XX в., уже в сане архимандрита, о. Серафим возглавлял ряд российских монастырей, а в 1906 г. был возведён в сан епископа.

В 1914 г., в год начала Первой мировой войны, Владыка Серафим назначается архиепископом Тверским и Кашинским. Здесь с 1914-го по 1917 гг. архиепископ Серафим развернул огромную работу по мобилизации всех сил епархии на помощь раненым воинам, беженцам, поддержку семей погибших на фронтах войны тверских защитников Отечества и оказание материальной помощи российской армии.

В проповедях того времени Владыка Серафим призывал свою паству не только к внешнему деланию, но и к внутреннему очищению своей совести в этот трагический для страны период.

Большая работа велась Владыкой и по устройству внутренней епархиальной и приходской жизни во вверенной ему епархии.

С началом революции Владыка Серафим вынужден был покинуть Тверскую епархию из-за яростного противодействия новых «демократических» сил, захвативших при поддержке революционной власти управление в епархии. Последовал ряд арестов, заключение в тюрьму и ссылка.

В 1928 г. местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Старгородский) назначает Владыку Серафима управляющим Ленинградской епархией. В 1933 г. в возрасте семидесяти семи лет, будучи больным человеком, митрополит Серафим уходит на покой и поселяется на подмосковной станции Удельная по Казанской железной дороге. В 1937 г. в разгар сталинских репрессий тяжело больного митрополита (в тюрьму его отправили на носилках) арестовали и по приговору «тройки» НКВД 11 декабря как члена «контрреволюционной монархической организации» расстреляли в деревне Бутово под Москвой.

В 1997 г. по решению Архиерейского Собора митрополит Серафим (Чичагов) был причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Преосвященный Арсений, епископ Старицкий и викарий (заместитель) Тверской и Кашинской епархии – в миру Александр Иванович Смоленец (1873–1937) – родился в Варшаве в католической семье польских интеллигентов. Еще юношей Александр по глубокому личному убеждению принял православие. После окончания юридического факультета Варшавского университета работал в судебной системе Российской империи. Обладал феноменальной памятью и исключительными математическими способностями. Был боль-

Епископ Старицкий Арсений (Смоленец). Фото до 1917 г.

шим знатоком не только многих европейских языков, но и древних: латыни, греческого и еврейского.

В начале XX в. Александр Смоленец делает резкий поворот в своей жизни. В 1902 г. он блестяще, со степенью кандидата богословия оканчивает Казанскую духовную академию и постригается в монашество с именем Арсений.

Огромное влияние на будущего архипастыря оказал выдающийся иерарх того времени митрополит Антоний (Храповицкий) (1863–1936), с которым Владыка Арсений поддерживал духовную связь на протяжении всей его жизни.

В 1910 г. состоялась епископская хиротония и назначение на Пятигорскую кафедру. В 1912 г. Владыку Арсения переводят служить в Тверскую епархию и назначают викарным епископом с титулом епископ Старицкий.

После революции исполнял должность викария Екатеринославской епархии, управляющего Ростовской и Таганрогской епархией. Был непреклонным и бескомпромиссным борцом против обновленчества и созданной при поддержке революционной власти т. н. «Живой Церкви».

Неоднократно подвергался арестам, а также ссылке в Соловецкий лагерь особого назначения. После 1925 г., освободившись из заключения, возглавлял Минскую, Ставропольскую, Сталинградскую, Крымскую и Орловскую епархии. Умер своей смертью 19 декабря 1937 г. и был погребён на городском кладбище Таганрога.

*И.А. Иванов и известный российский историк С.Ф. Платонов.
Фото до 1917 г.*

Во втором ряду справа от архиепископа Серафима стоит один из известнейших деятелей по сохранению исторического наследия Тверского края, последний председатель Тверской учёной архивной комиссии (ТУАК), действительный статский советник **Иван Александрович Иванов**.

И.А. Иванов родился в семье священника. Закончил Смоленскую академию, а затем и Киевскую духовную академию. Получив степень кандидата богословия, Иванов был направлен преподавателем в Тверскую духовную семинарию. Позже перешёл на гражданскую службу и более 20 лет занимал должность управляющего Тверской казенной палатой. Во время пребывания в Твери в 1913 г. императора Николая II был личным царским экскурсоводом при осмотрах им достопримечательностей Твери. При посещении Тверского края Великим князем Константином Константиновичем – президентом Императорской

Академии наук – Иванов сопровождал высокого гостя в его путешествии по Волге.

После 1918 г. Иванов покинул Тверь. Скончался Иван Александрович в 1927 г.

Здание Романовской школы (Романовский лазарет).

Фото периода Первой мировой войны.

Из фотоальбома «Тверь 100 лет спустя».

Романовский лазарет, в котором была сделана эта фотография, располагался в здании Романовской школы, построенной инженерами Н.Н. Покровским и П.Ф. Богомоловым накануне войны в 1912–13 гг. к 300-летию династии Романовых.

Сейчас в этом здании по ул. Салтыкова-Щедрина, 27 находится детская школа искусств № 1.

Священник Роман Манилов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово.....	5
Предисловие	7
Записки сестры милосердия.....	20
Записки из исчезнувшего города	123
Юношеский дневник Анны Ждановой.....	129
Приложение	231

Принятые сокращения

ГАТО – Государственный архив Тверской области.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

ТГОМ – Тверской государственный объединённый историко-архитектурный и литературный музей.

ТУАК – Тверская учёная архивная комиссия.

ТЦДНИ – Тверской центр документации новейшей истории.

Фонд Екатерины Бакуниной выражает благодарность за помощь в издании книги Правительству Тверской области, Тверскому государственному объединённому историко-архитектурному и литературному музею, Тверскому центру документации новейшей истории, Музею истории медицины Тверской области, Переславль-Залесскому государственному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику, издательству «Триада» и лично ее директору Игорю Захарову, а также персонально Кире Волгаревой, Вячеславу Воробьёву, Людмиле Приклонской, Ольге Глониной и Екатерине Маниловой.

Составители:
**Глафинова В.В., Селунская Е.А.,
Манилов Р.А.**

Литературно-художественное издание 16+

**Записки
сестры милосердия
Анны Ждановой**

ООО «Издательство «Триада»
ИД № 06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 9, оф. 504,
тел./факс (4822) 429022, 354130
E-mail: triadatver@yandex.ru

Подписано к печати 05.08.2014 г.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 15. Уч. изд. л. 15.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Arial. Тираж 1000 экз.

Заказ
Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

**Благотворительный Фонд
«Имени сестры милосердия Екатерины Бакуниной»**

Осенью 2010 г., после широких торжеств, состоявшихся в Тверской государственной медицинской академии по празднованию 200-летия со дня рождения сестры милосердия Екатерины Бакуниной (1810/11–1894), в Твери был создан Благотворительный Фонд ее имени с целью изучения, сохранения и популяризации медицинского и духовно-нравственного наследия прославленной сестры милосердия.

За короткий срок Фонд выпустил медаль общественного признания «Сестра милосердия Екатерина Бакунина», которой уже награждены наиболее отличившиеся на ниве милосердного служения ближнему медицинские сестры и сестры милосердия Твери, Севастопо-

ля, Санкт-Петербурга, Самары, Волгограда, Москвы и Армении.

Имя Е.М. Бакуниной было торжественно занесено в листы памяти «Золотой Книги Санкт-Петербурга».

В 2012 г. была издана книга В.И. Сысоева «Сестра милосердия Екатерина Бакунина» и буклет о дворянской усадьбе Бакуниных Прямухино.

Благоустроен семейный склеп Бакуниных и установлена мемориальная доска над местом захоронения Е. Бакуниной в с. Прямухино.

В 2013 г. в Тверском областном клиническом перинатальном центре им. Е.М. Бакуниной открыт музей ее имени с уникальной экспозицией и экспонатами.

В планах Благотворительного Фонда – дальнейшая работа по увековечиванию памяти одной из первых сестер милосердия России Екатерины Михайловны Бакуниной.

Приглашаем всех неравнодушных к возрождению исторического и культурного наследия Тверского края поддержать благие начинания Фонда и оказать посильное содействие в реализации его многочисленных проектов.

*Президент Благотворительного Фонда
«Имени сестры милосердия Екатерины Бакуниной»,
ректор Тверской государственной
медицинской академии,
председатель Общественной палаты
г. Твери*

A stylized, handwritten signature in dark ink, consisting of several fluid, connected strokes.

**Калинкин
Михаил Николаевич**

**Благотворительный Фонд «Имени сестры милосердия
Екатерины Бакуниной»**

**e-mail: bakunina-fond@yandex.ru
www.bakunina-fond.ru**

...пришел. Дочь комиссара - доктор пришла...
 ...обходить по пациентам, давая осмотр...
 ...записи, кого можно было бы пред...
 ...сестры и фельдшерушки ходили за...
 ...и носили гриммишину и тетрадь...
 ...или были в первой палате, водились с...
 ...пациентами. Комиссары пришли: доктор по...
 ...мы за ними. Военный доктор сказал, что...
 ...оперит только тех, кто будет в стир...
 ...то он обвинит палаты много. Комиссар...
 ...сидящих переводил, я ходила по палатам за...
 ...предложил то... меня арестовали...
 ...родными с... каменна караван...
 ...отр. "Общественные работы", так как меня...
 ...машинист... в палату, выхва...
 ...правовых... прои, скажася в...
 ...дочка, Таа... динский, Курганов, Су...
 ...ктор, Тимошкин... вышедшим...
 ...комиссар... - Воева...
 ...ит, что... мер...
 ...хася Еле...
 ...менно опасением пр...
 ...преступить через разветв...
 ...моя неслетя очень...
 ...ма слито.

...протид. Опять возник вопрос об отъезде на по...
 ...идея! Помисли прошение в два списка...
 ...поведом. С самим комиссаром хотел пообщаться...
 ...лова. Я хотела бросить записывать свои воспомина...
 ...да советни не присесть писать, а я хочу уметь...
 ...забывать подробности. Если попаду на войну...
 ...неприятно видеть записки. Неохотно берусь...
 ...на душе такая тяжесть? Роль еще...
 ...и на меня легкую тирелю, я...
 ...и пережить неопреданное пережитое в прир...

